

РУССКИЙ РАБОЧИЙ
В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ
(По личным воспоминаниям)

*Лицам, произнесшим речи
на собраниях петербургских рабочих, состоявшихся
по поводу всемирной демонстрации 1-го мая¹*

Дорогие и уважаемые товарищи.

Вам, продолжающим дело революционеров семидесятих годов, принадлежат по праву эти воспоминания, о которых я могу с чистой совестью сказать, что они написаны *совершенно правдиво*. Позвольте же мне посвятить их Вам и тем представить хоть слабое доказательство моего сочувствия Вашим стремлениям. Мы, социал-демократы, готовы поддерживать всякое революционное движение, направленное против существующего общественного порядка. Тем понятнее наше сочувствие Вам, решительно ставшим под *социал-демократическое знамя*, которое является теперь знаменем *революционного пролетариата всех стран*. У нас нет и не будет другой задачи, кроме *посильного содействия развитию политического сознания русского рабочего класса*. Вы поставили себе ту же самую задачу. Пойдем же вместе к нашей великой цели, пойдем без оглядок и без колебаний, поддерживаемые гордою уверенностью в том, что мера наших успехов будет мерой политического развития нашей родины. Ваш предшественник, рабочий Петр Алексеев, еще в 1877 г. смело сказал своим судьям, что когда поднимется мускулистая рука рабочего — ярмо деспотизма, окруженное солдатскими штыками, разлетится в прах². К его словам можно и должно прибавить, что *только тогда и разлетится в прах ярмо деспотизма, когда поднимется мускулистая рука рабочего*.

Предисловие ко второму изданию

Народники семидесятих годов смотрели на крестьянство как на главную в России революционную силу, а на крестьянскую поземельную общину как на исходную точку развития нашей страны в сторону социализма.

Развитие у нас товарного производства и крупной капиталистической промышленности представлялось им весьма плачевными явлениями, расшатывающими прочность старых «устоев» экономической жизни нашего народа и потому задерживающими приближение социальной революции. Поэтому деятельность в рабочей среде никогда не занимала широкого места в народнической программе: рабочими интересовались лишь в той мере, в какой считали их способными *поддержать* крестьянское восстание, которое, по мнению народников, должно было вспыхнуть вдали от промышленных центров, на окраинах, еще не позабывших крупных³ крестьянско-казацких бунтов и хранящих строго «народные идеалы»*. Казалось бы, что при таком взгляде на рабочих народники могли не торопиться сближением с ними: прежде чем бороться за организацию вспомогательного отряда, естественно было озаботиться организацией главных сил будущей революционной армии, т. е. *сил крестьянства*. Но на самом деле народники занимались рабочими более, чем этого требовала эта программа⁴. Народники были энергичные люди, не любившие сидеть сложа руки. Многие из них, попадая в города, сближались с рабочими, чтобы не терять даром времени.

И хотя такое сближение не могло быть систематичным, хотя в большинстве случаев сближавшиеся с рабочими народники принимали все меры к тому, чтобы как можно скорее покинуть город и уйти в деревню, но так как в каждое данное время в городах проживало немалое число народников и так как передовой слой городского рабочего класса и тогда уже был очень восприимчив к революционной пропаганде, то рабочее дело все-таки росло и расширялось, поражая самих деятелей своей неожиданной успешностью. Первым крупным плодом сближения народников с петербургским пролетариатом явилась так называемая Казанская демонстрация 6 декабря 1876 года. А к концу семидесятых годов у народнического общества «Земля и воля»⁵ был уже довольно значительный опыт по части пропаганды, агитации и организации в среде рабочих.

* Этот взгляд на рабочих, как на класс, способный играть лишь роль *вспомогательного отряда* революционной армии, целиком перешел от народников к народолюбцам (см. напечатанную в «Календаре Народной воли» записку «Подготовительная работа партии», руб. Б., городские рабочие). Оно и понятно. Народолюбцы недавно говорили о себе, что *по основным своим воззрениям они — социалисты-народники*.

В передовой статье, напечатанной в № 4 газеты «Земля и воля», я подвел итоги этому опыту. Оказывалось, что «рабочий вопрос» все чаще и все настоятельнее напоминал о себе *вопреки* их народнической теории, выдвигавшей на первый план вопрос крестьянский. Но в то же время очевидно было и то, что революционеры еще далеко не приобрели всего того влияния на городскую рабочую массу, которую они *могли* приобрести. Это я объяснял тем, что они мало агитируют. Я говорил, что революционеры придают преувеличенное значение рабочим кружкам, в которых ведется *пропаганда* (читаются лекции о каменном веке и планетах небесных, как выразился я, иронизируя над пропагандистами), и не видят, что необходимо расшевелить *всю массу*. *Агитация на экономической почве*, — главным образом, во время стачек, — *такова была ближайшая практическая задача, на которую я указывал тем из наших товарищей, которые занимались с рабочими*.

Тогдашние члены общества «Земля и воля» тем легче согласились со мною, что вопрос о приемах нашей революционной деятельности в крестьянской среде давно был решен в том же самом смысле: никому из наших «деревенщиков» не приходило в голову вести кружковую пропаганду между крестьянами; все они твердо были убеждены в том, что приобрести влияние на крестьянскую массу они могут только посредством *агитации на почве ее ближайших* — и преимущественно экономических — *требований*. И это убеждение держалось среди наших революционеров вплоть до тех пор, пока так называемый *террор* не отвлек их внимания в другую сторону и пока между ними не распространился тот взгляд — *впервые* высказанный газетой «Народная воля», — что при наших политических условиях работать в крестьянстве значит *бесплодно «биться, как рыба об лед»*.

С половины восьмидесятых годов между революционерами, действовавшими в России, начали распространяться *социал-демократические идеи*. Распространение этих идей совершалось очень медленно частью по причине общественной реакции, наступившей после того, как правительству удалось разгромить партию «Народной воли»⁶, а частью потому, что старая народническая теория еще крепко сидела в головах русских людей, сочувствовавших социализму. И все-таки к началу девяностых годов, когда стали показываться первые слабые признаки нового общественного пробуждения, число со-

циал-демократов было уже настолько значительно, что они задумываются о том, каким образом можно было бы им приобрести широкое практическое влияние на рабочий класс. Опыт семидесятых годов указывал на *агитацию*, как на неизбежный путь к этой цели. Но опыт семидесятых годов был совершенно неизвестен нашим молодым товарищам, огромное большинство которых знакомо было тогда только с приемами *кружковой пропаганды*. Чтобы помочь этому горю, чтобы ознакомить молодых социал-демократов с практическими выводами, завещанными нам народнической эпохой, чтобы показать им, как можно и должно *агитировать*, я и написал свои воспоминания о русском рабочем движении семидесятых годов. Я думал, что, познакомив читателей с тем, что *было сделано их предшественниками*, я этим пролью некоторый свет на то, что *предстоит сделать им самим*. Но не мог удовлетворяться простым рассказом. В конце семидесятых годов, когда я писал в «Земле и воле» о необходимости *агитации на экономической почве*, я был народником до конца ногтей. В начале девяностых годов, когда я брался за перо, чтобы писать свои воспоминания, увлечение народничеством давно уже заменилось во мне критическим к нему отношением, потому что я давно уже стоял тогда на *социал-демократической* точке зрения. В качестве социал-демократа я хорошо видел то, чего не замечал прежде в качестве народника, именно то, что агитация на экономической почве может и должна быть использована агитаторами для политического воспитания рабочей массы. Читатель видит, что предлагаемые воспоминания содержат в себе также и сильное разъяснение этой стороны вопроса.

Я указываю на все это потому, что некоторые «сочинители» выдвигают теперь против меня в частности, и против группы «Освобождение труда»⁷ вообще, упрек в том, что мы будто бы не понимали значения агитации, а потому не могли своевременно указать на него нашим молодым товарищам. Если бы гг. «сочинители» лучше знали историю нашего движения, то они сами без труда поняли бы, как нелепо их «сочинение».

Правда, еще очень недалеко от нас то время, когда *наш* взгляд на агитацию находили неправильным многие наши молодые товарищи, настойчиво противопоставляющие ему взгляд, который был подробно изложен в известной брошюре «Об агитации». Я не стану разбирать здесь эту брошюру. Мое отношение к ней высказано еще очень недавно в статье «Еще раз социализм и

политическая борьба», напечатанной в первой книжке «Зари»⁸. Замечу одно: последовательные защитники взгляда, изложенного в брошюре «Об агитации», скоро стали, и неизбежно должны были стать, «*экономистами*», между тем как взгляд группы «Освобождение труда» разделяется теперь всеми мыслящими сторонниками «политического» направления. Оппозиция, которую некогда встречал этот взгляд в некоторой части наших социал-демократов, свидетельствовала лишь о том, что эти социал-демократы еще не вполне поняли не только ближайшую политическую задачу своей партии, но и вообще весь дух социал-демократической теории. И чем более и чем скорее сознавали они свои ошибки, тем более и тем скорее приближались они ко взглядам группы «Освобождение труда».

Упрек, выдвинутый против нас вышеупомянутыми «сочинителями», совсем не заслуживал бы внимания, если бы они не считали себя призванными исправить и навестать то, что было будто бы упущено и будто бы испорчено нами и нашими ближайшими товарищами. Но именно под предлогом такого исправления и такого навестания эти господа, которые крайне бедны собственными идеями, но зато чрезвычайно богаты непониманием чужих идей, проповедуют такой отчаянный вздор о «тактике-процессе» и об отношении экономической агитации к политической, что поистине заслуживают названия великих людей... по части путаницы понятий. Ну, а великих людей игнорировать невозможно; мы не имеем права обходить молчанием их упреки.

Но оставим пока гг. «сочинителей» и бросим взгляд на путь, пройденный русской социал-демократией с того времени, когда вышло первое издание моих воспоминаний. В то время наши товарищи только еще спрашивали себя, можно ли и следует ли им перейти от *пропаганды к агитации*; теперь агитация приняла такие широкие размеры, о каких они тогда боялись и мечтать. В то время наши товарищи уже приобрели прочное и плодотворное влияние в рабочих *кружках*; теперь рабочая масса, или — выражаясь скромнее, но зато точнее — *передовые слои рабочей массы* видят в них своих надежнейших руководителей и внимательно прислушиваются к их голосу. В то время наши товарищи только еще стремились занять господствующее положение в русской революционной среде; теперь это положение принадлежит им бесспорно, безраздельно и бесповоротно. И всего этого они достигли, несмотря на усердие полиции и на

иудины поцелуи «критиков». Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит. За нас, русских социал-демократов, ворожит *бабушка-история*, и ее ворожба быстро подвинула вперед наше дело.

Известно, однако, что *poblesse oblige*. У кого есть такая знатная бабушка, тот и сам должен непрестанно «содержать себя в струне» и помнить, что на нем лежат великие обязанности. До сих пор наше дело подвигалось вперед очень быстро, но поступательное его движение, наверное, сильно замедлится в будущем, если мы не сумеем разрешить тех практических задач, которые выросли перед нами именно благодаря нашим огромным успехам. Самой важной из этих задач является, без всякого сомнения, *организация*. Вопрос о ней имеет теперь такое же решающее значение, какое лет десять тому назад имел вопрос об агитации. Он лежит в центре всех остальных практических вопросов настоящего времени. Не разрешив его, мы ни для одного из них не найдем вполне удовлетворительного решения. А когда он будет разрешен, они решатся, можно сказать, сами собой. Тогда нами будет сделан новый, огромный шаг вперед, с которым начнется новая эпоха в истории нашей партии. Тогда даже наиболее упорные хулители русской социал-демократии вынуждены будут признать, что ей суждено собрать под свое знамя все живые силы революционной России. И тогда она будет иметь полное право сказать всякому искреннему революционеру, как говорил Иегова еврейскому народу: *«Аз есмь Господь Бог твой, и да не будут боги инии разве мене!»*

ОТОН
ПОТОМ
ПОТОМ

I

Первый рабочий-революционер, с которым столкнула меня судьба, был довольно известный когда-то в русской революционной среде Митрофанов, впоследствии умерший в тюрьме от чахотки⁹. Я познакомился с ним у студентов медицинской академии братьев Х. в конце 1875 года. Митрофанов был уже тогда «нелегальным» и жил у братьев Х., скрываясь от полиции. Как и все студенты-революционеры того времени, я, конечно, был большим народолюбцем и собирался идти в «народ», понятие о котором было у меня, однако, — опять-таки как и у всех студентов-революционеров того времени, — очень смутным и неопределенным. Любя «народ», я знал его очень мало, а лучше сказать, не знал совсем, хотя и вырос в деревне. Когда я первый раз встретился с Митрофановым и узнал, что он рабочий, т. е. один из представителей «народа», в моей душе шевельнулось смешанное чувство жалости и какой-то неловкости, точно будто я в чем-нибудь перед ним провинился. Мне очень хотелось заговорить с ним, но в то же время я решительно не знал, как и в каких выражениях стану с ним разговаривать. Мне казалось, что язык нашего брата студента будет совершенно непонятен этому «сыну народа» и что в разговоре с ним я должен держаться того нелепого, переряженного слова, которым были написаны многие из наших революционных брошюр. К счастью, Митрофанов вывел меня из затруднения. Он заговорил первый, и, не помню уже как, разговор перешел на революционную литературу. Я увидел, что мой собеседник читал не одни только ряженные брошюры. Ему знакомы были сочинения Чернышевского, Бакунина, Лаврова, и он умел отнестись к ним критически. Журнал и газета «Вперед!» казались ему недостаточно революционными¹⁰. Он склонялся к «бунтарству» и отстаивал этот способ действия с помощью тех же самых

Маевка участников «Рабочего союза» в лесу за Волковым кладбищем (картина художника М. Д. Янкова).

доводов, которые приводились обыкновенно «бунтарями»-студентами¹¹. Удивлению моему не было границ. Личность Митрофанова решительно не входила в узкие рамки моего сентиментального представления о «народе». Зато тем более заинтересовала она меня. Я стал часто встречаться с Митрофановым и жадно расспрашивал его об его революционной деятельности в народной среде. Из всех слоев народа ближе всего ко мне, по моему тогдашнему положению, были, конечно, петербургские рабочие, и вот я засыпал своего нового знакомого вопросами о том, что представляют они собой. Митрофанов относился к ним отрицательно. Из его слов выходило, что настоящий народ это крестьянство, городские же рабочие в значительной степени развращены и проникнуты буржуазным духом, вследствие чего революционеры должны идти в деревню. Подобные отзывы, вполне соответствовавшие нашим собственным представлениям о народе, не могли возбудить во мне склонности к ближайшему знакомству с петербургской рабочей средой, и в течение нескольких месяцев Митрофанов оставался единственным лично известным мне рабочим. А между тем в то время велась в этой среде довольно де-

ятельная пропаганда, в которой и мне пришлось вскоре принять посильное участие.

В самом начале 1876 года случилось так, что не было подходящей квартиры для революционной рабочей сходки. У меня на Петербургской стороне была прекрасная, большая комната и очень добрая хозяйка-чухонка, решительно не понимавшая, что может быть предосудительного в многочисленных вечерних собраниях молодежи. Опасаться каких-либо доносов с ее стороны не было оснований. Напротив, «в случае чего», она первая постаралась бы предупредить и выручить из беды своего постояльца. Об этих доблестях моей хозяйки знали все мои знакомые революционеры, между которыми были люди, занимавшиеся пропагандой в среде рабочих. Разумеется, по доброму революционному обычаю, люди эти, до поры до времени, держали свои занятия в тайне от меня, непосвященного. Но так как у них не было причин не доверять мне, то они открылись тотчас, как только им представилась надобность, — если не лично во мне, то в моей комнате. На вопрос, может ли собраться у меня рабочая сходка, я отвечал полнейшим согласием и, несмотря на заимствованное от Митрофанова предубеждение против городских рабочих, с нетерпением ждал назначенного для сходки времени.

Дело было под какой-то большой праздник. Около 8 часов вечера ко мне пришло сначала человек 5—6 интеллигентных «революционеров» — некоторых из них я видел тогда в первый раз, — а затем стали собираться рабочие. Собрание было открыто, как это водилось и, вероятно, до сих пор водится в России, без всяких формальностей. Частные беседы, подойдя к предмету сходки, мало-помалу перешли в общий разговор, и каждый, желавший что-нибудь сказать, вставлял свое замечание, нимало не справляясь о том, кому в данную минуту «принадлежит слово». «Слово» принадлежало всем вообще и никому в частности. Благодаря этому, прения много теряли в смысле порядка, но, с другой стороны, немало выигрывали в смысле задушевности. Состоявшаяся у меня сходка имела важное значение. Как раз в то время выработывалась программа «бунтарей»-рабочих. Большинство революционеров из интеллигенции думало, что главные силы русской социалистической партии должны быть направлены на «агитацию на почве существующих народных требований», а за «пропаганду» стояли так называемые «лавросты», люди малодеятельные и потому маловлиятельные в революционной

среде. В качестве бунтарей интеллигенты, собравшиеся у меня, старались склонить рабочих на путь «агитации». Рабочие вообще плохо схватывали отличительные признаки различных революционных программ; «интеллигенции» нужно было положить много труда, прежде чем тот или другой из них постигал, наконец, спорные программные вопросы, подобно Митрофанову, до тонкости. Но это я заметил уже впоследствии. Теперь же видел только, что на доводы бунтарей рабочие поддаются довольно туго. Нужно заметить, что у меня собрались лучшие, наиболее надежные и влиятельные люди из петербургских рабочих-революционеров. Многие из них уже подвергались преследованиям по делу о революционной пропаганде 73—74 годов (из которого вырос потом знаменитый процесс 193-х)¹² и, сидя в тюрьме, много учились и читали. По выходе на волю они опять горячо принялись за революционную деятельность, но смотрели на революционные рабочие кружки прежде всего как на *кружки самообразования*. Когда бунтари, излагая перед ними свои взгляды, выразили ту мысль, что «пропаганда» не имеет никакого революционного значения, рабочие горячо запротестовали.

— Как не стыдно вам говорить это?— с жаром воскликнул некто В.¹³, работавший, если не ошибаюсь, на Василеостровском патронном заводе и только что оставивший Дом предварительного заключения, где он сидел по делу «чайковцев»¹⁴.— Каждого из вас, интеллигентов, в пяти школах учили, в семи водах мыли, а ведь иной рабочий не знает, как отворяется дверь школы! Вам не нужно больше учиться: вы и так много знаете, а рабочим без этого нельзя!

— Не страшно пропасть за дело, когда понимаешь его,— говорил молодой, стройный рабочий В. Я.¹⁵,— а когда пропадешь неизвестно за что, это уже плохо. Мало хорошего добьетесь вы от такого рабочего, который ничего не знает!

— Каждый рабочий—революционер по самому положению своему,—возражали бунтари,—разве он не видит, не понимает, что хозяин наживается на его счет?

— Понимает, да плохо; видит, да не так, как следует,—стояли на своем рабочие.—Другому кажется, что иначе и быть не может, что так уж богу угодно, чтобы терпел рабочий. А вы покажите ему, что может быть иначе. Тогда он станет настоящим революционером.

Спор затянулся надолго. В конце концов обе сторо-

ны пошли на уступки. Решено было не пренебрегать *пропагандой*, но в то же время не упускать удобных случаев для *агитации*. Я уверен, впрочем, что рабочим было очень неясно тогда, какой именно агитации добиваются от них бунтари. Да и у самих бунтарей с этим словом соединялось тогда, я думаю, несколько смутное представление.

Как бы там ни было, споры прекратились; сходка могла считаться оконченной. Бунтари ушли, ушли также некоторые из рабочих, но большинство продолжало сидеть, деятельно занимаясь чаепитием. Кто-то сбегал за пивом, произошла легкая выпивка, и разговор принял шуточный характер. В. рассказывал разные смешные случаи из своей тюремной жизни, а В. Я., тот самый В. Я., который говорил, что человек может с самоотвержением относиться только к понятному для него делу,—спел даже песню, сложенную, по его словам, колпинскими рабочими после каракозовского покушения. У меня осталось в памяти только начало этой песни: Каракозову спасибо, что хотел убить царя...¹⁶

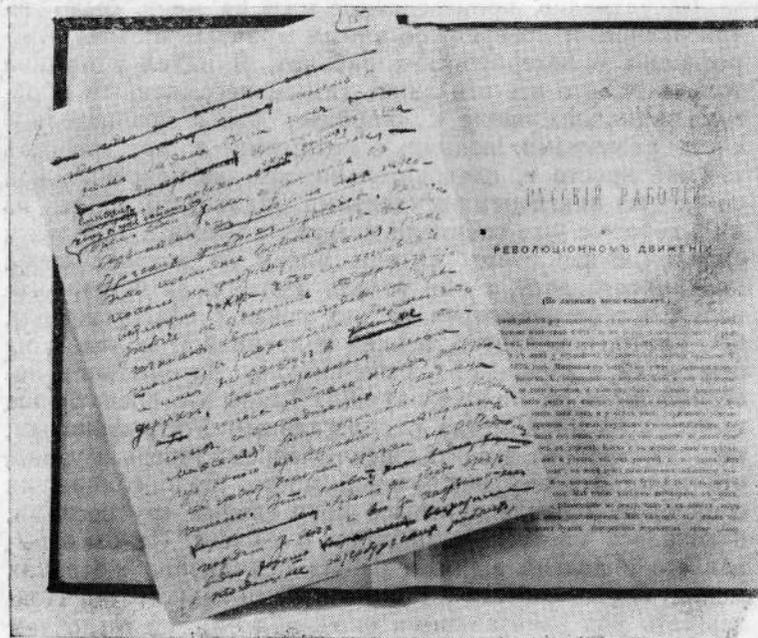
Веселая компания засиделась у меня далеко за полночь, и я расстался со своими гостями, как со старыми приятелями.

Впечатление, произведенное ими на меня, было потрясающее. Я совершенно забыл мрачные отзывы Митрофанова о петербургских рабочих. Я видел и помнил только то, что все эти люди, самым несомненным образом принадлежавшие к «народу», были сравнительно очень развитыми людьми, с которыми я мог говорить так же просто и, следовательно, так же искренно, как со своими знакомыми-студентами. Мало того, на тех из них, которые уже отсидели известное время в тюрьме, я смотрел снизу вверх: «я еще ничем не доказал своей преданности делу, а они успели постоять за него»,—говорил я себе и смотрел на них почти с благоговением, как смотрит, вероятно, всякий искренний и молодой, не бывавший в переделках, революционер на опытного, *пострадавшего за дело* товарища. Такое же впечатление вынес я из знакомства с нелегальным Митрофановым, но Митрофанова я считал исключением; теперь я узнал, что подобных ему исключений много. Дело сближения с народом, прежде пугавшее меня своими трудностями, показалось мне теперь простым и легким. Не откладывая его в долгий ящик, я решил немедленно же и как можно ближе сойтись с моими новыми знакомыми. Поддержать раз завязавшиеся сношения с ними было тем

Обложка журнала «Социаль-демократ» (Женева, 1890).

Текст статьи Г. В. Плеханова «Русский рабочий в революционном движении» в журнале «Социал-демократ» и автограф одной из страниц.

Г. В. Плеханов в одежде рабочего. 1877—1879 гг.

легче, что некоторые из них дали мне свои адреса и звали к себе в гости.

Прежде всего я пошел к некоему Г-у¹⁷, жившему, как оказалось, по соседству со мной. Г. был оригинальный человек, едва ли имевший в своем характере хоть одну из тех черт, которые «интеллигенция» того времени любила приписывать «народу». В нем не было и следа крестьянской непосредственности, крестьянской склонности жить и думать так, как жили и думали предки. При самых обыкновенных способностях он отличался редкой жаждой знания и поистине удивительной энергией в деле его приобретения. Работая на заводе по 10—11 часов в сутки и возвращаясь домой только вечером, он ежедневно просиживал за книгами до часу ночи. Читал он медленно и, как я заметил, не легко усваивал прочитанное, но то, что усваивал, знал очень основательно. Маленький, слабогрудый и бледный, безбородый с небольшими, тонкими усиками, он носил длинные волосы и синие очки. В зимние холода он поверх короткого драпового пальто накидывал широкий плед и тогда уже окончательно выглядел студентом. Он и жил по-студенчески, занимая крошечную комнатку, единственный стол которой был завален книгами. Когда я короче познакомился с ним, я был поражен разнообразием и множеством осаждавших его теоретических вопросов. Чем только не интересовался этот человек, в детстве едва научившийся грамоте! Политическая экономия и химия, социальные вопросы и теория Дарвина одинаково привлекали к себе его внимание, возбуждали в нем одинаковый интерес, и, казалось, нужны были десятки лет, чтобы, при его положении, хоть немного утолить его умственный голод. Меня и обрадо-

вала и вместе как бы опечалила эта черта его характера. Почему обрадовала — это понятно без пояснений; опечалила же потому, что я был сильно проникнут тогда бунтарскими взглядами, а у бунтарей излишнее пристрастие к книге считалось недостатком, признаком холодного, неревOLUTIONIONного темперамента. Впрочем, по темпераменту Г., действительно, не был революционером. Он, наверно, всегда лучше чувствовал бы себя в библиотеке, чем на шумном политическом собрании. Но от товарищей он не отставал, а положиться на него можно было, как на каменную гору.

В сопровождении Г-а я посетил почти всех остальных рабочих, бывших на вышеописанной сходке в моей комнате, а затем приобрел между ними много новых знакомых. Видя, как заинтересовало меня «рабочее дело», бунтари приняли меня в свой кружок, так что «занятия с рабочими» стали с тех пор моей революционной обязанностью.

II

Само собой разумеется, что между рабочими, как повсюду, я встречал людей, очень различавшихся между собою по характеру, по способностям и даже по образованию. Одни, подобно Г-у, читали очень много, другие так себе, не много и не мало, а третьи предпочитали книжные «умные разговоры» за стаканом чаю или за бутылкой пива. Но в общем вся эта среда отличалась значительной умственной развитостью и высоким уровнем своих житейских потребностей. Я с удивлением увидел, что эти рабочие живут несколько не хуже, а многие из них даже гораздо лучше, чем студенты. В среднем каждый из них зарабатывал 1 руб. 25 коп., до 2 рублей в день. Разумеется, и на этот сравнительно хороший заработок не легко было существовать семейным людям. Но холостые — а они составляли тогда между знакомыми мне рабочими большинство — могли расходовать вдвое больше небогатого студента. Были среди них и настоящие «богачи», вроде механика С.¹⁸, ежедневный заработок которого доходил до трех рублей. С. жил на Васильевском острове вместе с В. (который, на сходке у меня, так горячо отстаивал пропаганду в рабочих кружках). Эти два друга занимали прекрасную меблированную комнату, покупали книги и любили иногда побаловать себя бутылкою хорошего вина. Одевались они, в особенности С., настоящими франтами. Впрочем, все рабочие этого слоя одевались несравненно лучше, а

главное опрятнее, чище нашего брата студента. Каждый из них имел для больших okazji хорошую черную пару и когда облакался в нее, то выглядел «баринoм» гораздо больше любого студента. Революционеры из «интеллигенции» часто и горько упрекали рабочих за «буржуазную» склонность к франтовству, но не могли ни искоренить, ни даже хотя бы отчасти ослабить эту будто бы вредную склонность. Привычка и здесь оказалась второй натурой. В действительности рабочие заботились о своей наружности не больше, чем «интеллигенты» о своей, но только заботливость их выражалась иначе. «Интеллигент» любил принарядиться по-«демократически», в красную рубаху или в засаленную блузу, а рабочий, которому надоела засаленная блуза, надоела и намозолила глаза в мастерской, любил, придя домой, одеться в чистое, как нам казалось, — *буржуазное* платье. Своим, часто преувеличенно небрежным, костюмом интеллигент протестовал против светской хлыщеватости; рабочий же, заботясь о чистоте и нарядности своей одежды, протестовал против тех общественных условий, благодаря которым он слишком часто видит себя *вынужденным* одеваться в грязные лохмотья. Теперь, вероятно, всякий согласится, что этот второй протест много серьезнее первого. Но в то время дело представлялось нам иначе: пропитанные духом аскетического социализма, мы готовы были проповедовать рабочим то самое «отсутствие потребностей», в котором Лассаль видел одно из главных препятствий для успеха рабочего движения.

Чем больше знакомился я с петербургскими рабочими, тем больше поражался их культурностью. Бойкие и речистые, умеющие постоять за себя и критически отнестись к окружающему, они были *горожанами* в лучшем смысле этого слова. Многие из нас держались тогда такого мнения, что «спропагандированные» городские рабочие должны идти в деревню, чтобы действовать там в духе той или иной революционной программы. Мнение это разделялось и некоторыми рабочими. Я уже сказал, как исключительно стоял Митрофанов за деятельность в деревне. Такой взгляд был непосредственным и неизбежным плодом нарождающегося тогда народничества, с его презрением к городской цивилизации, с его идеализацией крестьянского быта. Господствовавшие в среде революционной интеллигенции народнические идеи естественно налагали свою печать также и на *взгляды* рабочих. Но *привычек* их они переделать не могли, и потому настоящие городские рабочие, т. е. рабочие, совершенно

свыкшиеся с условиями городской жизни, в большинстве случаев оказывались непригодными для деревни. Сойтись с крестьянами им было еще труднее, чем революционерам-«интеллигентам». Горожанин, если только он не «кающийся дворянин» и не совсем проникся влиянием дворян этого разряда, всегда смотрит сверху вниз на деревенского человека. Именно так смотрели на этого человека петербургские рабочие. Они называли его *серым* и в душе всегда несколько презирали его, хотя совершенно искренно сочувствовали его бедствиям. В этом отношении Митрофанов, с его нелюбовью к городу, представлял собой несомненное исключение из общего правила. Но Митрофанов, по своей нелегальности, долго жил среди «интеллигенции» и совершенно проникся всеми ее чувствами.

Нужно сказать и то, что между петербургскими рабочими «серый» деревенский человек нередко являл собой довольно жалкую фигуру. На Василеостровский патронный завод поступил, в качестве смазчика, крестьянин Смоленской губернии С. На этом заводе у рабочих было свое потребительное товарищество и своя столовая, служившая в то же время и читальней, так как она была снабжена почти всеми столичными газетами. Дело было в разгаре герцеговинского восстания¹⁹. Новый смазчик отправился есть в общую столовую, где за обедом газеты читались, по обыкновению, вслух. В тот день, не знаю уж в какой газете, шла речь об одном из «славных защитников Герцеговины». Деревенский человек вмешался в поднявшиеся по этому поводу разговоры и высказал неожиданное предположение о том, что «он, должно быть, любовник ейный».

— Кто? чей?— спросили удивленные собеседники.

— Да герцогинин-то защитник; с чего же бы стал он защищать ее, кабы промеж них ничего не было.

Присутствующие разразились громким хохотом. «Так, по-твоему, Герцеговина не страна, а баба,— восклицали они,— ничего-то ты не понимаешь, прямая деревенщина!» С тех пор за ним надолго установилось прозвище — *серый*. Это прозвище очень удивило меня, когда я познакомился с ним глубокой осенью в 1876 году, когда он был уже убежденным революционером и самым деятельным пропагандистом.

— Почему вы так называете его?— спросил я рабочих.

— Да как же, ведь он какую штуку отмочил у нас в столовой; ведь он думал...

Последовал рассказ о герцогинином любовнике.

— Да что ж, ну, ошибся,— добродушно оправдывался смазчик,— ведь я что же понимал тогда?

Подобные происшествия подавали повод лишь к насмешке. Но между «серыми» людьми деревни и петербургскими рабочими происходили иногда недоразумения гораздо более печального свойства. По делу о пропаганде в 37 губерниях попал в тюрьму рабочий Б-н²⁰, родом из Новгородской или Петербургской губернии. Выпущенный после почти двухлетнего заключения, Б-н отправился на родину, если не ошибаюсь, для перемены паспорта. Тотчас по его приходе он был засажен в «холодную», а затем «старички» решили «постегать малого» за недоимки. Ему сообщили об этом решении, как о чем-то весьма обыкновенном и совершенно неизбежном.

— Да вы с ума сошли,— возопил Б-н,— да попробуйте только тронуть меня, я и деревню-то всю сожгу, да и вы-то голов не снесите: сам пропаду, да уж и вы пожалеете, что связались со мной!

«Старички» струсили. Они решили, что совсем ошалел их «острожник» и что лучше, в самом деле, с ним «не путаться». Так и ушел Б-н из родной деревни, не вкусив благодетельных лозанов. Но он уже никогда не мог забыть этого происшествия.

— Нет,— говорил он нам,— я по-прежнему готов заниматься пропагандой между рабочими, но в деревню я никогда и ни за что не пойду. Незачем. Крестьяне — бараны, они никогда не поймут революционеров.

Я не раз замечал, что на телесное наказание рабочие смотрят как на крайнюю степень унижения человеческого достоинства. Иногда они с негодованием показывали мне газетные сообщения о порках крестьян, и я всегда затруднялся решить, что больше возмущает их: свирепость истязующих или безответная покорность истязуемых.

Когда сложившееся в 1876 году общество «Земля и воля» стало заводить свои революционные поселения в народе, нам удалось склонить к переезду в Саратовскую губернию некоторых петербургских рабочих. Это были испытанные люди, искренно преданные народническим идеалам и глубоко проникнутые народническими взглядами. Но попытки их устроиться в деревне не привели ни к чему. Побродив по деревням с целью высмотреть подходящее место для своего поселения (причем некоторые из них были приняты за немцев), они махнули рукой на это дело и кончили тем, что вернулись в Сара-

тов, где завели сношения с местными рабочими. Как ни удивляла нас эта отчужденность от «народа» его городских детей, но факт был налицо, и мы должны были оставить мысль о привлечении рабочих к собственно крестьянскому делу.

Прошу читателя иметь в виду, что я говорю здесь о так называемых *заводских* рабочих, составлявших значительную часть петербургского рабочего населения и сильно отличавшихся от *фабричных*, как по своему сравнительно сноскому экономическому положению, так и по своим привычкам. Фабричный работал больше заводского (12—14 часов в сутки), а зарабатывал значительно меньше: рублей 20—25 в месяц. Он носил ситцевую рубашку и долгополую поддевку, над которыми подменялись заводские. Он не имел возможности нанять отдельную квартиру или комнату, а жил в общем артельном помещении. У него были более прочные связи с деревней, чем у заводского рабочего. Он знал и читал гораздо меньше, чем заводской, и вообще был ближе к крестьянину. Заводской рабочий представлял собой что-то среднее между «интеллигентом» и фабричным: фабричный — что-то среднее между крестьянином и заводским рабочим. К кому он ближе по своим понятиям, к крестьянину или заводскому, — это зависело от того, как долго прожил он в городе. Только что пришедший из деревни фабричный, разумеется, оставался в течение некоторого времени настоящим крестьянином. Он и жаловался не на хозяйскую прижимку, а на тяжелые подати да на крестьянское малоземелье. Пребывание в городе казалось ему временной и притом очень неприятной необходимостью. Но мало-помалу городская жизнь подчиняла его своему влиянию; незаметно для себя он приобретал привычки и взгляды горожанина. Проработав в городе несколько лет, он уже плохо чувствовал себя в деревне и неохотно возвращался в нее, в особенности если ему удавалось столкнуться с «умственными» людьми, столкновения с которыми возбудили в нем интерес к книге. Я знавал таких фабричных, которые, будучи принуждены вернуться на время домой, ехали туда как в ссылку, а возвращались назад, подобно заводскому рабочему Б-пу, решительными недругами «деревенщины». Причина была всегда одна и та же: деревенские нравы и порядки становились невыносимыми для человека, личность которого начинала хоть немного развиваться. И чем даровитее был рабочий, чем больше ду- мал и учился он в городе, тем скорей и решительней

разрывал он с деревней. Фабричный, несколько лет принимавший участие в революционном движении, обыкновенно не мог и нескольких месяцев выжить у себя на родине. Иногда отношения таких рабочих к их старикам-родителям принимали поистине трагический характер. «Отцы» горько плакались на непочтительность «детей», а дети с тяжелым сердцем убеждались, что стали в семье совершенно чужими, и их неудержимо тянуло в город, в тесные, дружеские кружки товарищей-революционеров.

Едва ли нужно объяснять, где лежит причина лучшего экономического положения заводских рабочих. Она заключается в свойствах их труда. Можно легко и скоро выучиться хорошо работать на фабрике, на прядильном или на ткацком станке. Для этого достаточно несколько недель. Но для того чтобы сделаться столяром, токарем или слесарем, нужно, по крайней мере, около года. Рабочий, знающий одно из этих ремесел, считается уже «мастеровым человеком», и именно такие мастерские нужны для заводов*. Несомненно также, что не остаются без влияния в этом случае и наши знаменитые «устои». Нужда и необходимость платить подати, часто во много раз превышающие доходность крестьянских наделов, ежегодно выгоняют из деревень массу «общинников», которые со всех сторон стремятся на фабрики, своим соперничеством страшно понижая заработную плату. На заводах этот наплыв менее ощутителен, так как туда редко удастся попасть человеку без специальной подготовки. Притом же многие из заводских рабочих — городские мещане, т. е. люди, имеющие редко достающиеся на долю русского работника счастье быть пролетариями и потому не обязанные прямыми платежами по отношению к государству. Разумеется, и одного голода более чем достаточно для того, чтобы поставить продавца рабочей силы в условия, очень невыгодные для ее продажи. Но у «крепких земле» фабричных к *голоду* присоединяется еще и *податной гнет*. Государство сперва связывает им руки, а потом предоставляет им бороться с нуждой, как они умеют.

В качестве коренных горожан многие заводские рабочие с детства имеют гораздо больше средств к образованию, чем фабричные. Между знакомыми мне заводскими рабочими я не встречал людей, совершенно не

* Само собой разумеется, что я не говорю здесь о кирпичных, сахарных и им подобных заводах, на которых работают совсем «серые» люди.

бывших в школе. Одни из них учились в обыкновенных городских первоначальных школах, другие в школах Технического и Человеколюбивого обществ²¹. Я совсем не знаком со школами Человеколюбивого общества (слышал только от рабочих, что одна из них имеет несколько классов), но школы Технического общества известны мне очень хорошо. Бедно обставленные, они все-таки недурно делают свое дело, обучая заводскую молодежь чтению, письму и арифметике. Для взрослых рабочих в этих школах устраиваются, или, по крайней мере, устраивались, субботние (вечерние) и воскресные (утренние) чтения по космографии и по другим естественным наукам. На чтения эти всегда являлась многочисленная публика, и нужно было видеть, с каким вниманием слушала она учителя! Я сам не раз был свидетелем того, как после урока пожилые рабочие подходили к учителю и горячо благодарили его «за труд». «Очень уж интересно,— говорили они,— большое вам спасибо ото всех нас». На некоторых заводах рабочие-пропагандисты сделали такое замечание: если человек не ходит на чтения, то на него надежды мало; и наоборот, чем внимательнее следит он за ними, тем с большей уверенностью можно сказать, что он станет со временем надежным революционером. Этой приметой они неизменно руководствовались в деле привлечения к своим кружкам новых членов.

Некоторые из заинтересовавшихся книжкой рабочих не прочь были иногда и сами взяться за перо. На Василеостровском патронном заводе в течение некоторого времени рабочими велся рукописный журнал,— род резкой сатирической летописи заводской жизни. Доставалось в нем больше всего заводскому начальству, но иногда бич рабочей сатиры хватал и выше. Так, например, помню, журнал доводил до сведения своих читателей, что в правительственных сферах обсуждается проект закона, в силу которого будут получать особые награды предприниматели, в течение года изувечившие на своих фабриках и заводах наибольшее число рабочих («награды будут соразмерны количеству оторванных пальцев, рук и носов»,— говорилось в сообщении). Эта горькая насмешка метко характеризовала положение дел в стране, законодательство которой, заботливо охраняя интересы нанимателей, самым беззастенчивым образом пренебрегает интересами нанимаемых.

Рабочая молодежь, подростки и дети, насколько я заметил, отличаются гораздо большей самостоятельно-

стью, чем молодежь высших классов. Жизнь в более раннем возрасте и с большею суровостью толкает их на борьбу за существование, чем и налагает особую печать находчивости и закаленности на тех из них, которым удастся спастись от преждевременной гибели. Я знал тринадцатилетнего мальчугана, круглого сироту, который, работая в Галерной гавани на заводе Макферсона, жил один-одинешенек, по-видимому не чувствуя ни малейшей нужды в какой-либо посторонней поддержке. Он сам рассчитывался с конторой и сам, без чужих указаний, умел соблюдать равновесие в своем маленьком бюджете. Не знаю, был ли у него опекун: это как-то слишком нежно для рабочего; но если и был, то, наверное, не много имел хлопот с опекаемым.

Столкновения с мастерами и хозяевами развивают в рабочей молодежи замечательное единодушие. Весной 1878 года, во время стачки на Новой Бумагопрядильне, было арестовано и посажено в участок несколько малолетних фабричных. Товарищи их, такие же малолетние и такие же «бунтовщики», как и арестованные, немедленно отправились толпой в участок, требуя их освобождения. Вышла своеобразная детская демонстрация. Взрослые рабочие не принимали в ней никакого участия. Они только наблюдали ее издали. «Вишь, как наши ребятишки-то действуют,— одобрительно говорили они,— ничего, пушай учатся». Впрочем, в данном случае учиться ребятишкам было нечему: они и без того принимали в стачке самое деятельное и самое полезное участие, прекрасно понимая, в чем дело. Когда на обширном дворе Бумагопрядильни происходили большие собрания стачечников, малолетние играли обыкновенную роль казачьих разъездов. Они каким-то чутьем узнавали о приближении неприятеля и немедленно доводили о нем до сведения старших. «Пристав едет, пристав едет»,— со всех сторон кричали звонкие детские голоса, и извещенное вовремя собрание расходилось. Когда пристав появлялся на место действия, то хватать было уже некого. Взрослая полиция Александра II страшно злобилась на эту малолетнюю полицию рабочих. Многие из этих маленьких стачечников были подвергнуты тогда «исправительному наказанию при полиции». Не думаю, однако, чтобы наказание «исправило» их в желательном для начальства смысле.

Много интересного мог бы подметить в рабочей среде такой тонкий наблюдатель, как Г. И. Успенский. Но наши народники-беллетристы обыкновенно не обращали

на нее никакого внимания. Для них «народ» кончался там, где исчезала крестьянская непосредственность и где завещанная предками философия Ивана Ермолаевича * разлагается под влиянием пробудившейся мысли работника. Правда, в семидесятых годах этим грехом грешны были не одни беллетристы-народники и вообще не одна легальная литература. Нелегальные писатели с своей стороны немало содействовали ложной идеализации крестьянства и торжеству самобытных теорий «русского социализма», никогда не умевшего взглянуть на рабочий вопрос с правильной точки зрения. Проникнутые народническими предрассудками, все мы видели тогда в торжестве капитализма и в развитии пролетариата величайшее зло для России. Благодаря этому, наше отношение к рабочим всегда было двойственным и совершенно непоследовательным. С одной стороны, в своих программах мы не отводили пролетариату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упования исключительно на крестьянские бунты; а с другой стороны — мы все-таки считали нужным «заниматься с рабочими» и не могли отказаться от этого дела уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затрате сил, оказывалось несравненно более плодотворным, чем наши излюбленные «поселения в народе». Но, идя к рабочим не то чтобы против воли, а, так сказать, *против теории*, мы разумеется, не могли хорошо выяснить им то, что Лассаль называл *идеей рабочего сословия*. Мы проповедывали им не социализм и даже не либерализм, а именно тот переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать «буржуазные» политические права и «буржуазную» политическую свободу и ставил перед ними, в виде соблазнительного идеала, допотопные крестьянские учреждения. Слушая нас, рабочий мог проникнуться ненавистью к правительству и «бунтарским» духом, мог научиться сочувствовать «серому» мужику и желать ему всего лучшего, но ни в каком случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария. До этого ему приходилось додумываться собственным умом, и читатель увидит ниже, что когда рабо-

* Примечание ко второму изданию. Нынешнему читателю не мешало бы, пожалуй, напомнить, что Иван Ермолаевич есть герой одного из очерков Г. И. Успенского²². Это чрезвычайно художественный тип «настоящего» русского крестьянина доброго старого времени. Он заключает в себе ответ на многие «проклятые» вопросы русской истории.

чие додумались до этого, то ужаснули всех правоверных «интеллигентов» *.

Здесь надо оговориться. Сказанное мною об отношениях интеллигенции к рабочему вопросу касается только бунтарей-«землеольцев» и лиц, стоявших на их, т. е. на народнической, точке зрения. Рядом с ними действовали еще «лавристы». Люди этого направления были тогда в меньшинстве и быстро сходили со сцены. Но надо отдать им справедливость: их пропаганда, вероятно, была разумнее нашей. Правда, и они, подобно нам, отрицали «буржуазную» политическую свободу, и они — по крайней мере, многие из них — готовы были трепетать за участь «устоев». В их взглядах было тоже много непоследовательности, но их непоследовательность имела одну счастливую особенность: отрицая «политику», они с величайшим сочувствием относились к немецкой социальной демократии. Нельзя быть высокого мнения о логичности человека, отрицающего «политику» и в то же время сочувствующего названной мной *политической* рабочей партии. Но своими рассказами о ней такой человек мог заронить семя здоровых понятий в другие головы, которые, при благоприятных обстоятельствах, сумеют вполне усвоить социал-демократическую программу или хотя приблизиться к ней в большей или меньшей степени. В таком случае за ним останется все-таки немалая заслуга. Именно такую заслугу и нужно признать за лавристами. Вспоминая теперь лекции, читанные в рабочих кружках «бунтарями», я думаю, что существенную пользу рабочие могли выносить только из лекций по политической экономии покойного И. Ф. Фесенко. Этот, к сожалению, слишком рано умерший человек хорошо знал выбранный им предмет и умел излагать его общедоступно и увлекательно. Но его лекции продолжались всего несколько месяцев. С его отъездом из Петер-

* Примечание ко второму изданию. Противники социал-демократов нередко говорят им теперь: «Не вы первые обратились к рабочим. Революционеры начали действовать в рабочей среде раньше, чем возникла социал-демократия». С одной стороны, это верно, как показывают, между прочим, и мои воспоминания о рабочем движении семидесятых годов, т. е. того времени, когда в нашей революционной среде господствовали *народнические взгляды*. Но вопрос не в том, действовали или нет в рабочей среде русские революционеры до возникновения социал-демократии, а в том, *как они действовали и какое место отводилось в их программах деятельности этого рода*. Наши противники охотно забывают об этом, а в этом — самое главное; действовать в среде пролетариата, не отводя ему никакой самостоятельной роли в общественном развитии, значит *не развивать, а запугивать его классовое самосознание*.

бурга политическая экономия была у нас совсем заброшена; на первый план выступили «очерки из русской истории», сводившиеся главным образом к рассказам о бунтах Разина, Булавина и Пугачева, да отчасти к истории крестьянства (преимущественно по известной книге Беляева «Крестьяне на Руси»). Для уразумения рабочего вопроса эти «очерки» ничего не давали. Иногда мы говорили своим слушателям и о Международном обществе рабочих²³, но в качестве «бунтарей», разумеется, превозносили деятельность Бакунина, а «централистов», т. е. сторонников Маркса и Энгельса, изображали довольно-таки злостными реакционерами. Такое освещение истории Международного общества не могло содействовать политическому развитию наших слушателей. У лавристов было хорошо хоть то, что они изображали не в превратном виде западноевропейское рабочее движение, и под влиянием их рассказов русский рабочий мог лучше выяснить себе свою собственную задачу. Если в программе образовавшегося зимой 78/79 года «Северно-Русского рабочего союза»²⁴ сильно слышалась социал-демократическая нота, то это, кажется, в значительной степени нужно приписать влиянию лавристов.

Но вообще в роли лектора тогдашний интеллигент-революционер был не блестящ по той простой причине, что знал он мало, а то, что знал, не всегда понимал как следует. Он полезен был рабочим больше в качестве удалого доброго молодца, способного и книжку запрещенную достать, и паспорт сделать, и устроить подходящую квартиру для тайных собраний, словом, научить всем тонкостям «конспиративного» дела. Он шевелил, будил и увлекал вперед рабочих своей подвижностью, своим самоотвержением, своей удалью и своей безграничной склонностью ко всякому «отрицанию». Хотя многие, в особенности более развитые, рабочие иногда скептически относились к интеллигенту, но обойтись без этого незаменимого фактора «конспирации» они не могли. Под влиянием Халтурина и его ближайших товарищей рабочее движение Петербурга в течение некоторого времени стало совершенно самостоятельным делом самих рабочих. Но и Халтурина постоянно приходилось обращаться к интеллигенции за помощью то в том, то в другом практическом деле.

Какие книги больше всего читались в рабочей среде? Во всяком случае не те революционные брошюры — сказки о четырех братьях и о копейке, Мудрица Наумовна и пр., — которые в особенности предназначались рево-

люционеру для народа. Все они так бедны содержанием, что удовлетворить хоть сколько-нибудь грамотного рабочего не могли. Они годились разве только для ничего не читавших новичков, да и по отношению к тем служили больше пробным камнем их настроения: если рабочий, прочитав такую книжку, не испугался, значит, из него будет толк, значит, верноподданнические чувства и «страх иудейский» сидят в нем не глубоко; если струсил, значит, иди от него подальше или, по крайней мере, будь с ним осторожнее. Но раз вы убедились в революционном настроении рабочего, вы должны были или доставлять для его чтения более серьезный печатный материал, или в личной беседе отвечать на возникавшие в его голове вопросы. Только изданная в Женеве книга «Сытые и голодные», анархическая и по духу и по литературному исполнению, да еще, пожалуй, «Хитрая механика» считались рабочими более основательным чтением²⁵. На все остальные революционные брошюры для народа они смотрели как на нечто слишком уже элементарное. «Это для серых», — говорили о них заводские рабочие. Вообще я заметил, что, читая книжку, изданную специально для «народа», способный рабочий чувствует себя как бы несколько униженным, поставленным в положение ребенка, читающего детскую сказку. Ему хочется поскорее перейти к сочинениям, предназначенным для всех вообще толковых читателей, а не только для «серого» народа. Для многих рабочих чтение серьезных и даже ученых книг было своего рода вопросом чести. Я помню некоего И. Е., здорового молотобойца из Архангельской губернии, который с усердием, достойным более подходящего для него чтения, сидел по вечерам над «Основами биологии» Спенсера. «Что это, вы думаете, что уж мы, рабочие, — совсем дураки», — сердито отвечал он мне, когда я советовал ему взять что-нибудь полегче. Такие рабочие охотно читали все, что печаталось революционерами для интеллигенции: «Государственность и анархию» Бакунина, «Вперед!», «Общину», «Землю и волю», переизданную в Петербурге брошюру г. Драгоманова «До чего довоевали?» и т. п. Но тут являлась новая беда. В революционных изданиях «для интеллигенции» много и часто говорилось о таких вещах, которые не могли иметь большого интереса для рабочего. Таковы были, например, специально «интеллигентные» вопросы о «долге образованных классов народу» и о вытекающих из этого долга нравственных обязательствах, об отношении революционеров

к «обществу» и споры о «программах», т. е., иначе сказать, споры о том, как легче и удобнее воздействовать на народ и, между прочим, на того же рабочего. К таким программным спорам, как уже сказано и как это, впрочем, понятно само собой, рабочие относились довольно равнодушно, хотя для них было далеко не все равно, в какую сторону направится их собственная революционная деятельность.

— Нет, не для нас этот журнал, — наш журнал должен вестись совсем иначе, — часто говорил мне Халтурин по поводу издававшейся тогда в Петербурге «Земли и воли». И он был, разумеется, совершенно прав. «Земля и воля» — как и «Община», как и «Вперед!» — не могла быть рабочей газетой ни по содержанию, ни по направлению.

Спрашивая рабочих, чего именно требуют они от революционной литературы, я получал самые разнообразные ответы. В большинстве случаев каждому из них хотелось, чтобы она разрешила вопросы, почему-нибудь занимавшие его в данное время. А вопросов этих через голову мыслящих рабочих проходило многое множество, и у каждого рабочего, смотря по его наклонностям и характеру ума, были свои излюбленные вопросы. Один больше всего интересовался вопросом о боге и отверждал, что революционная литература должна направить главные свои усилия на разрушение религиозных верований народа. Других интересовали преимущественно исторические, политические или естественнонаучные вопросы. В числе моих приятелей-фабричных был даже такой, которого особенно занимал женский вопрос. Он находил, что рабочие не уважают женщины и обращаются с ней как с низшим существом. По его словам, многие женатые рабочие даже удаляли своих жен, когда гости их заводили революционные разговоры: «не нужно, мол, путать баб в это дело». Поэтому у женщин не было никаких общественных интересов, что, в свою очередь, вредно отзывалось на мужчинах, которых они, по своей неразвитости, всегда старались отвлечь от опасного революционного дела. Мой приятель никогда не упускал случая «спропагандировать» женщину и всеми силами старался заводить особые революционные кружки между работницами. Своим товарищам он очень энергично — т. е. не отступая перед употреблением крепкого слова — внушал достойные развитых людей взгляды на женщин. Занятый своей идеей, он, естественно, требовал помощи от революционной литературы и со-

жалел, что она слишком мало занимается женским вопросом.

Замечу мимоходом, что этот горячий сторонник женского освобождения принадлежал к числу тех фабричных, для которых жизнь в деревне стала совершенно немислимой. Когда я познакомился с ним, он был еще очень молодым парнем, но считался уже «старым» революционером, так как был «спропагандирован» еще чайковцами. В 73 или 74 году, совсем мальчиком, попал он в Дом предварительного заключения (*задушения*, как говорили «политические»), где прекрасно держал себя и пристрастился к чтению. По выходе на волю он не раз ездил в Тверскую губернию к своим родным, но ладу с ними у него уже не было. Они называли его студентом и считали пропащим человеком. Он поражал их и привычками, и взглядами, и непочтительным отношением к начальству. Впрочем, они утешали себя пословицей: женится — переменится, и, едва стукнуло ему восемнадцать лет, «приглядели» ему невесту. А он как раз в это время увлекся женским вопросом и не допускал даже мысли о том, что порядочный человек может жениться на незнакомой женщине. Чтобы избежать бесполезных столкновений, он решил совсем не заглядывать на родину. Родина, со своей стороны, решила, что парень вконец «избаловался»; не знаю уж, согласились ли бы с нею в данном случае наши народники.

Между работницами Петербурга было несколько революционерок, случались у них даже стачки (на табачных фабриках), но вообще в тогдашнем рабочем движении женщины стояли действительно на самом заднем плане. Некоторые заводские рабочие-революционеры не женились прямо потому, что в окружавшей их среде не было подходящих для них женщин. «Наши бабы совсем дуры, а интеллигентки за нашего брата не пойдут, им подавай студентов», — не без горечи говаривали такие рабочие. Думаю, что и в этом случае в них сказывалось не городское «баловство», а серьезное нравственное развите.

Я вовсе не намерен идеализировать условия современной городской жизни: довольно уж мы упражнялись в ложной идеализации. Я видел и знаю отрицательные стороны этой жизни. Попадая из деревни в город, рабочий иногда, действительно, начинает «пошалить». В деревне он жил по завету отцов, без рассуждений подчиняясь их исстари установившимся обычаям. В городе обычаи эти сразу теряют смысл. Чтобы человек не ли-

шился всякого нравственного мерил, они необходимо должны замениться новыми обычаями, новыми взглядами на вещи. Такая замена постепенно и происходит в действительности, так как уже одна неизбежная и повседневно борьба с хозяином налагает на рабочих взаимные нравственные обязательства. Но «пока что», пока еще рабочий не успел проникнуться новой моралью, он все-таки переживает нравственный перелом, выражающийся иногда в довольно некрасивом поведении. Здесь повторяется то, что переживает всякий общественный класс, всякое общество при переходе от узких патриархальных порядков к другим, более широким, но зато более сложным и более запутанным. Рассудочность вступает в свои права и, «закусив удила», приводит тотчас к антисоциальным выводам. Рассудок вообще способен ошибаться сильнее, чем «объективный разум» обычая. За это он и проклинается всеми охранителями. Но до тех пор, пока люди будут идти вперед, неизбежной останется и периодическая ломка обычаев. И как ни «балует» иногда во время такой ломки рассудок, но его ошибок не поправишь охранением отживших порядков. Поправляет их обыкновенно дальнейший ход самой жизни. Чем больше развиваются новые порядки, тем яснее становятся для всех и каждого обусловленные ими новые нравственные требования, мало-помалу приобретающие прочность обычая, который и сдерживает затем излишнее «баловство» рассудка. Таким образом отрицательные стороны развития устраняются его собственными положительными приобретениями, и роль мыслящего человека в этом неизбежном историческом движении определяется сама собой.

Я знал одного молодого фабричного, который был вполне честным малым, пока его не коснулась революционная пропаганда. Но как только ему сделались известными социалистические нападки на эксплуататоров, он начал «шалить», считая позволительным обманывать и обкрадывать людей, принадлежащих к высшим классам. «Все равно, у нас же накрали», — возражал он на упреки товарищей, которым откровенно показывал и предлагал братски разделить попавшуюся под руку добычу. Будь известен этот случай покойному Достоевскому, он, конечно, не преминул бы уколоть им глаза революционерам в «Братьях Карамазовых», где вывел бы упомянутого парня рядом со Смердяковым, этой жертвой «интеллигентного» свободомыслия, или в «Бесах», где, как известно, «что ни шаг, то ужас». Интересно, что сами то-

варищи, едва ли когда читавшие произведения Достоевского, стали звать вороватого малого *Бесом*. Но в подвигах *Беса* они не винили ни интеллигенции вообще, ни социалистической пропаганды в частности. Они своим влиянием старались, так сказать, доделать нравственную личность этого юноши и научить его бороться против высших классов не в качестве обманщика и вора, а в качестве революционного агитатора. Я скоро упустил Беса из виду и не знаю, разрешился ли в благоприятную сторону переживавшийся им тогда нравственный перелом. Но что благоприятный исход был вполне возможен, за это ручается, между прочим, то неодобрение, которое встречали его подвиги со стороны всех окружающих его рабочих-революционеров.

III

В настоящее время в среде «интеллигенции» много спорят о возможности революционной пропаганды между рабочими*. Я думаю, что всякий, кто хоть немного сталкивался с русскими рабочими, знает, как вниматель-

* Примечание ко второму изданию. Теперь об этом уже перестали спорить. Теперь все признают возможность такой пропаганды (равно как и агитации). Но когда я писал эти воспоминания, этот вопрос мог считаться решенным лишь в отрицательном смысле. Не далее как в 1889 г. В. Жук в «Свободной России», выходящей под редакцией Вл. Бурцева и Вл. Дебогория-Мокриевича, писал: «...Даже успешная пропаганда среди отдельных развитых рабочих не окупает той массы жертв, которых требует. В большинстве же случаев рабочие, принимавшие так или иначе участие в революционном движении, приходя в столкновение с властями в тюрьме, падали духом и не могли стойко защищать свои убеждения, которые, казалось, ими так хорошо восприняты на воле. Аrestы среди рабочих вели обыкновенно за собою и разрушение революционных организаций, имевших соприкосновение с ними. Конечно, жестоко и несправедливо было бы обвинять рабочих в этом (добрый, справедливый г. В. Жук! — Г. П.), так как им негде было взять того мужества и той нравственной крепости, которые даются образованием и развитием» («Свободная Россия», № 1, стр. 37, 2-я колонка). Я надлежащим образом заклеил это удивительное мнение в предисловии к нашему изданию речи Алексеева (Женева, 1889 г.). Но современному читателю трудно было бы даже и представить себе, какую бурю вызвало это предисловие в заграничных русских колониях! Меня готовы были предать анафеме; против меня писали «протесты». Теперь за это предавать меня анафеме никто не станет. Но, разумеется, для анафемы и для «протестов» может найтись другой, столь же подходящий повод. Я очень хорошо знаю это и нимало этим не смущаюсь. *Общественное мнение — великое дело; но наш брат революционер должен уметь плавать против течения. Без такого умения он никуда не годится, без него он революционер только по имени.*

но и как сочувственно относятся они к этой пропаганде. Говорят, что пропаганда встречает теперь непреодолимые препятствия со стороны полиции. Но слишком часто говорят это люди, не давшие себе труда сделать хоть одну серьезную попытку в этом направлении. Иногда ссылаются, правда, и на «опыт». Но опыт опыту рознь. Без умения невозможно никакое революционное дело, а умелых людей не остановит никакая полиция. Общество «Земля и воля» во все время своего существования вело деятельные сношения с рабочими через посредство некоторых из своих членов. И замечательно, что за все это время собственно рабочее дело привело у нас *только к одному* — да и то незначительному — «провалу»: по доносу рабочего арестован был в 1878 г. наш товарищ И., занимавшийся пропагандой на одной из московских фабрик. Многочисленные аресты рабочих, имевшие место весной того же года в Петербурге, аресты, благодаря которым в руки полиции попались покойный Хазов («Дедушка») ²⁶ и некоторые другие наши товарищи, причинены были самой же интеллигенцией. Именно «нелегально» живший тогда в Москве Хазов попросил студентов Петровской академии спрятать кое-какие «конспиративные» бумаги. Те зарыли порученный им пакет в академическом саду, но зарыли, как оказалось, нехорошо и неглубоко. Какая-то некстати любопытная собака вырыла его из-под земли, а какой-то, к сожалению, слишком пронизательный верноподданный, ознакомившись с его содержимым, представил его по начальству. Неожиданная находка оказалась настоящим кладом для полиции, которая тотчас же арестовала Хазова и кое-кого из его московских друзей. Как часто бывает в подобных случаях, эти аресты дали поводы для новых; «провалы» распространились на Петербург, где особенно пострадали многочисленные и хорошо сплоченные рабочие кружки Галерной гавани. Наши потери были тогда очень серьезны, но мы понимали, что должны винить самих себя, а не рабочих.

В сношениях с рабочими «землевольты» всегда держались следующих приемов. Те члены организации, которым поручалось ведение «рабочего дела» (их всегда было немного, самое большее 4—5 человек), обязаны были составить особые кружки из молодых «интеллигентов». Кружки эти, собственно говоря, не принадлежали к обществу «Земля и воля», но, действуя под руководством его членов, они не могли работать иначе как в духе его программы. Вот эти-то кружки и вступали в

сношения с рабочими. Так как, благодаря пропаганде 1873—1874 гг., в петербургской рабочей среде было довольно много революционеров, то задача «землевольтцев» и их молодых помощников свелась прежде всего к организации этих готовых сил. «Старые», по большей части уже испытанные революционеры-рабочие, присоединив к себе некоторых надежных новичков, составили ядро петербургской рабочей организации, с которым и сносилась, главным образом, «интеллигенция». На этих людей мы вполне могли положиться: нелепо было бы бояться, что они нас выдадут. Тем не менее, помня, что кашу маслом не портят и что в тайном революционном деле осторожность обязательна даже тогда, когда кажется совершенно излишней, «землевольтцы» и этим испытанным рабочим не сообщали ни своих адресов, ни своих имен (т. е. тех имен, под которыми они были прописаны в участке). Прибавлю, что так они поступали не с одними рабочими: адрес землевольца и то — по большей части вымышленное — имя, под которым проживал он, в самой организации знали обыкновенно только очень немногие члены, занимавшиеся вместе с ним одной и той же отраслью революционного дела; остальные, занятые другими революционными специальностями, должны были довольствоваться встречами с ним на «конспиративной» квартире, где происходили общие кружковые собрания. На обязанности центральной, отборной рабочей группы лежало руководство местными рабочими кружками, возникавшими в той или другой части Петербурга. Интеллигенция не вмешивалась в дела этих местных кружков, ограничиваясь доставлением им книг, помощью при заведении тайных квартир для собраний и т. п. Каждый местный кружок собственными силами должен был привлекать себе новых членов, которым сообщали, что существуют и другие подобные кружки в Петербурге, но где и какие именно, это было известно только членам центрального рабочего ядра, каждое воскресенье сходящимся на общее собрание. Революционеры-интеллигенты являлись с целью пропаганды и на собрания местных кружков. Но так как там они известны были под вымышленными именами, то, если бы туда и забрался какой-нибудь шпион, он мог бы донести «пославшему его» только о том, что какой-то Федорыч, или Антон, или «Дедушка» в том-то месте и в таком-то часу потрясал основы, а где искать этого Федорыча, или Антона, или «Дедушку», оставалось покрыто мраком неизвестности. Проследить же на улице кого-

нибудь из этих потрясателей было не так-то легко, потому что они на сей конец прибегали к особым мерам, в виде проходных дворов, извозчика, внезапно взятого в таком месте, где другого извозчика не было и где, таким образом, следовавший за потрясателем пеший шпион по необходимости должен был отстать от него и пр. и пр. При подобных предосторожностях мы могли благополучно заниматься своим делом даже в самые жестокие времена, когда не принадлежавшие к организации революционеры (*нигилисты*, как называли мы их на своем жаргоне) за самонаименьшие пустяки десятками попадались в руки бдительных аргусов.

Уже к концу 1876 г., когда землевольцы только еще приступали к устройству революционных «поселений в народе», пропаганда между рабочими приняла довольно широкие размеры — как в Петербурге (в Галерной гавани, на Васильевском острове, на Петербургской и на Выборгской сторонах, на Обводном канале, за Невской и Нарвской заставами), так и в его окрестностях (в Колпино, на Александровской мануфактуре, в Кронштадте и т. д.). Но я уже сказал, что «бунтари» не довольствовались пропагандой и во что бы то ни стало хотели *агитировать*. Наше настроение увлекло, наконец, и рабочих. В то время у всех была в памяти демонстрация, ознаменовавшая весной 1876 г. похороны убитого тюрьмой студента Чернышева, который был арестован по делу 193-х. Она произвела очень сильное впечатление на всю интеллигенцию, и все лето того года мы, что называется, бредили демонстрациями. Но в Чернышевской демонстрации рабочие не принимали участия, так как произошла она в будни, да и подготовители ее как-то не вспомнили о рабочих: Чернышева хоронила «интеллигенция». И вот рабочим захотелось сделать свою демонстрацию, и притом такую, которая своим резко-революционным характером совершенно затмила бы демонстрацию «интеллигентов». Они уверяли нас, что если хорошо взяться за дело и выбрать для демонстрации праздничный день, то на нее соберется до двух тысяч рабочих. Мы сомневались в этом, но бунтарская жилка заговорила в каждом из нас, и мы сдались. Так произошла известная Казанская демонстрация 6 (18) декабря 1876 г.

Теперь о Казанской демонстрации совсем забыли. Даже сам г. Драгоманов²⁷, любивший когда-то упрекнуть его революционеров, вспоминает о ней все реже и реже. Но в свое время она возбудила много толков и

споров. Одни осуждали, другие превозносили ее, хотя очень часто и те и другие имели о ней совершенно ошибочное понятие. Для «интеллигенции» цель демонстрации так и осталась невыясненной, вероятно потому, что в ее подготовке «интеллигенция» принимала участие только в лице немногих «землевольцев», действовавших в рабочих кварталах Петербурга. Эти люди употребляли все зависевшие от них средства, чтобы привлечь на нее как можно больше рабочих, но об интеллигенции, насколько мне известно, они думали мало: придет, мол, и без зова, а не придет — беда не велика, пожалуй, даже лучше будет, выйдет чисто рабочая демонстрация. Тем не менее утром 6 декабря у Казанского собора собралось много учащейся молодежи. Произошло это, как мне кажется, главным образом потому, что уже в течение всего ноября по Петербургу ходили слухи о какой-то демонстрации, имеющей произойти около Исакия, и публика была уже подготовлена. Кто задумал эту демонстрацию и какой характер собирались придать ей, мы, «землевольцы», хорошенько не знали, хотя, разумеется, явились бы и к Исакию, если бы там действительно что-нибудь произошло. Но этой демонстрации не суждено было состояться, она все как-то откладывалась от одного праздника до другого, так что нетерпеливые «нигилисты» начали наконец сердиться. О демонстрации у Исакия стали говорить не иначе как с иронией. Не желая, чтобы публика смешала нас с этими медлителями, мы нарочно выбрали другое место — Казанский собор — для *нашей* демонстрации. И все-таки, когда в публику проникли слухи о наших замыслах, многие решили, что предстоящая Казанская демонстрация и есть та, которая должна была произойти у Исакия. Давно жаждавшая сильных впечатлений революционная молодежь отовсюду повалила к Казанскому собору и, сравнительно с рабочими, оказалась там, вопреки нашим первоначальным расчетам, в большинстве.

Рабочих пришло немного: 200—250 человек. И это было совершенно понятно. Если для принадлежавших к революционным кружкам рабочих демонстрация имела смысл агитационной попытки, то для их незатронутых пропагандой товарищей она могла быть интересна разве лишь как новое, невиданное зрелище. Для деятельного участия в ней у них не было никакого осязательного повода. Поэтому они и не пошли на нее. Еще за несколько дней до демонстрации мы увидели, как несбыточны были розовые надежды задумавших ее революционных

рабочих кружков. Но отступить было уже поздно. Мы все видели, как смешны стали в глазах публики слишком осторожные организаторы Исакиевской демонстрации, и не хотели уподобляться им. Вечером 4 декабря собрание, на котором, кроме нас, землевольцев, были влиятельнейшие рабочие с разных концов Петербурга, почти единогласно решило, что демонстрация должна состояться, если на нее соберется хоть несколько сот человек. На этом же собрании была предложена и одобрена мысль о красном знамени, о котором прежде никто не думал.

Вышитую на этом знамени надпись «*Земля и воля*» мы считали наилучшим выражением народных идеалов и требований. Но именно народу-то, по крайней мере столичному народу, она и оказалась непонятной. «Как же это так,— рассуждали потом на некоторых фабриках,— они хотели земли и воли? Земля-то это так, земли точно надо бы дать крестьянам, а воля-то ведь уж дана. В чем же тут дело?» Вышло, что с своим девизом «*Земля и воля*» мы опоздали по меньшей мере на пятнадцать лет. Впрочем, местами в крестьянстве слышались на этот счет другие отзывы. Живший в Малороссии товарищ рассказывал мне, что раз при нем между крестьянами зашла речь о Казанской демонстрации. «Они хорошего хотели,— заметил один старик,— этого все хотят, нам всем нужна земля и воля». Тот же старик никак не хотел поверить, что революционеров могут преследовать за столь справедливые требования. «Ничего им не было,— утверждал он,— просто царь призвал их к себе и сказал: подождите, хлопцы, будет вам и земля, и воля, только не надо об этом кричать на улицах». Вообще, о Казанской демонстрации так или иначе заговорила вся Россия.

Но как произошла самая демонстрация? Я сказал, что собрание 4 декабря решило не откладывать ее, если соберется хоть несколько сот человек. Весь следующий день был посвящен нами на беготню по рабочим кварталам. Утром 6 декабря на место действия пришли все «бунтарские» рабочие кружки (лаврсты были, разумеется, против демонстрации). В особенности хорошо были представлены гаванские рабочие: с одного из гаванских заводов пришла в полном составе целая мастерская в 40—45 человек. Но посторонних рабочих совсем не было. Мы видели, что сил у нас слишком мало, и решились выждать. Рабочие разошлись по ближайшим трактирам, оставив у соборной паперти только небольшую

кучку для наблюдения за ходом дел. Между тем учащаяся молодежь подходила большими группами. Находящаяся в церкви — очень, впрочем, малочисленная — публика уже к концу обедни была поражена странным наплывом совершенно необычных богомольцев. Церковный староста поглядывал в их сторону с каким-то тревожным удивлением. Обедня кончилась, странные богомольцы не расходились. Тогда староста вступил с ними в переговоры. «Что вам угодно, господа?» — спросил он, как нарочно подойдя к группе «бунтарей».

— Желаем отслужить панихиду,— отвечали ему.

— Нельзя сегодня служить панихиду: царский день.

«Бунтари» изумились. Собственно в план демонстрации богослужение вовсе не входило, но так как революционная публика все продолжала прибывать и «бунтарям» нужно было выиграть время, то они придумали панихиду просто как благовидный предлог для дальнейшего пребывания в церкви. Когда староста разъяснил им, что нельзя служить панихиду, они недолго оставались в смущении.

— Я пойду закажу молебен,— шепнул мне покойный Сентянин.

— Идите, заплатите попам за наш постой,— ответил я, подавая ему трехрублевую бумажку.

Сентянин пошел. Но я и до сих пор не знаю, на чем он порешил с попами. Соскучившиеся «нигилисты» стали выходить на паперть, из соседних трактиров подошли заседавшие там «бунтари»-рабочие. Толпа приняла довольно внушительные размеры. Мы решили действовать*.

* Примечание ко второму изданию. Лицо, написавшее некролог П. Г. Зайчневского²⁸ («Материалы для истории русского революционного движения». С приложением: «С родины и на родину», № 6—7, стр. 505), говорит, между прочим, следующее: «Что особенно отвратило его (П. Г. Зайчневского) от «Земли и воли», это — Казанская демонстрация, где он увидел прежде всего недостаток организации и несерьезность организаторов. Ему удалось тайно приехать в Петербург и на одной студенческой квартире он отчитал оратора (делая вид, что не знает, что этот оратор в той же комнате), осмелившегося произнести речь, когда организаторами было решено произносить ее только в том случае, когда соберется на площади три тысячи рабочих. Оратор должен был молча слушать, как Зайчневский его клеймил». Лицо написавшее эти строки, позабыло или не сочло нужным сообщить, откуда знал Зайчневский, при каких условиях решено было произносить речь: ведь он к числу организаторов демонстрации не принадлежал и на их собраниях не был. На самом деле решение, о котором говорит автор некролога, не только не было принято организаторами Казанской демонстрации, но его никто и не предлагал. На собрании

До властей, вероятно, дошли слухи о наших приговорах. Однако на Казанской площади полицейских и жандармов было немного. Они смотрели на нас и «ждали поступков». Когда раздались первые слова революционной речи²⁹, они попытались было протиснуться к говорившему, но их сейчас же отпустили назад. Все участники демонстрации пришли в страшное возбуждение. Рабочие плотным кольцом сомкнулись вокруг говорившего. «Ребята, держись тесней, не выдавай, не подпускай полиции», — командовал Митрофанов, между тем как полицейские свистки оглашали площадь. Когда речь была окончена, развернули красное знамя, раздались крики: «Да здравствует социальная революция, да здравствует Земля и Воля!» Митрофанов быстро сдернул шапку с говорившего и, надевши на него какую-то фуражку, закутал башлыком ему голову. «Теперь пойдем все вместе, иначе будут арестовывать», — закричали какие-то голоса, и мы толпой двинулись по направлению к Невскому. Но едва мы сделали несколько шагов, как полиция, подкрепленная сбежавшимися на свистки городскими и околоточными, стала хватать шедших в задних рядах. Тут общее возбуждение дошло до последней степени. Кто-то командовал: «стой, наших берут», и толпа бросилась отбивать арестованных. Полицейские были смяты и побежали за собор, в Казанскую улицу. Если бы, отразив этот первый неприятельский натиск, революционеры выказали больше самообладания, то они, вероятно, смогли бы отступить без потерь и в полном порядке. Землевозльцы понимали это, и как только

4 декабря решено было, напротив, действовать, если соберется на Казанской площади хоть несколько сот человек. Да иначе нельзя было поступить при тогдашних условиях, не внося деморализацию в среду революционеров. Не зная о том, как была подготовлена и организована Казанская демонстрация, Зайцевский не мог «отчитывать оратора» за его будто бы неповиновение решениям организаторов. На самом деле он «отчитывал» вовсе не «оратора», а прежде всего всех вообще революционеров-народников за их ожидание активной поддержки со стороны народа. Говорил он также и против демонстрации, но единственно по причине, которую хорошо разъясняет сам автор некролога: «Всякая демонстрация и террор безусловно им порицались, как прямая помеха организации» (там же, стр. 504). И почему «оратор должен был молча слушать» рассуждения Зайцевского? Разве потому, что его самого мучила совесть ввиду содеянного им нарушения революционной дисциплины? Но — как я уже сказал — такого нарушения вовсе не было. В действительности «оратор» вовсе и не молчал, но очень возможно, что он в течение некоторого времени «молча слушал» до тех пор не слышанное им от революционера мнение о неизбежной будто бы инертности народа. Это мнение глубоко поразило его некоторыми своими презрительными нотками.

арестованные были отбиты, они закричали, чтобы публика снова сомкнулась в тесные ряды. Но кому из принимавших когда-нибудь участие в подобных столкновениях не известно, как трудно ввести в надлежащие границы раз прорвавшиеся наружу страсти? Публика продолжала преследовать обращенную в бегство полицию. Произошел страшный беспорядок, наши ряды совсем расстроились; между тем к полицейским явилось новое и сильное подкрепление. Целый отряд городских, в сопровождении множества дворников, быстро приближался к площади по той самой Казанской улице, к которой направились бежавшие полицейские. Увлечшись преследованием, революционеры столкнулись с этим отрядом лицом к лицу. Началась жесточайшая свалка. Силы полиции ежеминутно возрастали. Революционеров окружали со всех сторон. Стройное отступление сделалось для них совершенно невозможным. Хорошо было уже и то, что они могли отступать более или менее значительными кучками. Такие кучки по большей части успешно, хотя и не без значительных телесных повреждений, отбивались от нападавших. Но зато тех, которые действовали в одиночку, тотчас хватили и, после зверских побоев, тащили в участки.

У меня нет охоты воспевать подвиги чьих бы то ни было кулаков. Но ввиду зверства, проявленного тогда полицией, я не без удовольствия замечу, что и ей досталось очень порядочно. Революционеры, из которых некоторые были вооружены кастетами, отчаянно защищались. С их стороны в особенности отличился тогда студент NN. Высокий и сильный, он поражал неприятелей, как могучий Аякс, сын Теламона, и там, где появлялась его плечистая фигура, защитникам порядка приходилось жутко. Как ни старалась схватить его полиция, он счастливо отбил все нападения и возвратился домой таким же «легальным» человеком, каким пришел на площадь. Пострадавшие от него защитники «порядка» знали только, что их тузил какой-то высокий сильный брюнет, но лица его они совсем не запомнили. Когда потом, уже по окончании столкновения на площади, им встретился на Морской Боголюбов, они вообразили, что он-то и есть их победоносный неприятель. Боголюбова схватили, жестоко избili в участке, а потом, как известно, осудили на каторгу. Но Боголюбов не принимал в демонстрации ни малейшего участия³⁰.

Когда, по произнесении речи, развернули красное знамя, его схватил молодой крестьянин Потапов и, под-

нятый на руки рабочими, некоторое время держал его высоко над головами присутствующих. Полиция заметила его физиономию, однако арестовать его ей долго не удавалось. Защищавшая его группа решительных и смелых людей медленно отступала по Невскому. Она дошла до угла Большой Садовой. Преследование постоянно ослабевало и наконец, по-видимому, совершенно прекратилось. Тогда Потапов сел в конку, считая себя уже в безопасности. Но за ним следили шпионы. Пока он был не один, они держались на почтительном расстоянии, а когда спутники его удалились, шпионы бросились за конкой и, остановив ее, арестовали Потапова. На нем нашли знамя, которое самое по себе составляло неопровержимую улику. Тем не менее суд приговорил Потапова лишь к заключению в монастырь «на покаяние»³¹. Сравнительная мягкость этого странного приговора объяснялась будто бы молодостью Потапова. Но известно, что в русских политических процессах судьи не стеснялись осуждать на каторжные работы, а потом, в военных судах, даже на смерть очень молодых подсудимых. В данном случае умысел был другой. Правительство нашло нужным шадить рабочих. На скамью подсудимых из них попало 10—12 человек, и всем им вынесен был довольно мягкий приговор: некоторых, подобно Потапову, приговорили к монастырскому покаянию, других к ссылке на поселение в Сибирь; подсудимые же из интеллигенции пошли по большей части в каторгу и при этом на очень долгие, неслыханные до тех пор, сроки. Судьи не могли не видеть, что виновность всех почти подсудимых этой последней категории по меньшей мере сомнительна. Зато у двух арестованных рабочих найдены были записки, которые, по замечанию прокурора, «ясно указывали на сговор»; они действительно ясно указывали на него, но не менее ясно было и то, что никто из преданных суду «интеллигентных» революционеров в этом сговоре не участвовал. Третье отделение хорошо знало, что главные подготовители демонстрации арестованы не были. Но суд не смутился этим, отомстив арестованным «интеллигентам» за действия скрывшихся. Известно, что правительство всегда устанавливало в таких случаях род круговой поруки между революционерами. Но ему слишком неприятна была та мысль, что в среде рабочих могут быть такие же неисправимые «бунтовщики», как и в среде «интеллигенции». Оно старалось уверить себя и других, что лишь под дурным влиянием этой последней рабочие перестают быть верными под-

данными монарха, и очень неохотно сажало их на скамью подсудимых, предпочитая расправляться с ними административным порядком. Это было очень благоразумно. Пока в качестве политических преступников выступали только представители интеллигенции, можно было уверять крестьян, что преступники эти были барами, злившимися на царя за уничтожение крепостного права. По отношению к преступникам из рабочей среды подобные уверения сразу лишались всякого смысла, и образ «бунтовщика» должен был принимать совершенно новый, очень неприятный для правительства, вид в народном воображении. Правительство очень хорошо понимало, какой невыгодный для него оборот примет революционное движение, если, не ограничиваясь одной интеллигенцией, оно увлечет хоть некоторые слои народа.

Казанская демонстрация была первой попыткой практического применения наших понятий об *агитации*. Понятия эти были в то время еще *слишком отвлеченны*, и уже по одному этому не могло быть удачным их практическое применение. Казанская демонстрация наглядно показала, что мы будем всегда оставаться одни, если в своей революционной деятельности будем руководствоваться лишь своим отвлеченным пристрастием к «агитации», а не существующим настроением и данными насущными нуждами той среды, в которой собираемся агитировать.

Мы не забыли этого урока, но прошло более года прежде, чем нам представился случай снова взяться за агитацию в среде петербургского рабочего населения. Это был очень печальный случай. На Василеостровском патронном заводе произошел взрыв пороха³². Несколько рабочих страшно изуродовало, четырех убило на месте. На другой день умерли от тяжелых ран еще двое. Таким образом, рабочим этого завода предстояло провожать на Смоленское кладбище шестерых товарищей. Взрыв произошел по непростительной вине заводского начальства. Пострадавшая мастерская помещалась во втором этаже и сообщалась с внешним миром одной только лестницей. Как раз при входе в мастерскую, около лестницы, лежал в особом чулане довольно значительный запас прессованного пороха, из которого готовились патроны. Когда этот порох обтачивался на станках, от него поднималась мелкая пыль, покрывавшая станки, пол и стены мастерской. Достаточно было одной искры, чтобы пороховая пыль вспыхнула и, донесся огонь до помещавшегося у лестницы порохового чу-

лана, отрезала рабочим всякий путь к спасению. Рабочие тем лучше сознавали грозившую им опасность, что искры часто получались во время работы от трения. Иногда от этих искр вспыхивала даже покрывавшая станки пороховая пыль. Но так как до поры до времени вспышки были незначительны, то начальство и полагалось на милость божию. Заявления рабочих оставались без внимания. Понятно, что, когда произошел взрыв, все рабочие этого завода были очень озлоблены. Существовавший там революционный кружок тотчас увидел, что ему следует действовать. Кто-то из его членов написал воззвание, в котором происшедший на заводе несчастный случай ставился в связь с общим положением рабочего класса. Воззвание это, напечатанное в нашей тайной типографии, произвело хорошее впечатление, его с сочувствием читали даже и такие рабочие, которых прежде никто не замечал в сочувствии к революционерам³³. Но этого было мало. Революционный кружок патронного завода хотел придать предстоящим похоронам характер демонстрации.

Этот кружок не находился под исключительным влиянием «бунтарей». Сносясь с «бунтарями», он поддерживал постоянные дружеские сношения и с лавристами. Но ему было хорошо известно отрицательное отношение лавристов ко всякого рода «бунтовским попыткам», он боялся, что те не одобряют его мысли о демонстрации. Очень неприятно было рабочим огорчать друзей-лавристов, но отказаться от демонстрации было бы еще неприятнее. Вследствие этого они пустились на хитрость. Пригласив бунтарей прийти на похороны, они настоятельно просили их ничего не сообщать лавристам. «Бог с ними совсем,— говорили они,— лавристы — люди хорошие, но пойдут спорить, доказывать, что мы затеяли пустое, а нам послушаться их нельзя, очень уже возбуждены все рабочие». Бунтари не имели, разумеется, никакой охоты выдавать их лавристам.

В день похорон³⁴, часов в девять утра, хорошо вооруженная группа «бунтарей» (в числе их покойный Валериан Осинский) подошла к зданию патронного завода, перед которым собралась уже большая толпа рабочих³⁵. К бунтарям тотчас присоединились члены заводского рабочего кружка, тоже вооружившиеся кой-чем «на всякий случай». Покойный Халтурин, работавший в то время на другом заводе, также пришел на похороны. Начались совещания: каково настроение рабочих и что именно могут сделать ввиду его революционеры. Бунта-

ри находили, что выступать с революционной речью было бы неуместно. Одета по-праздничному рабочая толпа показалась им слишком «буржуазною». И это впечатление было так сильно, что оно сообщилось не только тем «интеллигентам», которые, «занимаясь» с заводскими рабочими, казалось бы, знали их привычки, но — странно сказать — даже членам местного рабочего кружка. Те тоже сильно упали духом.

Показались гробы; присутствующие на минуту сняли шапки, и началось похоронное шествие. В тот день был жестокий мороз, еще более охлаждавший наши революционные порывы. «Нет, господа, революцию нужно делать летом, в этакий холод никого не расшевелишь», — шутили мы, оттирая побелевшие носы и уши.

Но вот и кладбище. В одном из отдаленнейших от входа углов его вырублено было в промерзшей земле шесть свежих могил, около которых лежали скромные деревянные кресты. Полиция, все время сопровождавшая шествие в довольно значительном количестве и усиленная новым отрядом городских у входа на кладбище, стала вокруг могил; священник пропел последнюю молитву; гробы опустили в землю. Пока их зарывали, толпа оставалась вполне спокойной, и мы совсем было убедились, что с ней «ничего не поделаешь». Но когда все было кончено и настало время расходиться, в ней началось какое-то движение. Незнакомый нам полный, рыжий рабочий протискался к одной из крайних могил.

— Господа,— воскликнул он дрожащим от волнения голосом.— Мы хороним сегодня шесть жертв, убитых не турками*, а попечительным начальством. Наше печаль...

Его прервали³⁶.

Раздались полицейские свистки, и околоточный надзиратель положил ему руку на плечо со словами: «я вас арестую». Но едва успел он выговорить это, как произошло нечто совершенно неожиданное. Со всех сторон раздались негодующие крики, и толпа, та самая толпа, которая произвела на нас безнадежное впечатление своею будто бы буржуазною прилизанностью, дружно кинулась на оторопевших полицейских. В одно мгновение арестованный был куда-то далеко унесен нахлынувшей рабочей волной, а пытавшийся взять его околоточный не совсем твердым голосом извинялся перед публикой.

— Ведь я же не могу иначе, господа, я сам отвечаю за беспорядки перед начальством.

* Это было во время русско-турецкой войны.

— Рассказывай! Вот мы тебя вздуем, так ты впредь не будешь соваться куда не следует!— отвечали ему из толпы.

— Бей его!— кричали наиболее ожесточенные.

Положение полиции становилось критическим. Здесь, на далеком Смоленском кладбище, она была совершенно бессильна перед этой тысячью разъяренных рабочих. Но ее спасло именно ее, очевидное для всех, бессилие.

— Братцы, что ж мы их будем бить,— сказал чей-то голос.— Нас много, их мало, стыдно нам с ними связываться. Пускай себе идут по домам; никого из нас они тронуть не посмеют.

Эта не то дипломатическая, не то действительно великодушная речь несколько успокоила рабочих. Крики поутихли; публика перестала угрожать полиции побоями, но, с другой стороны, не хотела и отпустить ее с миром, так как боялась, что она проследит и арестует оратора. Толпа разделилась на две части: одна окружила полицейских, другая сплотилась вокруг оратора и торжественно повела его к воротам. Он, по-видимому, никак не ожидал такой чести и сконфуженно посматривал на товарищей, шумно выражавших ему свое сочувствие. Все окружавшие громко ругали начальство и полицию. Мне особенно бросилась в глаза худая, маленькая старушка, которая, ни к кому не обращаясь в частности и как будто разговаривая сама с собой, с жаром повторяла, что надо постоять за своего человека. И толпа несомненно готова была постоять за него, но ее, по ее неопытности, могли перехитрить шпионы. «Бунтари» нашли нужным подать ей благоразумный совет. У главных ворот кладбища стояло, в ожидании седоков, несколько извозчиков. Одному из них революционеры посадили в сани пытавшегося говорить рабочего, а всем остальным запретили двигаться с места. Для большей верности лошадей взяли под уздцы. Таким образом, ни один шпион не мог последовать за оратором, быстро уезжавшим в сопровождении двух надежных людей. Когда к воротам подошла остальная, конвоировавшая полицию, часть толпы, он уже совсем скрылся из виду. Полицейских продолжали, однако, держать в плену, отпуская на их счет различные, теперь уже по большей части добродушно-шутливые замечания. Но они едва не испортили дела излишним рвением. Очутившись за воротами, один околоточный, тот самый, который прервал оратора, выхватил из кармана свисток и быстро поднес его к губам, чтобы звать к себе на помощь. Публика

снова заволновалась. У него вырвали свисток и несколько раз толкнули его довольно-таки внушительно. Ему оставалось только ругаться!

— Это бунт,— кричал он в бессильной ярости,— вы все ответите за это, это вам так не пройдет!

— А ты бы лучше помалкивал, покуда бока целы,— наставительно отвечали ему рабочие.

— Нечего мне молчать, я исполняю свою обязанность, а вы бунтовщики,— горячился он и вдруг, обращаясь к группе «бунтарей», заметил, что он всех их видел еще на Казанской площади.

— Очень приятно встретиться со старым знакомым,— любезно ответили «бунтари»,— надеемся, что это не в последний раз.

Рабочие рассмеялись. Околоточный пожал плечами и умолк, изобразив на своем лице полнейшее негодование.

— Ну, что ж, пора их отпустить, пусть пойдут домой погреются,— решила публика и стала расходиться кучками по двадцати—тридцати человек, оживленно толкуя обо всем случившемся. Только самые непримиримые продолжали еще бранить и даже толкать в спину размещавшихся по извозничьим саням околоточных. Наконец ушли и непримиримые, и Смоленское кладбище приняло свой обычный пустынный вид.

Дружный отпор, данный полиции рабочими патронного завода, произвел прекрасное впечатление как на рабочие кружки Петербурга, так и на «бунтарскую» интеллигенцию. Он доказывал, что даже незатронутые пропагандой рабочие вполне способны к решительному и единодушному действию и в подходящую минуту не испугаются союза с «бунтовщиками Казанской площади», т. е. с революционерами. Нам нужно было только не упускать таких минут, чтобы обеспечить себе сочувствие рабочей массы. И когда в марте того же года³⁷ вспыхнула стачка на Новой Бумагопрядильне, мы были уверены, что легко сговоримся с этой массой.

Первая стачка на Новой Бумагопрядильне вызвана была, в марте 1878 г., значительным понижением заработной платы и длинным рядом «новых правил», целью которых являлось все то же, любезное предпринимательскому сердцу, удешевление рабочей силы. На этой фабрике существовал небольшой революционный кружок из 10—12 человек, только недавно привлеченных, неопытных и не испытанных на деле. Душою кружка был нелегальный, унтер-офицер Гоббст, впоследствии,

Текстильная фабрика Торнтона в Петербурге.

в июле 1879 г., повешенный в Киеве, а в то время, о котором идет теперь речь, усердно разыскиваемый полицией по делу о пропаганде в войсках Одесского военного округа. Гоббст был не только вполне надежный, но положительно редкий, по своей преданности делу, человек. Он один стоил иного кружка. Однако с фабричной средой он не успел хорошенько познакомиться, — притом же на фабрике он не работал, а жил по соседству с нею в качестве сапожника — хозяина единственной в той местности «конспиративной» квартиры. Таким образом, непосредственного влияния на рабочую массу он не имел. Ко всему этому нужно прибавить, что на Новой Бумагопрядильне — самой большой из фабрик Обводного канала, занимавшей более двух тысяч человек, — работали тогда, как нарочно, все «серые» люди, недавно попавшие в столицу и в целости сохранившие свои деревенские предрассудки. Можно представить себе поэтому те препятствия, которые должны были встретиться революционерам при их попытке войти в сношения со стачечниками.

Когда извещенные Гоббстом «землевольты» явились на его конспиративную квартиру, дело обстояло так. Рабочие были вполне уверены, что «начальство» немедленно вступится за них, как только поймет смысл «новых правил». Разубедить их в этом не представлялось пока никакой возможности. Приходилось уступить их наивной

уверенности, предоставив им из опыта узнать, как велика заботливость русского «начальства» о нуждах рабочего класса. Ближайшим к стачечникам представителем власти был местный полицейский пристав. К нему-то и обратились они прежде всего со своими жалобами. Пристав оказался большим дипломатом. Чтобы выиграть время, он ласково принял «ходоков» и обещал им «переговорить» с управляющим фабрики. Простодушные рабочие заранее торжествовали победу. Но прошел день, прошел другой, фабричные станки бездействовали, мелочные лавки начали отказывать стачечникам в кредите, а управляющий все еще не обнаруживал ни малейшей склонности к уступкам. Что же это могло означать? Неужели пристав не «переговорил» с ним? Снова отправились «ходоки» в участок, но на этот раз их приняли там не по-прежнему: пристав находил, что рабочие *обязаны* подчиниться новым правилам, «бунтовщикам» же грозил строгим наказанием. Стачечники усмотрели из этого, что он «снюхался» с управляющим, и решили «идти выше», т. е. к градоначальнику. Нечего и говорить, что тот сделал для них не больше, чем пристав. Тогда поднялись толки о подаче прошения наследнику*.

На все это ушло с неделю, а за неделю революционеры успели уже довольно хорошо сойтись со стачечниками. С самого начала стачки рабочие заметили, что каждый раз, когда они собирались большой толпой, между ними появлялись какие-то незнакомые им люди, одетые не совсем по-фабричному, пожалуй даже вообще смахивавшие на «студентов», но неизменно тянувшие их руку. Эти люди подали уже немало дельных советов. Они говорили, что незачем ходить ни к приставу, ни к градоначальнику. Их не послушались, а вышло по-ихнему. Семейным стачечникам, на которых особенно тяжело отзывалась остановка работы, сопровождавшаяся, разумеется, прекращением заработка, раздавались денежные пособия, — раздавались, правда, своими же фабричными, но откуда у тех возьмутся деньги? Догадаться нетрудно: деньги дают те же таинственные люди. Доверие стачечников к революционерам росло с каждым днем. До какой степени дорожила рабочая масса их неожиданной поддержкой, покажет следующий пример.

Одним из самых бойких членов местного революционного рабочего кружка был фабричный, которого мы на-

* Примечание ко второму изданию. Читатель помнит, что это было еще в царствование Александра II.

зовем хоть Иваном³⁸. Прекрасный малый, очень неглупый, деятельный и энергичный, Иван имел страстишку выставиться и порисоваться. Этот недостаток его, с избытком искупавшийся, впрочем, его достоинствами, ставил иногда Ивана в довольно смешные положения. Однажды, к величайшему нашему удивлению и огорчению, он вздумал прочесть стачечникам лекцию о прибавочной стоимости. Слушателям было совсем не до того: они собрались поговорить о том, как вести себя ввиду неожиданной для них измены пристава; лектор сам, как обнаружилось, плохо понимал свой предмет, да вдобавок еще сильно смутился на этом первом, так сказать, пробном чтении, и ничего, кроме вздора, из его популяризаторских усилий не вышло. Он был сильно сконфужен своей неудачей. Мы думали, что теперь он уgomонится надолго, если не навсегда, но не тут-то было. Уже на другой день Иван позабыл об этом печальном происшествии, и его опять тянуло побаловать себя тем или другим эффектным положением. Приходит он однажды, в самый разгар стачки, часов около восьми утра, на квартиру Гоббста и торжественно обращается к одному из присутствовавших там «бунтарей»:

— Петр Петрович, надо бы смотр сделать!

— Какой смотр?

— Да больше ничего — выйти на улицу, людей посмотреть, себя показать. Скучает народ-то!

«Бунтарь», названный здесь Петром Петровичем, отчасти походил характером на Ивана, с которым, кстати сказать, был большим приятелем. Он быстро сообразил, чего тот хочет, и без возражений вышел с ним на улицу. Спустя несколько минут за ними последовали и остальные бунтари — их было два-три человека, — очень заинтересованные новой затеей неугомонного и неисправимого Ивана. Дойдя до Обводного канала, они увидели такую картину.

Сотни стачечников покрывали набережную, образуя вдоль нее сплошную стену. Перед этой стеной медленно, торжественно шествовал Петр Петрович, а за ним, на некотором расстоянии, двигался Иван, слегка повернув в сторону свою почтительно наклоненную вперед голову, как бы затем, чтобы хоть одно ухо было поближе к начальству и не проронило ни слова из могущих последовать приказаний. Всюду, где проходила эта удивительная пара, рабочие снимали шапки, приветливо кланяясь и отпуская на ее счет разные одобрителные замечания. «Вон они, орлы-то наши, пошевельваются!» — любовно

воскликнул в нескольких шагах от меня пожилой рабочий. Окружавшие его молчали, но видно было, что им появление «орлов» доставило большое удовольствие.

Комическая выдумка Ивана была подсказана ему верным пониманием настроения массы. «Народ» действительно «скучал», не видя революционеров. Он чувствовал себя бодрее и смелее в их присутствии.

Замечу, однако, что тогдашние представления огромного большинства стачечников об «орлах» были очень смутны. Стачечники видели в них своих друзей; заметили также, что «орлы» не ладят с полицией. Но это и все. В каких отношениях стоят революционеры к высшему начальству — в особенности к царю, — об этом спрашивали себя тогда, вероятно, очень немногие из стачечников. Большинство приписывало нам, должно быть, свой собственный, вынесенный из деревни, взгляд на царя, как на верного защитника народных интересов. Наиболее же наивные доходили, пожалуй, до того, что принимали нас за тайных царских агентов. Я знаю, что в первое время стачки в существование таких агентов твердо верили по крайней мере некоторые рабочие. «Тише, братцы, — крикнул однажды собравшейся перед фабричным зданием толпе какой-то, должно быть уже искушенный опытом, прядильщик, — тут таскаются фискалы!» — «Какие фискалы?» — полюбопытствовал другой, обращаясь к своему соседу. — «А это, брат ты мой, такие люди, — ответил тот, — которых царь тайно посылает разузнать, нет ли где притеснения народу. Они походят, послушают, да ему и расскажут. Фискалов бояться нечего, это он напрасно, фискалы правду наблюдают». Такое лестное мнение о фискалах скоро разбилось в прах при столкновении с действительностью. Не прошло и недели, как уже все стачечники хорошо знали, кому и о чем доносят фискалы. Фабричная молодежь стала устраивать на них настоящие облавы. Обыкновенно они происходили вечером. Отряд охотников отправлялся в один из местных трактиров, куда во время стачки часто забегали шпионы пообогреться и прислушаться к разговорам публики, состоявшей из тех же стачечников. «Есть фискалы?» — спрашивает предводитель отряда кого-нибудь из знакомых. «Вон сидит пара, давно уж тут вертятся, замечают да подслушивают». Предводителю только этого и надо. Он шепчется со своими спутниками и располагается пить чай неподалеку от фискалов. Едва те выходят из трактира, он выбегает за ними. «Ребята, фискал, держи, держи!» — кричит он что есть мо-

чи. Фискалы бросаются бежать, но на первом же углу натываются на засаду. Их хватают и ведут к каналу. Здесь их вежливо кладут на землю и, как по наклонной плоскости, пускают катиться вниз по крутому берегу. Вывалившись в снег и стукнувшись об лед, фискалы вскакивают и стремглав летят в участок. «Улюлюлю! улюлюлю!» — юмористически кричат им вслед рабочие и затем быстро расходятся по домам, во избежание полицейских возмездий. Рассказы об испытанных фискалами неприятностях очень потешали всех стачечников. Собственно говоря, революционеры были для них такими же неизвестными людьми, как и фискалы. Иногда, по тем или другим причинам, на место действия, вместо старых знакомых всей рабочей массе «орлов», являлись совершенно новые личности. Но замечательно, что стачечники никогда не ошибались и ни разу ни одному революционеру не пришлось испытать на себе действие предназначенного для фискалов исправительного наказания. Рабочие каким-то чутьем отличали революционеров от полицейских сыщиков. Возможно, однако, что те из них, которые видели прежде в шпионах тайных агентов добродетельного царя, принимали потом за таких агентов самих революционеров. Возможно также, что они приписывали царской милости и раздачу денег лишившимся кредита семьям. По крайней мере, сближение с революционерами не мешало большинству стачечников надеяться на помощь со стороны трона. Именно от «орлов»-то и ждали, что они напишут прошение («хо-орошенькую бумажку!»). Обращаться с такой просьбой к революционерам значило почти то же, что просить сатану отслужить молебен угоднику. Землевольцы заранее морщились при мысли о такого рода поручении, тем более что «лавристы», недовольные принятым ими способом действия, давно уже обвиняли их в измене революционным принципам. Но делать было нечего. Веру в царя нужно было разрушать не словами, а опытом.

И вот однажды утром в квартиру Гоббста принесен был проект требуемого прошения. Одобренный местным рабочим кружком, он был представлен на рассмотрение рабочего собрания, состоявшегося на обширном дворе Бумагопрядильни³⁹. Малолетние рабочие («ребятишки»), все время принимавшие деятельное участие в стачке, рассыпались по прилегающим улицам и переулкам, чтобы, в случае приближения полиции, вовремя предупредить собравшихся. Кто-то (кажется, все тот же

Иван) забрался на большую кучу каменного угля и громко прочел прошение. Оно вызвало всеобщий восторг. «Вашему Императорскому Высочеству,— говорилось в нем,— неизвестно, какие плохие были отведены нам наделы и как сильно страдаем мы от малоземелья!» — «Верно, верно,— гремела толпа,— только звания, что земля, а пользы от нее никакой!» — «Вашему Императорскому Высочеству неизвестно, наконец, с какой жестокостью взыскиваются с нас эти тяжелые подати,— раздавалось с высокой каменноугольной трибуны,— нужда гонит нас на заработки в город, а здесь нас на каждом шагу притесняют фабриканты и полиция». Далее следовал разбор вызвавших стачку новых правил, а в заключение говорилось, что, не видя ниоткуда защиты, рабочие ждут ее от наследника престола, но если и он не обратит внимания на их просьбу, то ясно будет, что им остается надеяться *только на самих себя*. Заключение также найдено было очень рассудительным. «Если и от наследника ничего не добьемся, то уж надо будет, как-никак, поправляться самим»,— решили слушатели. Таким образом прошение было готово. Но как доставить его наследнику? Идти «ходоком» к Аничкову дворцу никому не хотелось, так как подобное путешествие могло закончиться очень неприятным образом. Решено было нести прошение целой толпой.

Полиция давно уже догадывалась, что стачечников поддерживают революционеры. «Фискалы» лезли из кожи вон, стараясь выследить «подстрекателей». Но землевольцев поймать было нелегко, и шпионские усилия так и не привели бы, может быть, ни к чему, если бы не одна несчастная случайность.

Зимой 1877/78 г. «интеллигенция» находилась в крайне возбужденном состоянии. Процесс 193-х, этот долгий поединок между правительством и революционной партией, в течение нескольких месяцев волновал все оппозиционные элементы. Особенно горячилась учащаяся молодежь. В Университете, в Медико-хирургической академии и в Технологическом институте происходили многочисленные сходки, на которых «нелегальные» ораторы «Земли и воли», нимало не стесняясь возможным присутствием шпионов, держали самые зажигательные речи. Недавно основанная тайная землевольческая типография усиленно работала. Кроме обширного отчета о «большом процессе», из нее вышло тогда множество воззваний и, между прочим, проект адреса министру юстиции Палену от учащейся молодежи, заключавший в

себе резкий протест против жандармской инквизиции (мы называли в шутку этот проект русский petition of rights)⁴⁰. Все подобные издания широко распространялись по России, но понятно, что больше всего их находилось в Петербурге, где их легко мог достать всякий желающий. Выстрел В. И. Засулич и вооруженное сопротивление жандармам Ковальского с товарищами в Одессе (30 января 1878 г.) еще более подлили масла в огонь⁴¹. Жажда деятельности и борьбы пробуждалась в самых мирных людях, и не было революционного предприятия, для исполнения которого не нашлось бы немедленно многих и многих охотников.

Когда среди петербургской интеллигенции разнесся слух о стачке, студенты немедленно собрали в пользу забастовавших очень значительную сумму денег*. Но радикальная часть студенчества не довольствовалась денежными пожертвованиями. Ей хотелось поближе сойтись со стачечниками. Из студентов разных заведений составила небольшая группа, с целью пробраться на Обводный канал. Дойти до него было, конечно, нетрудно, но никто из стачечников не имел связи между тамошними рабочими. Они зашли в портерную лавку, вероятно рассчитывая встретить там стачечников. От портерной было рукой подать до Бумагопрядильни, и в нее, действительно, нередко заходили рабочие, но именно потому там во время стачки постоянно заседали «фискалы», разумеется, сейчас же обратившие внимание на необычайных посетителей. Необычайные посетители, со своей стороны, сообразили, с кем имеют дело, но отступить не захотели. Прилежавшие к Бумагопрядильне улицы уже имели тогда тот особенный вид, который обыкновенно принимают наши рабочие кварталы, когда в них пахнет хоть маленьким «бунтом»: шмыгают «фискалы», озабоченно бегают околоточные, на перекрестках стоят целые кучи городских, иногда показываются казаки, а не участвующие в «бунте» редкие прохожие боязливо озираются по сторонам, точно вот-вот сейчас произойдет что-то очень страшное. Такая картина даже на бывалого, видавшего виды революционера действует всегда самым возбуждающим образом. Тем более сильно должна была она подействовать на молодых студентов. Войдя в

* Впрочем, деньги давали не одни студенты. Все либеральное общество отнеслось к стачечникам весьма сочувственно. Говорили, что даже г. Суворин⁴² разорился для их поддержки на три рубля. За достоверность этого слуха не могу, однако, поручиться.

портерную, они, по-видимому, уже плохо владели собой, а когда заметили шпионов, совсем забыли всякую осторожность. «А вы слышали, господа, что в Ростове-на-Дону убили шпиона Никонова? * Семь пуль всадили!» — сказал один из них, нарочно возвышая голос, чтобы его могли слышать те, кому слышать вовсе не следовало. «Не семь, а одиннадцать», — поправил его шпион, надевая шапку и выходя на улицу. Через несколько минут он вернулся в сопровождении полицейских и пригласил господ студентов «на пару слов в участок». О поимке «подстрекателей» сейчас же известили начальника тайной полиции, который на подмогу вульгарным уличным шпионам отрядил какого-то чиновного сыщика. А тем временем полиция вошла во вкус арестов и стала хватать всех прохожих, почему-либо казавшихся ей подозрительными. Так взят был совершенно ни за что, ни про что один псковский мещанин, едва только за несколько часов перед тем приехавший в Петербург и отправившийся на Обводный канал по какому-то частному делу. Почти одновременно с ним схватили на улице двух землевольцев, только что оставивших конспиративную квартиру Гоббста и пробиравшихся восвояси. Арестовали также несколько рабочих, считавшихся «зачинщиками» и на самом деле принадлежавших к местному революционному кружку. Давно уже подготавливавшаяся, неизбежная полицейская гроза разразилась, наконец, со свойственной ей величавой силой.

Склонив управляющего на некоторые, вполне ничтожные уступки, усмирители отпечатали и распространили между стачечниками новые, смягченные издания «новых правил»**, объявив, что всякий рабочий, отказавшийся подчиниться им, будет немедленно выслан на родину. К счастью, отказались все, а всех выслать было бы трудно даже для всемогущей русской полиции и невыгодно для фабрики.

* Свежая тогда новость.

** Одним из схваченных землевольцев был пишущий эти строки. В участке, куда привели арестованных, лежала на столе пачка «новых правил», напечатанная почти совершенно на таких листках, на каких мы печатали наши воззвания. Я обратил внимание околоточного на редакцию этих правил: «Сначала в них идет речь о двух грошовых уступках, а дальше следует ряд статей, возвещающих понижение заработной платы. Надо было сделать наоборот: сначала возвестить о понижении платы, а потом уже обрадовать рабочих уступками. Таким образом они заели бы горькое сладким». — «Что прикажете делать, — возразил околоточный с видом глубокой, но грустной покорности судьбе, — рабочему человеку всегда будет горько, этого вы не перемените».

Стачечники очень сочувствовали арестованным революционерам*. «Жаль, что не видели мы, как их брали,— говорили некоторые,— мы отбили бы их у полиции». Что же касается до арестов в их собственной среде, то они скорее ожесточали, чем запугивали рабочих. Во всяком случае, дня через два после описанных происшествий, снова поднялись толки о подаче наследнику забытого на время прощения, которое и было торжественно отнесено к Аничкову дворцу. Там его принял, для передачи по назначению, тогдашний градоначальник Козлов. Рабочие уверяли после, что, когда Козлов брал у них прощение, наследник стоял у окна и видел все происходящее. Это обстоятельство было, вероятно, плодом их фантазии, но тем не менее пришлось оно очень кстати. Никто не мог бы убедить впоследствии стачечников, что их прощение скрыли от наследника недоброжелательные к ним придворные.

Отнеся «бумагу» во дворец, градоначальник опять вышел к просителям и объявил, что теперь наследник приказывает им разойтись, ответ же на их просьбу он даст им через несколько дней. Рабочие тотчас же и совершенно спокойно исполнили это приказание.

Полиция притихла, не зная, как отнесется к прошению наследник, и стачка сделалась на время как бы совершенно законным явлением. О ней заговорили в газетах, осуждая действия фабричной администрации. Стачечники стали героями дня. Адвокаты предлагали им безвозмездные услуги, на них стремились посмотреть, как смотрят на модные диковины. Какой-то «нигилист», встретив случайно пары две этих интересных людей, затащил их к себе на квартиру, где их облюбовал целый десяток других «нигилистов», также непременно желавших видеть их у себя дома и показать друзьям,— и пошли наши рабочие гулять из одной нигилистической квартиры в другую, всюду возбуждая живейший интерес и с удивлением присматриваясь к незнакомому им миру. Впрочем, это были бойкие «ребята», умевшие показать себя и нимало не смущавшиеся непривычной обстановкой. Как сейчас помню визит их к одному либеральному адвокату, к которому затащили их «нигили-

* Арест мой продолжался всего один день. В качестве «нелегального» я имел недурной паспорт и носил ничем не запятнанное в глазах полиции имя какого-то потомственного почетного гражданина⁴⁸. Меня выпустили, обязав подпиской о невыезде. Я добросовестно исполнил это обязательство, так как долго после этого не покидал Петербурга.

сты», чтобы посоветоваться с ним «насчет стачки». Он встретил их торжественно и даже с некоторою робостью, как встретил бы провинциал «знатного иностранца», а они, порядочно уже избалованные бестолковым вниманием интеллигенции и успевшие возгордиться своим званием стачечников, обращались с ним снисходительно и преравно развалились в его мягких креслах. Землеволюльцы понимали, к каким нелепым последствиям может привести *подобное* сближение интеллигенции с рабочими. Они старались положить ему конец и при всяком удобном случае осмеивали его, как праздную забаву. Один из них уверял «нигилистов», что скоро в тайной землеволюльческой типографии будет напечатано такое объявление: «В доме № X, в квартире № Y, по такой-то улице (при этом точно обозначалась квартира, наиболее прославившаяся частыми приемами рабочих) от 2 до 6 часов пополудни показываются рабочие, принадлежащие к редкой и интересной породе стачечников. За посещение обыкновенные нигилисты платят по 20 копеек, выпущенные* по 10, нигилистки же смотрят бесплатно». Но насмешки действовали так же мало, как и увещания. В глазах многих «интеллигентов» путешествия рабочих по «нигилистическим» квартирам имели свою полезную сторону. Путешествия эти давали, по-видимому, возможность повлиять на стачечников даже таким революционным кружкам, которые, не имея никаких постоянных связей на Обводном канале, очень огорчались, однако, преобладающим и постоянно растущим влиянием там «Земли и воли». Многие, не сочувствующие «бунтарству», революционеры были убеждены, что под нашим влиянием стачка непременно кончится кровавой вспышкой. Напрасно говорили мы, что у нас нет на уме ничего подобного; нам не верили и радовались всякому случаю противопоставить нам более «мирное» влияние. В этом, конечно, не было бы большой беды, если бы противодействия нам велись хоть сколько-нибудь толково. Но что могло выйти из таких, например, собеседований с рабочими? «Мирный пропагандист» настигает нескольких стачечников в какой-нибудь «нигилистической» квартире, переполненной «интеллигентами», и заводит с ними неизбежный разговор о стачке.

* Под именем «выпущенных» известны были тогда революционеры, привлечавшиеся по делу о пропаганде в 37 губерниях и незадолго до «большого процесса» выпущенные на поруки. Их было тогда очень много в Петербурге.

— Вы хотите, разумеется, чтобы стачка сохранила совершенно мирный характер?— спрашивает он их утвердительно-твердым тоном.

— Конечно, мирный,— отвечают вопрошаемые.— Нам что ж? Нам пусть отменят «новые правила», а больше нам ничего не нужно!

— Никаких беспорядков вы делать не желаете?

— Да зачем же нам делать беспорядки?! Какой в них толк?

— Ну, вот и прекрасно, именно так поступать и нужно,— заключает вопрошатель и рассказывает потом, что он «сам» говорил с рабочими и убедился, что бунтарям они вовсе не сочувствуют.

Иногда случалось так, что едва оставлял рабочих «мирный пропагандист», их ловил и принимался допрашивать какой-нибудь молодой сторонник «вспышек».

— Ну, что, как у вас дела на фабрике?

— Да что ж наши дела, мы стоим на своем, а управляющий на своем, так вот и воловодимся.

— Не уступает?

— Нет, пока что, крепко держится, шут его возьми!

— Ну, вы, конечно, за себя постоите? Его, подлеца, надо так проучить, чтоб он и детям своим приказал притеснять рабочих!

— Да уж, само собой, не поддадимся, мы и фабрику-то всю разнесем взрывом, машины переломим. Вот он и считай тогда барыши!

Сторонник вспышек уходил, вполне убежденный, что стачечники настроены самым «бунтарским» образом. Сначала рабочие совсем не понимали, чего собственно хотят от них «интеллигентные» собеседники, и совершенно нелюбезно поддакивали людям противоположных мнений, так как на самом деле каждый стачечник, с одной стороны, вовсе не желал беспорядков, а с другой — очень не прочь был помечтать о хорошем уроке управляющему. Но потом они начали соображать, в чем дело, поняли, какая разногласия существует между «интеллигентными» революционерами, и пришли в тяжелое недоумение. «Ах, ты, господи, твоя воля,— воскликнул при мне у Гоббста один только что вернувшийся «из города» рабочий,— каждый-то кружок решает наше дело по-своему. Вот тут и разбирайся!»

— А ты бы больше шлялся по городу, не то бы еще услышал,— сердито заворчал на него Гоббст, который, как человек бывалый и крепко державшийся раз принятого направления, нимало не смущался революцион-

ными разногласиями. Но его молодой товарищ и сам, помнится, скоро убедился, что ему совсем нет надобности «шляться по городу».

Так как серьезные связи на месте были у одних только «землевольцев», то нечего и говорить, что влияние их на стачечников осталось непоколебимым. Рабочая масса по-прежнему видела в них «орлов» и с доверием прислушивалась к их советам. Мало того, обстоятельства складывались таким образом, что землевольцы могли говорить с нею совсем откровенно. Наследник не сдержал своего обещания, совсем ничего не ответив на просьбу стачечников. Некоторые, более доверчивые из них, продолжали еще ждать и надеяться, но зато другие — и таких с каждым днем становилось больше — решились, что и наследник «не хуже градоначальника» тянет руку управляющего. «Нечего было и ходить к нему, только сапоги трепали»,— говорили теперь нередко те самые люди, которые прежде энергичнее всех стояли за подачу прошения. Вынесенный из деревни политический предрассудок быстро уступал место трезвому взгляду на вещи. Прежде стачечники смотрели на верховную власть как на верную защитницу народных интересов, теперь они стали видеть в ней сообщницу капиталистов. Этот новый взгляд немедленно же выразился в неизвестно кем сочиненной басне о том, что наследник находится в интимной связи с женою управляющего и, кроме того, имеет свой пай в фабричном капитале. Едва ли кто из стачечников серьезно верил этой басне, но все охотно повторяли ее. Революционерам оставалось только подчеркивать те выводы, к которым пришли рабочие на основании собственного опыта.

Между тем, ничего не отвечая рабочим, наследник, очевидно, дал понять градоначальнику, что желает сохранить нейтралитет и что поэтому полиция может действовать с обычным своим усердием. Для стачечников вернулось тяжелое время. Полицейские преследования возобновились и росли с каждым днем. Дошло до того, что околоточные врывались в артельные квартиры и, с помощью городских, насильно тащили рабочих на фабрику. Наиболее упорных отводили в участок, а оттуда в пересыльную тюрьму. По улицам разъезжали сильные казачьи и даже жандармские отряды, присутствие которых должно было подавлять у стачечников всякую мысль об открытом сопротивлении. Наконец, явилась еще одна редакция «новых правил», сулившая рабочим новые «уступки». Доведенные до крайности, они сдались,

и, после двухнедельного затишья, Бумагопрядильня снова пошла полным ходом.

Стачка была подавлена не экономической силой капитала, а простым полицейским насилием: денежные сборы между «интеллигенцией» и рабочими разных промышленных заведений могли бы поддержать стачечников, по крайней мере, еще в течение целого месяца; дела же акционерного общества Новой Бумагопрядильни шли тогда далеко не так хорошо, чтобы оно могло вынести столь продолжительное «воздержание» от эксплуатации чужого труда. Его выручила полиция. Стачечники ясно видели это, и нам представлялся прекрасный случай выяснить им великое значение политической свободы. Они хорошо запомнили бы наши слова, так как всякая общая мысль, схваченная ими во время таких движений, чрезвычайно прочно укрепляется в их головах. Но мы сами презирали еще тогда «буржуазную свободу» и сочли бы себя изменниками, если бы вздумали восхвалять ее перед рабочими. В этом заключалась самая слабая сторона нашей тогдашней «агитации». Возбуждая рабочих против «властей» и «государства», она не сообщала им определенных политических взглядов и потому не придавала сознательного характера их неизбежной борьбе против *современного полицейского* государства. Замечательно, что с так называемым обществом те же землевольцы считали возможным говорить совершенно иначе: они выставляли перед ним, по крайней мере временами, довольно определенные *положительные* политические требования (см., напр., фельетоны «Земли и воли»). Противопоставляя «социализм» «политике», землевольцы считали борьбу за политическую свободу делом буржуазии, рабочих же продолжали звать на «чисто» экономическую революцию.

Как бы там ни было, стачка на Новой Бумагопрядильне, несмотря на свой неудачный исход и на наши политические ошибки, принесла большую пользу делу рабочего движения в Петербурге. За ее ходом внимательно следили все петербургские рабочие, и многие очень «серые» люди, наверно, пришли к тем же выводам относительно царской власти, какие сделаны были ткачами и прядильщиками Обводного канала. С своей стороны, власть эта, нужно отдать ей справедливость, не упускала случая показать, что она всецело стоит на стороне капиталистов.

В конце ноября 1878 года произошла стачка на прядильной фабрике Кенига за Нарвской заставой. Тамош-

ние рабочие также вздумали обратиться с «прошением» к наследнику, и утром 2 декабря их выборные (30 человек) отправились к Аничкову дворцу. Августейший сынок не только не помог стачечникам, но даже не принял их прошения. Ясно было, что правду говорили рабочие Новой Бумагопрядильни, что ходить к наследнику значило только «сапоги трепать» без всякой пользы.

Впрочем, прядильщики кениговской фабрики не очень нуждались в подобном уроке. Для них не прошел даром опыт их товарищей с Обводного канала. По всему видно, напротив, что многие из них и раньше путешествия их выборных к Аничкову дворцу знали, где искать настоящих друзей. Хотя на этой фабрике совсем не велась революционная пропаганда, но стачечники с первого же дня забастовки решили сойтись со «студентами» и отправили несколько человек на Обводный канал разузнать, как можно найти этих людей, «помогающих рабочим». Хождение к наследнику было предпринято с ведома революционеров и предпринято больше так себе, на всякий случай, чтобы окончательно убедить всех колеблющихся и сомневающихся, если бы оказались такие между стачечниками. Притом же следует помнить, что, по русским законам, стачка есть уголовное преступление и что, ввиду этого, «прошения», подаваемые властям рабочими, имеют нередко значение встречного иска, противопоставляемого неизбежному иску фабриканта.

В подавлении стачки на фабрике Кенига сияя полиция принимала более горячее участие, чем когда бы то ни было прежде. Рабочих прямо тащили в III отделение, где и происходили их объяснения с хозяином. Перед этим таннственным трибуналом г. Кениг утверждал, что рабочим у него не житье, а масленица, стачка же произошла вследствие «посторонних внушений». Он обещал даже узнать и сообщить полиции имена подстрекателей. В благодарность за это, третьеотделенские политики готовы были благословить будущего доносителя на самые противозаконные действия. Во всем этом деле их, разумеется, больше всего интересовал вопрос о подстрекателях. Только о подстрекателях и слышали рабочие, когда полиция принималась «разбирать» их жалобы на хозяина. «Вы слушаетесь злых людей,— кричал рабочим какой-то синий «генерал», явившись на фабрику в один из первых дней стачки,— у меня здесь сто шпионов следят за всем, что происходит у вас *, но если хозяин най-

* Заметьте, что всех рабочих у Кенига было не больше 200.

дет, что этого мало, я пришлю еще столько же! Как только узнаю, что к вам ходят бунтовщики, всех вас в Архангельск сошлю!» Рабочие уверяли, что никаких бунтовщиков они не знают, а между тем продолжали свои сношения с революционерами и еще более прониклись уважением к этим, прежде неведомым, людям, которых так сильно боялись генералы всех цветов и хозяева всех гильдий.

Интересно, что стачка на фабрике Кенига начата была малолетними рабочими. Дело в том, что на бумагопрядильных фабриках получается много отброса, состоящего из порвавшихся ниток. Этот отброс образует возле станков кучи так называемой *пыли*. Сортировкой «пыли» на фабриках Кенига занимается особый разряд работниц. Но незадолго до описываемого времени директор рассчитал этих работниц и возложил сортировку пыли на так называемых «задних мальчиков»*. Те «взбунтовались», заявивши мастеру, что не станут работать до тех пор, пока их не избавят от новой обузы. Кениг хотел было покончить дело поголовным изгнанием всех непокорных «задних мальчиков». Тогда вступили в стачку «средние мальчики» и взрослые рабочие.

Несмотря на все полицейские застраживания, стачечники держались превосходно. Они не уступили даже тогда, когда Кениг решился на крайнюю меру, т. е. прогнал их *всех до единого*. Петербургские революционные рабочие кружки постарались пристроить их на других фабриках.

Тот же 1878 г. ознаменовался некоторыми, правда, незначительными победами петербургских рабочих. Так, в конце августа на фортепьянной фабрике Беккера (на набережной Большой Невки) так называемые ящичники, т. е. столяры, делающие деревянный ящик фортепьяно, потребовали повышения заработной (поштучной) платы. Г. Беккер ответил, что они могут увеличить свой заработок, переставши «понедельничать», т. е. аккуратнее являясь на работу по понедельникам. Ящичники забастовали. Через три дня хозяин сдался.

Так же неудачно для хозяев кончились столкновения их с «рабочими руками» на табачных фабриках Мичри и бр. Шапшал. Эти столкновения интересны тем, что на названных фабриках работали исключительно женщины.

24 сентября в мастерских табачной фабрики Мичри

* Каждый прядильщик работал на двух станках, причем у него было два подручных «мальчика»: так называемый *средний*, 17—19 лет, и *задний* — 12—14 лет.

появилось объявление, гласившее, что папиросницы, получавшие 65 коп. за 1000 штук папирос первого сорта, впредь будут получать 55 коп.; а за 1000 шт. папирос второго сорта вместо прежних 55 к. будет платиться 45 к. Это понижение платы мотивировалось плохим сбытом товара. Мастерницы, как называют себя работницы, сорвали это объявление и пошли в контору для объяснений. Там они сказали приказчику, что не согласны работать за уменьшенную плату, и просили принять от них палочки и машинки для делания папирос. Тот обругал их непечатной бранью. Его грубость окончательно взорвала «мастериц»: палочки, машинки и даже скамейки полетели в окна; приказчик струсил и послал за хозяином. Г. Мичри не заставил долго себя ждать. Он немедленно явился на фабрику, и ласковая речь его, а больше всего обещания уступки успокоили толпу, состоящую приблизительно из сотни женщин. Попытка понизить и без того невысокую плату окончилась полной неудачей.

Через два дня такая же история повторилась на фабрике бр. Шапшал на Песках. Там приказчик вывесил следующее объявление:

Мастерицам табачной фабрики Шапшал.

Сим объявляю, что, по случаю остановки сбыта товара, я сбавляю с каждой 1000 папирос по 10 к.

Шапшал.

Мастерицы, здесь уже в числе 200, немедленно сорвали это объявление и на его месте вывесили новое:

Хозяину табачной фабрики Шапшал.

Мы, мастерицы вашей фабрики, объявляем, что не согласны на сбавку, потому что и так от нашего заработка не можем порядочно одеться.

Мастерицы вашей фабрики.

Приказчик собрал мастериц и потребовал, чтобы они указали писавшую объявление. Они ответили, что это излишне, так как объявление писано от имени их всех, и стали уходить. Приказчик поспешил послать за хозяином. После напрасных попыток убедить мастериц работать за пониженную плату г. Шапшал вынужден был уступить подобно г. Мичри.

В следующем, 1879 году стачечная зараза охватила несколько фабрик одновременно. Обнаружилась она прежде всего на знакомой уже читателям Новой Бумагопрядильне.

С тяжелым сердцем уступив полицейскому насилию, рабочие Новой Бумагопрядильни говорили нам, что они покоряются не надолго и при первом же удобном случае опять забастуют. По правде сказать, мы не верили им, видя в их словах не более как желание утешить себя и нас в испытанной неудаче. Но мы ошибались. Уже в ноябре 1878 года полиция имела много хлопот с неугомонной Бумагопрядильней. Восьмого ноября (Михайлов день) тамошние рабочие не явились на фабрику, мотивируя это тем, что, дескать, праздник, работать грех. Но на других фабриках работа шла своим чередом, и управляющий Бумагопрядильни вздумал наверстать потерянное время удлинением рабочего дня с 13 часов, как было до тех пор (от 5 час. утра до 8 ч. вечера, с вычетом 2 час. на еду), до 13¹/₄ час., и продолжать работу при этом условии до тех пор, пока из маленьких кусочков времени не составит полный день. Два дня работа шла до 8¹/₄ ч., возбуждая сильное неудовольствие рабочих. На третий день кому-то пришло в голову вернуть главный газопроводный кран в 8 часов. Как только эта мысль была приведена в исполнение, рабочие густой толпой повалили с фабрики, причем разбили несколько стекол и испортили 9 основ. Верный друг «отечественной промышленности», полиция не могла вовремя явиться для восстановления «порядка», но зато на следующее утро на фабрику явилась целая орда охранителей, и в течение нескольких дней работа происходила в их благодетельном присутствии, хотя уже не до 8¹/₄, а только до 8 часов. Началось следствие: кто потушил газ? Кто мог потушить? Человек 7 рабочих таскали в участок. Пристав горячился и кричал, что «ушлет их в Архангельскую губернию». Однако это не помогло. Рабочие отвечали, что ничего не знают. Одна женщина, работавшая недалеко от крана, показала на допросе, что кран завернул какой-то рабочий, лицо которого было закрыто передником. Кто был этот рабочий, осталось неизвестным; дело пришлось передать «суду и воле божией». С тех пор полиция стала зорко следить за рабочими.

15 января следующего года рабочие Бумагопрядильни по обыкновению пришли на фабрику рано утром. Несколько часов прошло обычным порядком; но перед обедом в ткацкое отделение явился главный мастер и вывесил объявление, приглашавшее 44 ткачей к расчету. На вопрос — за что такая немилость? — мастер ответил, что эти 44 человека выбрасываются на улицу за свое «бунтовство» и что впредь все неблагонадежные будут

прогоняемы. Заявил он также, что вообще администрация фабрики, ввиду постоянных бунтов, думает заменить ткачей-мужчин женщинами и детьми. Речь его была прервана взрывом негодования. Объявление было изорвано в клочки, сам оратор должен был ретироваться. Ткачи высыпали на улицу и разбрелись по домам обедать. После обеда они собрались перед воротами фабрики густой толпой, через которую не прошел ни один из тех, кто колебался пристать к стачке. Директор поспешил известить полицию о новом «бунте». Около фабрики забегали «фискалы», показались околоточные, в полной форме, с револьверами на боку; их сопровождали десятки городских. Но полиция пока еще не обнаруживала большой стремительности, вероятно, потому, что не получила еще надлежащих наставлений свыше.

К вечеру того же дня ткачи решили, кроме отмены распоряжения об изгнании бунтовщиков, требовать также: 1) повышения заработной платы — 5 к. на кусок ткани; 2) сокращения рабочего дня на 2¹/₂ часа; 3) отмены некоторых штрафов; 4) изгнания нескольких ненавистных им мастеров и подмастерьев; 5) присутствия выборных от рабочих при приеме сдаваемой ими ткани и, наконец, 6) выдачи им платы «за все время стачки, как будто работа и не прекращалась». Требования эти были немедленно записаны и, если не ошибаюсь, отпечатаны в тайной типографии «Земли и воли»⁴⁴.

Слухи о стачке на Новой Бумагопрядильне быстро распространились между фабричными, и на следующий день на Обводный канал явилось 40 выборных от ткачей фабрики Шау (Шавы, как произносили рабочие) за Нарвской заставой. «Шавинские» также решились забастовать и предлагали «новоканавцам» * выработать общие требования. Правда, полного тождества в требованиях стачечников этих двух фабрик быть не могло, так как порядки, практиковавшиеся г. Шау, значительно отличались от порядков, существовавших на Бумагопрядильне. У «Шавы» работа шла безостановочно день и ночь, причем рабочие разделялись на две смены: одни сутки одна смена работала 16 часов, а другая — 8, следующие — наоборот. Трудолюбивый фабрикант не прекращал работы даже вечером накануне праздников: она приостанавливалась только в 6 ч. праздничного утра. Г. Шау заботился также и о продовольствии рабочих: у него была мелочная лавка, в которой они *обязаны* были

* Рабочие называли иногда Обводный канал Новой Канавой,

покупать продукты. Читатель легко может представить себе, как выгодно это было для заботливого капиталиста. Иногда, придя за получкой в контору, рабочий узнавал, что весь его заработок ушел на уплату по его забору в хозяйской лавке.

С одобрения «новоканавцев» «шавинские» рабочие представили своему хозяину следующие требования:

1) Чтобы на каждый вытканый кусок прибавили платы по 5 коп.

2) Чтобы прогульные дни не считались, если сам хозяин виноват в прогуле.

3) Чтобы основы выдавали хорошие и чтобы материал выдавался при наших выборах.

4) Чтобы товар не браковали зря; чтобы за этим тоже следили наши выборные.

5) Чтобы не штрафовали за полом инструментов, за отсутствие из фабрики по болезни и надобности.

6) Чтобы за харчи платить не в конторе, как теперь, а в лавке, по получке денег на руки.

7) Чтобы на больницу платилось не по 1¹/₄ коп. с рубля, а по 10 коп. в месяц.

8) Чтобы за кипяток* на фабрике рабочие не платили.

9) Чтобы утром давалось время с 8¹/₂ до 9 ч. на завтрак.

10) Чтобы накануне праздников работа кончалась в 8 ч. вечера.

11) Чтобы газовые горелки расположить, как лучше для работы; мы сами укажем место для них; а то теперь в иных местах вовсе свету нет.

12) Чтобы прогнать с фабрики подмастерьев: Никифора Арсентьева и Нефеда Ефимова, Николая Волкова и шпульника Кирилла Симонова. Нам от них житья нет! и мы с ними не хотим работать.

13) За время стачки денег с нас не вычитать, потому что мы не работаем не по своей вине, а по упорству хозяев.

14) Чтобы никого из нас не брали в полицию за то, что не работаем, а тех, что теперь забрали, пусть выпустят**.

* Для чаю.

** Подробности об этих и некоторых предыдущих стачках заимствованы мною из 3 и 4 №№ «Земли и воли», где они были описаны мною же на основании сведений, своевременно собранных на месте.

Предъявленное фабриканту последнее (14) требование с формальной точки зрения может показаться бессмыслицей. Но в действительности оно имело большой практический смысл, так как аресты рабочих происходили по настоянию и, нередко, по личному указанию фабрикантов. Стачечники нашли полезным предупредить г. Шау, что даже в случае исполнения всех остальных требований они не станут работать, пока не прекратятся аресты и не будут освобождены арестованные.

На сходке представителей от обеих фабрик были, между прочим, обдуманы меры для поддержания беднейших из стачечников. Таких, естественно, должно было оказаться более у «Шавы», который грозился немедленно прекратить выдачу рабочим припасов из своей лавки. Решено было первые сборы предоставить в распоряжение его рабочих. Сборы же предполагалось делать на всех фабриках и заводах. В этом смысле были напечатаны (разумеется, в тайной типографии) воззвания ко всем петербургским рабочим. Надежда на их помощь не была напрасной: сборы делались почти повсеместно, и возбуждение рабочих во время этих сборов было подчас так велико, что грозило перейти, а местами и перешло, в забастовку.

На фабрике Мальцева (на Выборгской стороне) разбросаны были воззвания стачечников. По этому поводу полиция арестовала рабочего, заподозренного в их разбрасывании; его товарищи заволновались. Пошли толки о том, чтобы последовать примеру «новоканавцев», но хозяин ласковым обращением и обещанием разных благ в будущем восстановил спокойствие. Г. Чешеру (его фабрика тоже была на Выборгской стороне) не удалось отделаться одними обещаниями: он вынужден был прибавить по 3 к. на каждый кусок ткани. Волновались рабочие и на Охте. Так заразительно подействовал пример. А тем временем полиция и фискалы делали свое дело.

Уже в ночь с 16-го на 17-е число произведено было несколько арестов. Арестованных было 6 человек из рабочих Шау, 20 человек с Новой Бумагопрядильни, один слесарь на Лиговке и т. д. Аресты еще более усилили раздражение рабочих. До 17-го числа только ткачи участвовали в стачке на Н. Бумагопрядильне. С того же числа к ней пристали и прядильщики; фабрика совсем остановилась. О подаче каких бы то ни было «просений» теперь уже никто не думал. «Новоканавцы» только смеялись, когда мы напоминали им об их прошлогоднем

хождении к наследнику: «то-то дураки-то были!» — говорили они.

На фабрику Шау в качестве миротворца явился некий «полковник». Рабочие подали ему письменное изложение своих требований и категорически заявили, что на меньшем не помирятся.

— Согласны вы на эти требования? — спросил полковник хозяина.

Тот, разумеется, ответил отрицательно.

— Ну, так чего же вы, такие-сякие, хотите? — зарычал на рабочих миротворец, — да я вас!.. и т. д. и т. д. — полились обычные в таких случаях словеса «кротости и увещания», т. е. брань, украшенная непечатными словами... — У меня, — закричал храбрый воин, — сейчас 25 000 солдат под ружьем, попробуйте только бунтовать!

— Больно уж много ты, ваше благородие, войска-то для нас наготовил-то, — насмешливо заметили рабочие, — нас всего-то здесь 300 человек и с бабами, и с ребятишками, а мужиков-то не будет больше сотни.

Полковник понял, что зарпортовался, и прикусил язык, приказав, для поддержания своего авторитета, схватить одного из остряков, но толпа окружила эту жертву полковничьего смущения и отстояла ее от полицейских покушений. Так и уехал ни с чем воинственный миротворец.

Не желая обращаться к властям ни с какими *прошениями*, стачечники предъявили им теперь очень настоячивые *требования*. Так, например, рабочие Н. Бумагопрядильни решились требовать освобождения своих товарищей, арестованных ночью с 16 на 17 января. 18-го числа, часов около 10 утра, толпа около 200 человек собралась недалеко от здания фабрики. Здесь было прочитано и одобрено следующее заявление:

«Мы, рабочие Новой Бумагопрядильни, сим заявляем, что не пойдём на работу, пока не будут уважены все наши заявленные хозяину требования. Что же касается полиции, то мы отказываемся от всякого вмешательства с ее стороны для примирения нас с хозяином, пока не будут освобождены наши товарищи, люди, за которыми мы не знаем ничего худого. Если их обвиняют в чем-либо, пусть судят их у мирового, причем мы все будем свидетелями их невинности. Теперь же их арестовали и держат без суда и следствия, что противно даже существующим законам».

Когда читалось это заявление, подошел околоточный; он предложил рабочим пойти к участку для объяснения

с приставом, но они предпочли переговорить с градоначальником. Путь их к дому градоначальника лежал через Загородный проспект. На нем есть или, по крайней мере, был дом «мещанской гильдии» с проходным двором. Едва рабочие прошли через этот двор и вышли на Фонтанку, их атаковали жандармы с приставом Бочарским во главе, тем самым приставом, который только что приглашал стачечников прийти к нему для объяснений. По всей вероятности, полиция, еще накануне узнавши о намерении рабочих добиваться освобождения заключенных, заранее приготовилась к отпору, и переданное околоточным приглашение пристава было простой ловушкой. Видя, что не удастся заманить рабочих в участок, г. Бочарский пустился преследовать их, как фараон убежавших из Египта евреев.

Произошла свалка. Жандармы мяли лошадьми рабочих, рабочие защищались, как умели. У некоторых оказались кистени, а знакомый уже читателю Иван, опять принимавший горячее участие в стачке, вытащил даже кинжал и ранил им лошадь на скакавшего на него жандарма. Но силы были слишком неравны, нападение было слишком неожиданно. Жандармы победили. К счастью для рабочих, упомянутый проходной двор обеспечил им довольно безопасное, хотя и беспорядочное отступление.

Со времени этой битвы полиция удесятерила свою энергию. Начались непрерывные аресты. Нескольких так называемых зачинщиков выслали на родину, других — в северные губернии⁴⁵. Рабочих били и даже грабили*. Лавочникам полиция прямо запретила давать стачечникам в долг продукты. Зараженные стачкой местности были буквально наводнены «силицей жандармскою». Через несколько дней упорного сопротивления рабочие сдались, получив некоторые ничтожные уступки.

Эта новая неудача изменила настроение бывших стачечников разве только в смысле еще большего озлобления против всяческого начальства и еще большего сочувствия к революционерам. Рабочая среда вообще все более привыкала смотреть на революционеров как на своих естественных друзей и союзников, а на тайную «землеволютскую» типографию — как на орудие гласности, всецело предназначенное к их услугам. Такой

* Один из стачечников проходил недалеко от Н. Бумагопрядильни, играя на гармонике. На него бросился жандарм и выхватил гармонику. Рабочий отправился жаловаться на этот «дневной грабеж» в участок. Его выругали, а гармоники не возвратили.

взгляд укреплялся даже в тех уголках Петербурга, куда не проникала революционная пропаганда.

Однажды мне, как члену редакции «Земли и воли», передали конверт с надписью: *Господину редактору*. Я нашел в нем две четвертушки серой бумаги. «Господин редактор,— написано было на одной четвертушке,— пожалуйста, напечатайте наше воззвание и, если нужно, будьте так добры, поправьте». На другой написано было воззвание: «*Голос рабочего народа, работающих и страдающих у подлеца Максвеля*». В воззвании говорилось, что рабочие фабрики Максвеля, доведенные до крайности хозяйскими притеснениями, видят себя вынужденными прибегнуть к стачке и, сообщая об этом остальным петербургским рабочим, просят их поддержки. Текста воззвания я на память, разумеется, восстановить не могу. Помню только одну фразу из середины: «*мы работаем, стараемся, а он свенья не доволин нами*»,— да заключительные слова: «*Будем же твердо стоять каждый за всех и все за каждого*». Зато я хорошо помню общее впечатление, произведенное воззванием на меня и на моих товарищей по редакции. Мы положительно пришли в восторг. Столько свежего чувства, столько простоты и непосредственности, столько трогательной неумелости и вместе с тем столько неотразимой убедительности было в этой далеко не грамотной прокламации, что мы сочли непозволительным делать в ней какие-нибудь существенные изменения и ограничились исправлением грамматических ошибок. Едва ли не на следующий же день воззвание было отпечатано и передано авторам.

Вот что узнал я о причине неудовольствия максвелевских фабричных.

Низкая плата, непомерно длинный рабочий день, штрафы и придирки мастеров и подмастерьев — все это, разумеется, имело место на фабрике г. Максвеля, как и на других фабриках. Но этот находчивый предприниматель внес, кроме того, еще одну особенность в практикуемый им способ эксплуатации рабочей силы. Около своей фабрики (за Невской заставой) он выстроил большой дом для помещения своих рабочих. Другими словами, к выгодному ремеслу фабриканта он решил присоединить тоже не безвыгодное ремесло домовладельца. Надо отдать ему справедливость, дом его был построен очень хорошо, жить в нем было бы очень удобно, — несравненно удобнее, чем в тех грязных домах без воздуха и света, где ютились его рабочие. Беда заключалась лишь в том, что назначенные г. Максвелем квартирные

цены были сравнительно очень высоки и уж, во всяком случае, не по средствам фабричным рабочим. Вот почему те и не хотели селиться в его фаланстере. С своей стороны, просвещенный капиталист так твердо решился облагодетельствовать свои «рабочие руки», что не отступал даже перед очень крутыми мерами. Он грозил немедленно прогнать с фабрики всех консерваторов, отказывающихся жить в его доме. Отсюда — раздражение рабочим, решившихся стачкой положить конец оздоровительному упорству г. Максвеля. Совершенно без всяких «посторонних внушений» и помимо всякого влияния затронутых революционной пропагандой «бунтовщиков» — таких не было на их фабрике, — они выработали план действий, а для исполнения его сочли необходимым обратиться за помощью к рабочему населению Петербурга и к революционному обществу «Земля и воля». Нечего говорить, что воззвание было написано ими самими, но следует прибавить, что мысль о нем подана была им примером «шавинских» и «новоканавских» рабочих, которые, как я уже сказал, во время своей стачки обращались с воззванием «*к рабочим всех петербургских фабрик и заводов*». Вероятно, это последнее воззвание тогда же попало на фабрику Максвеля, очень вероятно также, что максвелевские рабочие не отказались поддержать «новоканавских» и «шавинских» стачечников своими трудовыми грошами, и теперь были уверены, что и им не откажут в такой же поддержке. Заключительные слова «голоса рабочего народа, работающих и страдающих у подлеца Максвеля» были целиком заимствованы из одного воззвания, напечатанного по поводу второй стачки на Обводном канале. Эти слова: «будем же твердо стоять каждый за всех и все за каждого» — как видно, хорошо выразили тогдашнее настроение петербургских рабочих, потому что после неизменно повторялись ими во всевозможных случаях их борьбы с полицией и предпринимателями.

Вообще в то время рабочее движение росло с необычайной быстротой. Любопытно видеть, как отражалось это явление в тогдашней революционной литературе.

Передовая статья № 4 «Земли и воли», вышедшего в свет 20 февраля 1879 г., целиком посвящена была вопросу о роли городских рабочих «в боевой народно-революционной организации». «Волнения фабричного населения, — говорится в этой статье, — постоянно усиливающиеся и составляющие теперь злобу дня, заставляют нас, раньше, чем мы рассчитывали, коснуться той роли,

которая должна принадлежать нашим городским рабочим в этой организации. Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самою жизнью, самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, *вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей**. Чрезвычайно характерно это невзначай вырвавшееся у народника признание. Рабочий вопрос, действительно, самую жизнь выдвинул вперед, наперекор народнической догматике. Неудивительно, что разрешить его с помощью этой догматики было совершенно невозможно. Народническая интеллигенция могла лишь, подобно автору указанной статьи**, рекомендовать рабочим-социалистам «агитацию», «агитацию», «агитацию» и «агитацию» да упрекать их в том, что они будто бы, забывая об этой агитации, слушают «чтения о каменном периоде или о планетах небесных». К началу 1879 года *рабочее движение переросло народническое учение* на целую голову. Ввиду этого неудивительно, что наиболее развитая часть петербургских рабочих, вошедшая в основанный около того времени «Северно-Русский рабочий союз», в своих политических взглядах и стремлениях значительно разошлась с бунтарями-народниками⁴⁶.

IV

«Северно-Русский рабочий союз» естественным образом возник из того ядра петербургской рабочей организации, которое, как я говорил выше, составилось из «старых», испытанных революционеров-рабочих. Формальное основание Союза относится, насколько могу припомнить, к концу 1879 г.⁴⁷ Уже с первых недель своего существования он насчитывал не менее 200 членов, а вокруг него группировалось по крайней мере столько же рабочих, сочувствующих, но еще не посвященных в организационную тайну. Большинство членов его принадлежало к числу «заводских». В каждом значительном рабочем квартале Петербурга были особые кружки, составлявшие местную ветвь Союза. Каждая ветвь имела свою кассу и свою «конспиративную» квартиру. Для заведывания ее делами выбирался небольшой комитет. Члены местного комитета были в то же время членами

* Курсив мой.

** Примечание ко второму изданию. Должен признаться, что ее автором был я сам.

Центрального кружка, который собирался через известные промежутки времени по общим делам Союза. В распоряжении Центрального кружка находилась особая касса, а также союзная библиотека. Центральная касса, как и местные кассы, пополнялась членскими взносами. Около времени второй стачки на Новой Бумагопрядильне в ней было рублей 150—200. Эта «свободная наличность», как выразился бы русский министр финансов, вся ушла на поддержку стачечников, но члены Союза исправно делали свои взносы, и потому пустою касса его никогда не оставалась. Что касается библиотеки, то ею особенно дорожил и гордился Союз. И действительно, она была самым ценным его достоянием. Составилась она частью из купленных рабочими, а больше из пожертвованных интеллигенцией книг. Собирались эти книги в течение целого года, и собирались так старательно, что едва ли хоть один гражданин «интеллигентной» республики Петрополя избежал неоплаченного книжного налога. Много хламу подарила рабочим интеллигенция, но подарила не один хлам. По пословице «с миру по нитке — голому рубаха», у Союза образовался большой запас книг по различным отраслям знания. Число книг было так велико, что нельзя было хранить их в одной рабочей квартире. Вследствие этого библиотека была подразделена на несколько частей и развезена по различным рабочим кварталам. Каждый квартал имел своего библиотекаря, у которого был полный список всех принадлежавших Союзу книг. Если кто-нибудь из членов местной ветви выбирал по этому списку такое сочинение, которого не было в библиотеке данного квартала, то библиотекарь представлял заявленное требование очередному собранию Центрального кружка, и книга доставлялась из другого квартала. Благодаря такой постановке дела полиции все же не так легко было открыть существование библиотеки и «накрыть» ее обладателей. Пользовались книгами через посредство знакомых членов и не принадлежавшие к Союзу рабочие, но о существовании библиотеки, разумеется, не знали.

Практика скоро обнаружила главнейший недостаток новой организации. Союз, как целое, мог действовать только по решению Центрального кружка, собиравшегося раза два в неделю. Занятые работой и живущие в различных частях города, а иногда и за городом, члены Центрального кружка не могли встречаться чаще. Но в промежутки времени между двумя его собраниями могли совершиться события, требовавшие немедленного дей-

ствия со стороны Союза. Как поступить в таком случае, устав не говорил. Когда началась вторая стачка на Новой Бумагопрядильне, до очередного собрания Центрального кружка оставалось два дня. Халтурин, тотчас узнавший о ней, очутился в очень затруднительном положении: стачка легко могла быть подавлена полицией еще до *очередного* собрания; а между тем, чтобы обегать всех членов Центрального кружка и созвать их на *чрезвычайное* собрание (известно, что к почте русские революционеры по понятной причине прибегают очень неохотно), надо было тоже не менее двух дней. Замедление во всяком случае было неизбежно, и Халтурину пришлось на первое время ограничиться личными сношениями со стачечниками. Придать организации Союза большую подвижность можно было лишь избранием особого распорядительного комитета, состоящего из небольшого числа лиц и имеющего право в важных случаях действовать по собственному усмотрению, не дожидаясь очередного собрания. К этой мысли, кажется, и пришли потом члены Союза.

Возникновению Союза нельзя было не радоваться даже с нашей тогдашней, народнической, точки зрения. Но программа его причинила нам немалое огорчение. В ней — о, ужас! — прямо было сказано, что рабочие считают завоевание политической свободы необходимым условием дальнейших успехов своего движения. Мы, презиравшие «буржуазную» свободу и считавшие ее опасной ловушкой, оказались в положении курицы, высидевшей утят. В особой заметке, посвященной обзору новой программы, редакция «Земли и воли» мягко, но решительно высказалась против неприятной ей рабочей ереси. В заметке повторены были те доводы, которые обыкновенно выставлялись народниками и бакунистами против «политики». Но членам Союза такие доводы уже перестали казаться убедительными. В ответ на заметку они прислали длинное письмо в редакцию, в котором говорили, что решительно не видят, как может успешно идти рабочее движение при отсутствии политической свободы и каким образом для рабочих может быть невыгодно приобретение ими политических прав*. Тяжело было народникам слышать от рабочих — и каких рабочих! — члены Союза составляли сливки революционного

* К сожалению, у меня нет № 5 «Земли и воли», в котором появилось письмо рабочих, и окончания № 4, содержащего вышеупомянутую заметку редакции. Поэтому я указываю только на общий смысл поднявшейся полемики, который я очень хорошо помню.

рабочего Петербурга — столь «буржуазные» рассуждения. Но еще тяжелее поразило их почудившееся им в письме презрение Союза к крестьянству. Дело в том, что, защищая свое требование политической свободы, авторы письма сказали, между прочим, что ведь они, рабочие, не *Сысойки**. Это выражение истолковано было революционной интеллигенцией в смысле кичливого презрения к крестьянству. Но правильно ли было подобное истолкование? Конечно, нет. Слова — «мы не Сысойки» свидетельствовали только о том, что русские рабочие уже тогда стояли бесконечно выше того «простонародья», на которое ссылались все социалисты — противники политической свободы. С давних пор наши социалисты из «интеллигенции» утверждали, что как у нас в России, так и за границей «простонародью» не нужно свободы печати, потому что книг и газет оно не читает и, следовательно, цензурным уставом не интересуется; что ему не нужно политических прав, потому что, задавленное бедностью, оно политической жизнью своей страны не интересуется; что его интересы затрагиваются только *экономическими* порядками, *политические* же формы для него безразличны и т. п. и т. п. Так рассуждал иногда еще Чернышевский и так же рассуждали мы, когда предостерегали рабочих от увлечения политической. Но развитому рабочему очень трудно было согласиться с нами. «Как же это так? Простому человеку не нужно свободы печати, потому что он *ничего не читает*; не нужно политических прав, потому что он *не интересуется* борьбою политических партий! Что же хорошего в простом человеке, отличающемся подобными отрицательными свойствами? Ведь это дикарь-Сысойка! И ведь пока простонародье будет состоять из дикарей-Сысоек, социализм останется несбыточной мечтой! Простонародье должно читать, а потому оно *должно* добиваться *свободы печати*; оно *должно интересоваться* политическими делами своей страны, а потому оно *должно добиваться политических прав*; оно *должно иметь свои союзы и собрания*, а потому оно *должно добиваться свободы союзов и собраний*. И не только должно. Оно отчасти уже читает книги, уже чувствует потребность в союзах и собраниях, уже стремится выступить на политическую арену. Оно уже переросло дикарей-Сысоек. Мы, рабочие, уже не таковы, каким воображают народ его

* Примечание ко второму изданию. Сысойка — герой известного романа Решетникова «Подлипovsky» — был, как известно, совсем диким человеком, пока оставался в своей деревне.

интеллигентные доброжелатели. Доказательством этому служит наше собственное движение. Но все это только начало. Если мы хотим идти вперед, нам непременно нужно сбить заграждающие наш путь полицейские рогадки!» Вот смысл ответного письма Союза и в особенности слов: «мы не Сысойки». Может быть, авторы письма не вполне выяснили его себе тогда со всех сторон; может быть, Сысок они упомянули не затем, чтобы одним метким словом характеризовать тот идеальный «народ», который бунтари готовы были противопоставлять будто бы зараженному буржуазным духом петербургскому пролетариату. Но характеристика все-таки была дана, хотя бы и не преднамеренно. Северно-Русский рабочий союз сознавал, что он состоит не из Сысок. И именно это сознание свидетельствовало об его политической зрелости.

Как бы там ни было, будущий историк революционного движения в России должен будет отметить тот факт, что в семидесятых годах требование политической свободы явилось *в рабочей программе раньше, чем в программах революционной интеллигенции**. Это требование сближало Северно-Русский рабочий союз с западноевропейскими рабочими партиями, придавало ему *социал-демократическую окраску*. Говорю — *окраску*, потому что вполне социал-демократической программу Союза признать было бы невозможно. В нее вошла немалая доза народничества. Этой прилипчивой болезнью трудно было избежать в России, да притом авторы программы, разойдясь с нами по коренному вопросу о политической свободе, не чужды были, кажется, желания позолотить пилюлю, порадовав нас целой кучей народнических требований.

Напечатанная в виде отдельного листка программа Союза не была, к сожалению, перепечатана ни в одном революционном издании. Найти ее теперь можно было бы только в архивах покойного Третьего отделения. Говоря о ней на память, я, разумеется, не могу входить ни в какие подробности⁴⁸.

Известие об основании Союза радостно встречено было рабочими всюду, куда оно проникло. Варшавские рабочие приветствовали петербургскую организацию ад-

* Примечание ко второму изданию. Говоря это, я имею в виду наиболее деятельную и наиболее влиятельную часть тогдашней революционной интеллигенции: народников. Кроме народников, были тогда полулибералы, толковавшие о политической свободе. Они издавали «Начало», но влияния они не имели.

ресом, в котором говорили, что пролетариат должен быть выше национальной вражды и преследовать общечеловеческие цели. Союз отвечал им в том же духе, выражал надежду на скорую победу над общими врагами и заявлял, что не отделяет своего дела от дела рабочих всего мира. Это был едва ли не первый пример дружеских сношений русских рабочих с польскими.

Союз не думал ограничивать поле своей деятельности одним Петербургом. Самое название его (Северно-Русский союз) принято было лишь на время, лишь до тех пор, пока не пристанут к нему рабочие провинциальных городов. Идеалом вожаков Союза была единая и стройная *всероссийская рабочая организация*.

V

Что представляли тогда собою провинциальные рабочие? Насколько коснулось их революционное движение? Читатель знает, что пропаганда между рабочими считалась народнической интеллигенцией побочным делом, что ее революционные программы никогда не отводили рабочему классу самостоятельной роли. Главные силы интеллигентных революционеров направлялись на крестьянскую массу. Отсюда вытекали такого рода, на первый взгляд странные, явления.

Как промышленный центр, Москва почти не уступает Петербургу. Но в Петербурге происходило значительное рабочее движение, в Москве оно было слабее, чем в Киеве или в Одессе. «Рабочее дело» всегда было обязательно своими успехами случайным причинам. Центром северно-русских революционных организаций интеллигенции являлся Петербург. Там всегда было много свободных революционных сил. И уже одного этого было достаточно, чтобы там началась пропаганда между рабочими. Из Москвы революционные силы стремились в Петербург или даже в большие города юга. В Москве «рабочее дело» могло бы начаться только в том случае, если бы ему придавалось самостоятельное значение. Но это условие отсутствовало, поэтому и было слабо в Москве «рабочее дело».

В Саратове очень мало была развита фабрично-заводская промышленность; тамошние рабочие были по преимуществу мелкими ремесленниками, а между тем в 1877—1878—1879 гг. там постоянно жил то тот, то другой «земледелец», занимавшийся исключительно пропагандой между рабочими. Владимирская губерния усеяна

фабриками, ее население местами сплошь состоит из фабричных рабочих, но никому из землевольцев и в голову не пришло поселиться во Владимирской губернии. Отчего это? Понятно отчего! Поволжье считалось местностью, в которой крестьянство еще сохранило свои революционные «предания». Поэтому оно избрано было главной ареной «бунтарской» деятельности. В Самарской, в Саратовской, в Астраханской губерниях заводились «поселения в народе», Саратов был главной квартирой действовавших в «народе» землевольцев. Поэтому они считали полезным и нужным обеспечить себе поддержку со стороны его рабочего населения: когда поднимется поволжское крестьянство, пригодятся и саратовские ремесленники. Во Владимирском же промышленном округе торжествовал капитализм, в этой несчастной местности с незапамятных времен прекратились значительные крестьянские движения, в ней умерли народные «предания», исказились народные «идеалы». Поэтому ходить туда землевольцам было незачем. *Призрак оказался сильнее действительности. Мертвый схватил живого* — по известному французскому выражению. Постоянно мелькавшие в воображении бунтарей тени Разина и Пугачева больше влияли на распределение революционных сил, чем действительный ход русского экономического развития.

До какой степени ошибались бунтари в оценке живых сил народа, может показать следующий замечательный факт. В 1878 г. землевольцы много толковали о том, чтобы проникнуть в Ярославскую губернию. Вы подумаете, может быть, что их почему-либо привлекало к себе тамошнее *рабочее население*. Совсем нет, о тамошних рабочих они забыли и думать. Тут была другая и уж поистине более тонкая причина. Из «Сборника правительственных сведений о раскольниках» Кельсиева землевольцы узнали, что в Ярославской губернии процветала когда-то секта бегунов. Один бунтарь «слышал» даже, что и теперь существуют бегуны в одном селе Ярославской губернии. Вот и думали снарядить экспедицию для их изловления. Но бегун потому и называется бегуном, что вечно бегаёт. Изловить его не так легко, как «поселиться» среди мирно живущего под игом своих «идеалов» крестьянства. Увидя, что подступа к ярославским бегунам не имеется, бунтари махнули рукой на Ярославскую губернию. Интересоваться ею из-за одних рабочих не позволяла программа.

В тех же провинциальных городах, где интеллиген-

ция по тем или другим причинам находила нужным шевелить трудящееся население, рабочие кружки непрерывно существовали с самого начала семидесятых годов. Иногда их разбивала полиция, иногда, вяло поддерживаемые интеллигенцией, занятой другим делом, они действовали очень вяло, но в общем почва для революционной рабочей организации была и в провинции подготовлена довольно хорошо.

В Одессе рабочая масса настолько сочувствовала революционерам, что во время суда над Ковальским (в июле 1878 г.) она принимала деятельное участие в демонстрации перед зданием суда*. Относительно Харькова у нас есть любопытное свидетельство местного губернатора. «Социальные учения,— писал он в своем «всеподданнейшем» отчете за 1877 г.,— к счастью и несмотря на делаемые многочисленные попытки со стороны злоумышленников, можно сказать, вовсе еще не проникли в среду сельского населения, остающегося верным началам религии, нравственности и порядка. Нельзя того же сказать о низшем классе городского населения, которое, подкапываемое социальными учениями, во многом утратило прежнюю неприкосновенность религиозных верований и патриархальности семейных отношений. Класс фабричных рабочих, весьма многочисленный в Харькове**, требует усиленного надзора и не представляет залогов устойчивости против распространения новых учений. В среде этого населения революционная пропаганда встречает постоянное сочувствие, и в случае какого-либо движения в смысле перехода от теории к действию класс харьковских рабочих в огромном большинстве своем не представит отпора возмутителям. В этом

* См. статью «Одесса во время суда над Ковальским» в № 2 «Земли и воли». «Из пяти дней судебного разбирательства три выпали на долю праздничных, когда народ не работает,— говорит автор этой статьи.— Это обстоятельство в значительной степени содействовало скоплению публики у здания суда». Как вела себя эта в значительной степени рабочая публика, читатель может видеть из той же статьи. Я приведу из нее только один эпизод. Когда войска оттеснили толпу от суда, часть ее направилась к приморскому бульвару. «На бульваре аристократия сибаритничала за столами, уставленными напитками и яствами.— Сволочь! — обратился один рабочий к благодушествующим,— вы объедаетесь и опиваетесь в ту минуту, когда осуждают людей на смертную казнь! Палачи предадут смерти одного из лучших сынов русской земли, а вы любуетесь прекрасными видами! Будьте вы прокляты!» Это было сказано среди бела дня, под солдатскими ружьями и казацкими пиками.

** Это неверно, фабричных рабочих вовсе было тогда немного в Харькове, но не в том дело.

отношении заслуживают особого внимания подслушанные агентом полиции в среде фабричного населения разговоры об обременительности податей, о неизвестности, на что и куда тратятся деньги, забираемые с народа, о бесконтрольности правительства и тому подобные суждения, не слыханные в простом народе еще несколько лет тому назад. Конечно, свобода суждений повременной печати могла частью навеять подобные мысли, но несомненно, что главные виновники подобного настроения фабричного населения это — распространители революционной пропаганды, усиленно работающие между фабричными города Харькова. Вообще политическое состояние губернии, спокойное в отношении массы сельского населения, поместного дворянства и вообще владельцев недвижимой собственности, весьма тревожно в отношении низших классов городского населения, учащейся молодежи и тех подонков общества, не имеющих ничего терять, которые столь многочисленны в больших городах»*. В отчете екатеринославского губернатора за 1879 г., наверное, заключались столь же резкие выражения по адресу «низшего класса населения» Ростова-на-Дону. Известно, что у ростовской полиции были в том году большие неприятности с рабочими.

Дело было так. Не помню точно, в какой день праздника пасхи, полицейские схватили на базаре подгулявшего рабочего и потащили его в часть, не жалея, как водится, пинков и подзатыльников. «Братцы, заступитесь,— закричал рабочий покрывавшему базарную площадь народу,— изувечат меня в части!» Народ зашевелился; довольно значительная группа рабочих последовала за уводившими арестованного полицейскими, прося их отпустить его. Те отвечали ругательствами и, вве-

* См. «Извлечение из всеподданнейшего отчета харьковского губернатора за 1877 г.» в № 2 «Земли и воли». «Подслушанные агентом полиции «толки» о бесконтрольности правительства» и т. д. показывают, что и харьковская рабочая среда начинала сознавать значение политических прав и политической свободы. Казалось бы, что нашим либералам нужно было прежде всего искать опоры в подобной среде. Но они, по крайней мере многие из них, ни о чем так охотно не рассуждают, как о незрелости и непригодности русского рабочего класса к борьбе за политическую свободу. Удивительно пронизательные и глубокомысленные люди!

Примечание ко второму изданию. Так было до недавнего времени; так остается, пожалуй, и теперь, но теперь есть некоторые основания думать, что скоро передовая часть нашей буржуазии радикально изменит свое отношение к политическому движению рабочих. Она постарается подчинить его своему влиянию. Понятно, это не в интересах социал-демократов.

дя арестованного в здание части, принялись колотить его не на живот, а на смерть. Услышав его отчаянные крики, эта группа стала бросать камни в окна и ломиться в ворота частного дома. Группа быстро разрослась в толпу. Кто-то крикнул, что следует разнести всю часть. Сделать это было не так-то легко: ее крепкие ворота были заперты, а в окнах нижнего этажа стояли городовые с обнаженными шашками и револьверами. Начался правильный приступ. Несколько дюжих молодцов притащили откуда-то огромное бревно; толпа поняла их мысль, бревно схватили десятки рук; распевая «дубинушку», им стали действовать как тараном, и через несколько минут ворота были выбиты. Народ ворвался в часть. Полицейские, которые успели тем временем сделать несколько выстрелов в нападавших, моментально скрылись. В самое короткое время часть была разнесена. Покончив с нею, толпа бросилась на другие полицейские части, потом опустошила квартиры полицеймейстера и некоторых квартальных. О сопротивлении ей никто не думал. Полуживой от страха полицеймейстер прятался в Нахичевани, а военные власти Ростова не уверены были даже в том, что им удастся оборонить банк и острог (где сидело несколько «политических»). Разумеется, полетели телеграммы к губернатору; из Новочеркасска двинулись для усмирения казаки, а в Таганроге стала готовиться к выступлению артиллерия*. Но пока что город был в руках «бунтовщиков».

Я приехал в Ростов на другой же день после «разнесения» частей и видел все его следы. Невозможно представить себе картину более полного опустошения. В зданиях частей выломаны были полы, выбиты стекла с рамами и двери с притолоками, разрушены печи, попорчены дымовые трубы и крыши. И на далекое расстояние мостовая, усеянная обломками мебели, покрыта была, как снегом, мелкими клочками разорванных полицейских бумаг.

— Какая дикость!— воскликнет иной благовоспитанный читатель. Пожалуй,— дикость. Но ведь противодействие равняется действию, и странно удивляться, что *дикий произвол полиции* вызывает *дикую* подчас *ярость народа*.

* Вскоре после этого я познакомился с одним из стоявших в Таганроге артиллерийских офицеров. «У нас офицеры говорили, что они не станут стрелять в народ»,— сказал мне мой новый знакомый. Не знаю, как другие, а этот человек не ограничился бы словами. Впоследствии он делом доказал свое сочувствие революционерам.

А в то же время заметьте, что эта разъяренная толпа умела вполне сохранить свое достоинство. *Никто из опустошителей не позволил себе взять ничего из уничтожаемого имущества полицейских.* Это тогда же подтверждено было всеми очевидцами. Только когда стали «разносить» дом полицеймейстера и выкинули на улицу несколько штук прекрасного полотна, какой-то солдат попросил себе кусок на рубаху. Толпа удовлетворила просьбу «служивого», тут же уничтожив весь остаток.

Еще одна интересная черта. Разбивши одну часть и направляясь к другой, толпа проходила мимо еврейской синагоги. Мальчик кинул камень в ее окно. Его сейчас же остановили. «Не трогай жидов, — сказали ему, — нужно бить не жидов, а полицию».

Настоящая дикость выступила на сцену только ночью в лице многочисленных в Ростове «босяков». Буйно провела эту ночь и вдоволь потешилась ростовская «босая команда!» Обрадовавшись отсутствию полиции, она прежде всего поспешила разграбить питейные дома, а потом, напившись до беспамятства, обрушилась на публичные дома и стала бить несчастных проституток. Явившиеся на следующее утро войска положили конец этим безобразиям, в которых рабочие совсем не участвовали и которыми они возмущались до такой степени, что и без прихода войск их антиполицейское движение, вероятно, прекратилось бы в силу естественной реакции против подвигов «босой команды».

Несмотря на такой неожиданно плачевный оборот ростовской «революции», воспоминание о ней долго еще ободряло рабочих, как наглядный пример того, что народ может дать хороший урок даже и всемогущей в России полиции.

Мне рассказывали, что, когда слух о «разнесении» ростовской полиции дошел до углекопов донецких копей, они двинулись отрядом в 150—200 человек на помощь ростовцам, но дорогой узнали о восстановлении «порядка» и поспешили возвратиться домой. За достоверность этого слуха я совсем не ручаюсь.

Что касается существовавших в провинциальных городах революционных рабочих кружков, то лично я знал такие кружки в Ростове, Саратове, Киеве и Харькове. По составу своему они были гораздо разнообразнее, смешаннее петербургских. В них попадались члены, по развитию и по высокому уровню потребностей не уступавшие петербургским заводским рабочим, но рядом с ними попадались и совсем «серые», иногда неграмотные.

Нередко преобладали в них мелкие самостоятельные ремесленники, и притом не подмастерья, а именно *хозяева*. В Петербурге я совсем не встречал подобных последователей социализма и чувствовал себя в странном положении, когда, случалось, революционер-хозяин советовал мне остерегаться его *работника*, как *ненадежно* человека. «Да ведь ты сам эксплуататор, ведь на тебя два рабочих трудятся», — шутил иногда со своим приятелем-портным переехавший из Петербурга в Саратов «заводской» В. Я. Портной конфузился. «Да что же делать-то, брат ты мой? Я и сам не рад, что теперь такие порядки, а жить-то тож надо. Вот придет революция, тогда уж не буду „эксплуататором“».

Мне хотелось допытаться, откуда берется недовольство у людей этого слоя, какая из темных сторон их положения яснее всего отражается в их сознании. «Очень уж нас притесняет дума, все городские расходы на нас, бедняков, сваливает», — объяснил мне один ростовский мещанин, горячий революционер, имевший свою кузницу и нескольких подмастерьев. Возможно, что и многие другие ремесленники-революционеры были разбужены прежде всего безобразиями нашего городского «самоуправления».

«Чарочка», «пьянка», к сожалению, слишком привлекательны иногда для русских ремесленников. В этом отношении они далеко оставляют за собою фабричных и заводских рабочих, у которых я редко замечал склонность к сильному злоупотреблению спиртными напитками.

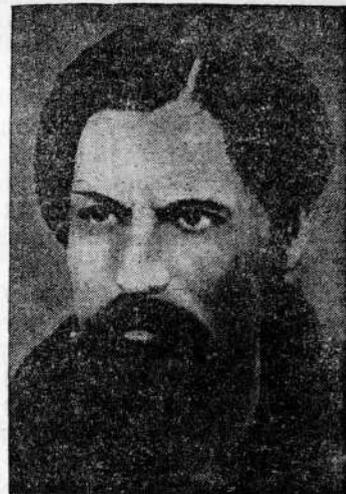
На Волге и на Дону между рабочими-революционерами попадались люди, прежде придерживавшиеся раскола. Раскол не имеет, да и никогда не имел, серьезного значения как оппозиционная общественная сила. Часто он действует прямо вредно, приучая человека к обрядности, к буквоедству, отвлекая его мысль от земных нужд к небесному блаженству*. Но тяжелый жизненный опыт и потребность в чтении научили раскольников не бояться запрещенной книги и уважать людей, страдающих за свои убеждения. Землеволюцы «спропагандировали» на Волге молодого бегуна, очень способного парня. По их просьбе он написал воспоминания о своей жизни между раскольниками. Из этих воспоминаний я как сейчас помню то место, где он рассказывает о своей

* Примечание ко второму изданию. Маркс некогда называл религию опиумом народа и говорил, что критика религии естественно превращается в критику общественных отношений.

встрече с ссыльными поляками. Совсем еще ребенком ехал он с отцом из Тюмени в одну из внутренних губерний Европейской России. На дороге столкнулись они с партией поляков. «Что это за люди?» — спросил мальчик отца. «А это, мой милый, поляки; их гонит царь не хуже нас грешных. Много горя принимают они от правительства». Эта способность сочувствовать *политическому* «преступнику» уже сама по себе может послужить залогом сближения с таким «преступником», а потом — при благоприятных условиях — и полного усвоения его образа мыслей. И это тем более, что между раскольниками встречаются страстные и беспокойные искатели истины, не способные надолго удовлетвориться сектантской догматикой. Я знал одного бывшего раскольника, который уже пятидесятилетним стариком пристал к революционной партии. Этот человек всю жизнь «ходил по верам», забредал даже в Турцию, ища между тамошними раскольниками «настоящих людей» и «настоящей правды», и, наконец, нашел искомую правду в социализме, распрощаясь навсегда с небесным царем, и всей душой возненавидел царя земного. Я не встречал более страстного, более неутомимого проповедника. Часто вспоминал он, бывало, о каком-то расколуучителе, очевидно имевшем на него прежде сильное влияние. «Эх, кабы мне теперь встретить его, — восклицал он, — я бы объяснил ему, что есть истина!» Он был душою рабочего кружка (где именно, не скажу, «страха ради иудейска»), и его нельзя было запугать никакими преследованиями. Он с самых юных лет знал, что хорошо «принять мученический венец» за свои убеждения. Кончил он Сибирью.

Повторяю, всюду, где интеллигенция давала себе труд сходиться с провинциальными рабочими, она могла похвалиться очень заметным успехом. А если бы делу сближения с рабочими она посвятила хоть половину тех сил и средств, которые потрачены были на «поселения» и на разные агитационные опыты в крестьянстве, то к концу семидесятых годов социально-революционная партия твердо стояла бы уже на русской почве. Рабочие охотно шли навстречу интеллигенции*. И в Харькове, и

* В шестидесятых годах в Саратове жил под надзором полиции впоследствии оставивший Россию А. Х. Христофоров. Он сблизился со многими местными рабочими. Они долго помнили его. В 1877 г. они рассказывали нам, землевольцам, что со времени его пребывания в Саратове в местной рабочей среде никогда не потухала зароненная им искорка революционной мысли. Люди, никогда не знавшие его лично, вели от него свою умственную родословную. Такой глубокий след оставляет в этой среде всякое доброе влияние!

в Киеве, и в Ростове-на-Дону мне постоянно приходилось слышать одни и те же жалобы, одни и те же просьбы: «интеллигенция забывает о нас; займитесь рабочим делом; пришлите из Петербурга хоть нескольких знающих, ловких людей, — вы увидите, как пойдет оно в нашем городе».

Ввиду этого как нельзя более своевременным являлось намерение Центрального кружка Северо-Русского рабочего союза войти в правильные сношения с провинциальными рабочими. Между его членами были люди, которые и по знаниям, и по энергии, и по опытности могли поспорить с любым «интеллигентом». Таков был, например, Степан Халтурин.

Я уже несколько раз упоминал его имя, занимающее одно из самых почетных мест в истории русского революционного движения. Пора поближе познакомить читателя с этой замечательной личностью.

VI

Степан Халтурин родился в Вятке. Его родители, бедные мещане, посылали его в детстве в какую-то школу, а затем отдали в учение к столяру. В начале семидесятых годов он приехал в Петербург, где скоро нашел место на заводе. Не знаю, когда именно и при каких обстоятельствах захватило его революционной волной, но в 1875—1876 гг. он был уже деятельным пропаганди-

стом. Если не ошибаюсь, в первый раз я встретился с ним дня за два до описанных в первой статье похорон убитых взрывом рабочих патронного завода. Я был в числе «бунтарей», приглашенных принять участие в задуманной по этому поводу демонстрации, он — в числе рабочих, подготовлявших демонстрацию. Он был из тех людей, наружность которых не дает даже приблизительно верного понятия об их характере. Молодой, высокий и стройный, с хорошим цветом лица и выразительными глазами, он производил впечатление очень красивого парня; но этим дело и ограничивалось. Ни о силе характера, ни о выдающемся уме не говорила эта привлекательная, но довольно заурадная наружность. В его манерах прежде всего бросалась в глаза какая-то застенчивая и почти женственная мягкость. Говоря с вами, он как будто и конфузился, и боялся обидеть вас нехотевшим словом, резко выраженным мнением. С его губ не сходила несколько смущенная улыбка, которою он как бы заранее хотел сказать вам: «я так думаю, но если это вам не нравится, прошу извинить». Такими манерами отличались иногда в доброе старое время молодые, благовоспитанные провинциалы на первых шагах своей светской карьеры. Но к рабочему она мало подходила, и во всяком случае не она могла убедить вас в том, что вы имеете дело с человеком, который далеко не грешил излишней мягкостью характера и недостатком самоуверенности.

Близко сойтись с ним можно было только на деле. Рабочему вообще некогда вдаваться в те бесконечные собеседования, которыми любит услаждаться «за чаем» «интеллигентная» публика и в которых собеседники выворачивают друг перед другом всю свою душу. Степан же в особенности не любил душевных излияний. Хотя во внешнем обращении застенчивость его исчезала при более близком знакомстве с человеком, однако она всегда держала его настороже, делая для него совершенно невозможным то нравственное состояние, которое обозначается словами: «душа нараспашку». Побеседовать с ним он был не прочь и притом не только со своим братом рабочим, но и с «интеллигентами». Пока он был легальным, он даже охотно селился по соседству со студентами и искал их знакомства, заимствуясь у них книгами и всякого рода сведениями. Нередко за полночь засиживался он у таких соседей. Но и там он мало высказывался. Придет и поднимет разговор на какую-нибудь теоретическую тему. Хозяин оживится, обрадованный случаем

просветить темного рабочего человека, говорит долго, вразумительно и по возможности «популярно», а Степан слушает, лишь изредка вставляя свое слово и внимательно, несколько исподлобья, поглядывая на собеседника своими умными глазами, в которых по временам появляется выражение добродушной насмешки. В его отношении к студентам всегда была некоторая доля юмора, пожалуй, даже иронии: знаю, мол, я цену вашему радикализму; пока учитесь, все вы — страшные революционеры, а кончите курс да получите местечки, и как рукой снимет ваше революционное настроение! Подсмеивался он также над студенческим трудолюбием. «Видел я, как они работают, — говаривал он, — разве это работа! Посидит часа два на лекциях, почитает час-другой книжку, — и готово, иди в гости чай пить и разговоры разговаривать!» К рабочим он относился совсем иначе, подшучивать над ними не позволял ни себе и никому другому, в особенности «интеллигенции». Как огонь вспыхивал он, когда «интеллигент» делал при нем какой-нибудь не совсем лестный отзыв о рабочих. В рабочих он видел самых надежных, прирожденных революционеров и ухаживал за ними, как заботливая нянька: учил, доставал книги, «определял к местам», мирил ссорившихся, журил виноватых. Его очень любили товарищи. Он знал это и платил им еще большей любовью. При всем том не думаю, чтобы и в обращении с ними его покидала привычная сдержанность. Не знаю, как вел он себя с теми рабочими, которых привлекал к делу в революционных беседах с глазу на глаз. Может быть, тогда он и давал волю всему, что кипело у него на душе. Но на кружковых рабочих собраниях он говорил редко и неохотно. Только в тех случаях, когда дело не клеилось, когда собравшиеся говорили что-нибудь несообразное или уклонялись от предмета сходки, Степан прорывался. Краснобаем он не был, — иностранных слов, которыми любят щеголять иные рабочие, никогда почти не употреблял, но говорил горячо, толково и убедительно. Его речь и исчерпывались обыкновенно прения. И не потому, чтобы его выдающаяся личность давила окружающих. Между петербургскими рабочими были люди не менее его знавшие и способные, были люди, больше его видавшие на своем веку, пожившие за границей. Тайна огромного влияния, своего рода диктатуры Степана заключалась в неутомимом внимании его ко всякому делу. Еще задолго до сходки он переговорит со всеми, ознакомится с общим настроением, обдумает воп-

рос со всех сторон и потому, естественно, оказывается наилучше подготовленным. Он выражал общее настроение. То, что говорил он, сказал бы, вероятно, каждый из его товарищей, но они не так вдумчиво отнеслись к делу,— иные по лености, иные потому, что заняты были другими, может быть, даже гораздо более важными делами, а Степан ни к чему не мог относиться невнимательно. Не было такой ничтожной практической задачи, решение которой он беззаботно предоставил бы другим. Он приходил на собрание с совершенно установившимся взглядом на подлежащий обсуждению вопрос. Потому-то с ним и соглашались. А с другой стороны, потому-то он и досадовал, потому-то он и горячился, когда прения затягивались без толку. «Ведь это же все так просто,— говорило его выразительное лицо,— неужели же вас могут затруднять подобные пустяки?»

Халтурин отличался большою начитанностью*. Это вызывало невольное уважение к нему, но и эта черта не могла особенно удивить человека, знавшего заводских рабочих: страстные любители чтения вовсе не были редкостью между ними. При ближайшем знакомстве оказывалось, однако, что и читал Степан так, как умеют читать только немногие. Он всегда хорошо знал, зачем именно раскрывал такую-то книгу. К тому же мысль постоянно шла у него рука об руку с делом. У него, например, вовсе не было того интереса к естественным наукам, который замечается у многих рабочих. Все внимание его было поглощено общественными вопросами, и все эти вопросы, как радиусы из центра, исходили из одного коренного вопроса о задачах и нуждах нарождавшегося русского рабочего движения. О чем бы ни читал он — об английских ли рабочих союзах, о великой ли революции, или о современном социалистическом движении,— эти нужды и задачи никогда не уходили из его поля зрения. По тому, что читал Халтурин в данное время, можно было судить о том, какие практические планы шевелятся в его голове. Еще задолго до организации Северо-Русского рабочего союза он принял изучать европейские конституции.

— Что это ты на них набросился? — спрашивали его.

— Да что же, ведь это интересно, — отвечал он.

Программа Союза лучше его объяснила, почему он набросился на конституции: он обдумывал политическую

* Примечание ко второму изданию. Он читал гораздо прилежнее и больше, чем огромное большинство известных мне тогда революционеров-практиков из «интеллигенции».

программу русских рабочих. В умственном труде, как и во всем остальном, Халтурин был силен умением сосредоточиться на данном предмете, не отвлекаясь от него ничем посторонним. Ум его до такой степени исключительно поглощен был рабочим вопросом, что ему едва ли когда случалось заинтересоваться пресловутыми «устоями» крестьянской жизни. Он знакомился с интеллигентами, слушал их толки об общине, о расколе, о «народных идеалах», но народническое учение так и осталось для него чем-то почти совсем чуждым.

— Что ты пишешь теперь? — спросил он меня незадолго до своего поступления в Зимний дворец. Я ответил, что пишу разбор одной только что вышедшей книги по истории общинного землевладения. Это была очень серьезная книга, лично мне оказавшая огромную услугу, так как она впервые и очень сильно поколебала мои народнические воззрения, хотя я и спорил еще против ее выводов. Я был сильно заинтересован ею и подробно изложил Степану ее содержание. Он долго слушал, а потом вдруг сразил меня неожиданным вопросом: «Да неужели это действительно так важно?» Община занимала самый почетный, передний угол в моем народническом миросозерцании, а он даже не знал хорошенько, стоит ли из-за нее ломать литературные копья!

Нелегко было бы мне теперь определить его тогдашние социально-политические взгляды. Тогда я сам смотрел на вещи далеко не так, как смотрю в настоящее время. Могу сказать одно: в сравнении с нами, землевольцами, Халтурин был крайним западником. Западничество развивалось и поддерживалось в нем как общими условиями исключительно интересной для него рабочей жизни столицы, так, может быть, отчасти и некоторыми случайными влияниями. С лавристами он познакомился раньше, чем с бунтарями, а лавристы умели, как уже сказано, возбудить в рабочих интерес к немецкому социал-демократическому движению. К тому же двое из близких товарищей Степана долго работали за границей, и западное влияние распространялось через них как лично на него, так и на весь Союз.

В Петербурге родственников у Степана не было. Жил он всегда одиноко, занимая небольшую комнатку на манер студенческой кельи. К обстановке и одежде своей он относился с равнодушием, достойным самого «интеллигентного» нигилиста. Высокие сапоги, широкое, слишком длинное даже для его высокого роста пальто, на котором недостает нескольких пуговиц, довольно не-

уклюжая черная меховая шапка,— вот в каком костюме воскресает он теперь в моем воображении. Особого наряда для воскресенья у него, вопреки обычаю всех заводских рабочих, не полагалось. Разговорясь о деле где-нибудь в трактире или в портерной, он охотно выпивал бутылку-другую пива, но вряд ли когда принимал участие в веселых товарищеских пирушках. Других рабочих мне случалось иногда встречать подкутившими. Его — никогда.

И, однако, этот сдержанный, практичный человек был, если хотите, большим мечтателем. Его мечты постоянно и далеко опережали действительные успехи русского рабочего движения. Довольно долго мечтал он об одновременной стачке всех петербургских рабочих. Такая мечта была, разумеется, несбыточной. Но и она принесла свою пользу: Степан неумоимо носился из одного предместья в другое, везде заводил знакомства, везде собирал сведения о числе рабочих, о заработной плате, о продолжительности рабочего дня, о штрафах и т. д. Его присутствие везде действовало возбуждающим образом, а сам он приобретал новые драгоценные сведения о положении рабочего класса в Петербурге. Задав мысль о всеобщей стачке, он по своему обыкновению стал искать подходящих указаний в книгах. Ему нужно было узнать численность петербургского рабочего населения. Но статистика очень мало дала ему в этом отношении. «Удивительное дело,— не раз говорил он мне,— статистические данные о петербургских фабриках и заводах совсем никуда не годятся. Там, где на самом деле триста рабочих, их показано пятьдесят, там, где пятьдесят,— записано сто или двести. И вообще в Петербурге несравненно больше рабочих, чем считает статистика». Как же помочь горю? «Мы сами соберем нужные данные лучше всяких статистиков»,— решил Степан и принялся разносить по фабрикам и заводам особые листки, требуя от знакомых рабочих, чтобы те вписывали точные ответы на поставленные в листках вопросы. Конечно, не все отвечали обстоятельно, многие и вовсе забывали ответить. Но через короткое время у Степана все-таки собралось множество данных. Относительно некоторых фабрик он хвалился мне, что ему удастся точно высчитать все расходы и все доходы хозяев и таким образом определить степень эксплуатации работников. Относящиеся сюда выводы он собирался напечатать в отдельной брошюре.

Очень увлекался он также мечтами о будущей все-

росийской рабочей организации. Когда он заговаривал о ней, собеседнику под влиянием его горячей веры невольно начинало казаться, что препятствия уже устранены, связи повсюду заведены, организация существует и остается только работать для ее дальнейшего развития. Но и в этих мечтах не было ничего маниловского. Еще летом 1878 г., за несколько месяцев до основания Северного союза, Халтурин отправился на Волгу, переходил там с завода на завод и вступил в тесные сношения с тамошними рабочими. Собираясь он пробраться и на Урал, но петербургские товарищи убедили его вернуться в Петербург. Он там был слишком нужен.

Тотчас по основании Северного союза возникла мысль об издании рабочей газеты. Автор статьи «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце»* приписывает эту мысль исключительно Степану. Он ошибается. Кому принадлежала мысль об издании «Земли и воли»? Всем землевольцам вообще и никому в частности. То же приходится сказать и относительно предполагавшегося издания рабочей газеты. Потребность в ней давно уже чувствовалась рабочими. Выходившая в 1875 г. в Женеве анархическая газета «Работник» была первой попыткой удовлетворения этой потребности. Изданием «Работника» деятельно интересовались многие из рабочих, вошедших потом в Северо-Русский рабочий союз. Когда землевольцы завели тайную типографию в Петербурге, мысль о рабочей газете приняла новую форму. Стали говорить, что орган русских рабочих должен печататься в России. Возрастающие успехи рабочего движения делали его все более и более необходимым. Вопрос о нем стал очередным вопросом. При этом Степан был молчаливо и единогласно признан редактором будущей газеты. Таким образом он стал головою дела, почин которого принадлежал всему Союзу.

Будущий редактор держался того мнения, что газета должна иметь чисто агитационный характер. У Союза было много связей в рабочем мире. В достоверных сообщениях о темных сторонах фабрично-заводского быта недостатка быть не могло. Появление их в печати сочувственно встретили бы все рабочие. Таким сообщениям и должно было принадлежать главное место на столбцах газеты. Авторам передовых статей оставалось бы лишь надлежащим образом освещать эти непосредственно из жизни взятые материалы. С распространени-

* В календаре «Народной воли».

ем организации на провинциальные города явилась бы возможность обеспечить себе иногородные известия. Все это было очень практично, и казалось бы, что общество «Земля и воля» должно было всеми силами поддерживать задуманное рабочими предприятие. Землеvolьцы много сделали для развития рабочего движения в России. Отстраняться от него теперь, когда оно стало так быстро расти и крепнуть, было бы по меньшей мере странно. Они и не отстранялись от него сознательно, но незаметно для них жизнь придавала их деятельности совершенно новый характер. Им некогда было думать о рабочей газете.

VII

Уже к весне 1879 г., т. е. в то время, когда Северно-Русский рабочий союз насчитывал едва несколько месяцев существования, общество «Земля и воля» из *бунтарского*, каким оно было прежде, наполовину превратилось в *террористическое*. Те из его членов, которые остались верны старой программе, жили большей частью в «народе», в «поселениях», раскинувшихся в разных местах нижнего и среднего Поволжья, на Дону, в Воронежской и Тамбовской губерниях. Большинство же живших в Петербурге землеvolьцев с ревностью новообращенных стояло за террористическую деятельность, или, как тогда выражались, *за дезорганизацию правительства*. «Рабочее дело» никем не отрицалось в принципе. Но на деле посвящавшиеся ему силы и средства стали убывать очень и очень заметно. Многие молодые революционеры, начавшие свою деятельность «занятием с рабочими», оставили это занятие под влиянием проповедывавших «дезорганизацию правительства» землеvolьцев. Революционное движение интеллигенции принимало, несомненно, более *острый характер*, но русло его все более и более *суживалось*. О вовлечении в борьбу народной массы переставали думать. Задача движения сводилась к единороборству между *правительством* и революционной *интеллигенцией*. В апреле 1879 г., за несколько дней до выстрела Соловьева, мне пришлось оставить Петербург, и я передал «сношения с рабочими» покойному Ширяеву⁴⁹. Вернувшись осенью того же года, я застал Халтурина в сильном негодовании против интеллигенции вообще, а против нас, землеvolьцев, в особенности. «Человек, с которым ты познакомил меня перед своим отъездом, — говорил он, — был у нас один раз, обещал доста-

вить шрифт для нашей типографии, а потом исчез, и я не видался с ним два месяца. А у нас уж и станок сделан, и наборщики есть, и квартира готова. Остановка только за шрифтом⁵⁰. Да и кроме шрифта есть важное дело, нужно переговорить с кем-нибудь из ваших, а где искать их — неизвестно»*. Я был уверен, что явившееся у Степана новое важное дело относится, как и всегда, к рабочему движению. Вышло не так.

С самого основания своего Северно-Русский рабочий союз поставлен был террористической тактикой интеллигенции в довольно затруднительное положение. С каждым новым террористическим актом росли полицейские строгости, умножались обыски, аресты и высылки. Для нелегальных революционеров этот белый террор до поры до времени был почти совершенно безвреден, так как им удавалось скрывать свои следы от самых опытных сыщиков. В ином положении были легальные революционеры, чем-нибудь успевшие обратить на себя неблагосклонное внимание синего начальства. Они должны были готовиться к самым неприятным неожиданностям. В рабочем союзе *нелегальных* было немного; кроме Халтурина, нелегального с 1878 г., еще, может быть, дватри человека. Но зато многие — и часто самые деятельные, опытные и влиятельные — *легальные* члены его давно уже находились у полиции на дурном счету. Им плохо приходилось от белого террора. Их хватали, держали в тюрьмах, высылали. Подобные потери тяжело отзывались на неокрепшей еще организации, и неудивительно, что Северно-Русский рабочий союз сначала очень неодобрительно относился к новому приему революционной борьбы. «Чистая беда, — восклицал Халтурин, — только-только наладится у нас дело, — хлоп! ша-рахнула кого-нибудь интеллигенция, и опять провалы. Хоть немного бы дали вы нам укрепиться!» Но революционный террор все усиливался; усиливался и белый. Провалы учащались. Выстрел Соловьева довел полицейские строгости до неслыханной степени. Вместе с тем он же указывал, по-видимому, и выход из невыносимого положения. Падет царь, падет и царизм, наступит новая

* При тогдашнем положении дел — выезд из Петербурга всех «нелегальных» землеvolьцев (а таких было большинство) перед выстрелом Соловьева, суматоха, вызванная летними революционными съездами в Липецке и Воронеже, и, наконец, совершившееся осенью формальное разделение общества «Земля и воля» — трудно было винить Ширяева за его халатность. Но Халтурин не знал этих смягчающих обстоятельств, и потому досада его совершенно понятна.

эра, эра свободы. Так думали тогда очень многие. Так стали думать и рабочие.

Летом 1879 г. кому-то из членов Союза предложено было место столяра в Зимнем дворце. Он сообщил об этом своим ближайшим товарищам. «Что ж, поступай,— заметил один из них,— кстати уж и царя прикончишь». Это было сказано в шутку. Но шутка произвела на присутствовавших глубокое впечатление, они серьезно задумались о цареубийстве. Призвали на совет Халтурина. На первый раз он высказался неопределенно: посоветовал только не болтать да разузнать получше о предлагаемом месте. Ему хотелось хорошенько обдумать это дело, причем он тут же, вероятно, решил, что если найдет его возможным и полезным, то сам же за него и возьмется. А подумать ему было о чем. Как ни жутко приходилось Союзу от белого террора, но его положение все-таки было совсем не безнадежно. Это доказывал уже тот факт, что, несмотря на полицейские строгости, рабочие могли сделать почти все необходимые приготовления к изданию своей газеты. Сношения с провинциальными городами только что начинались и опять-таки, несмотря на все строгости, сулили успех. Намеченные полицией члены Союза высылались один за другим, но на их место являлись новые, ненамеченные, которые при осторожном ведении дела могли продержаться довольно долго. Новое покушение на жизнь Александра II в случае неудачи, наверное, причинило бы Союзу новые потери, тем более что самому Халтуруину приходилось идти почти на верную смерть. Он знал, какое расстройство внесет его гибель в дела Союза. Но все эти соображения не устояли перед одним: смерть Александра II *принесет с собою политическую свободу*, а при политической свободе рабочее движение пойдет у нас не по-прежнему. Тогда у нас будут не такие союзы, с рабочими же газетами не нужно будет прятаться*. Степан недолго колебался. Доступ во дворец был обеспечен. Оставалось заставить взрывчатыми веществами.

Как вел себя Халтурин в Зимнем дворце, рассказано в календаре «Народной воли»**. Читателю известно, вероятно, какую смелость и какое самообладание проявил он там. Арест Квятковского⁵¹, у которого найден был план Зимнего дворца, поставил Халтурина, по словам автора рассказа, «в истинно каторжное положение».

* Подлинные слова Халтурина.

** «Халтурин в Зимнем дворце».

На взятом у Квятковского плане царская столовая была отмечена крестом, и это обстоятельство заставило дворцовую полицию подозрительно относиться к столярам, жившим в подвальном этаже, как раз под столовой. В одной комнате с Халтуриным поместили жандарма; дворцовую прислугу часто и неожиданно обыскивали; динамит приходилось хранить под подушкой; предприятие, а с ним и жизнь Степана, постоянно висели на волоске. С поразительным хладнокровием обошел он все трудности, преодолел все препятствия, и когда приготовления были окончены, когда уже зажжен был роковой фитиль, он «просто восхитил Желябова»⁵² тем спокойствием, с которым произнес, «словно фразу из самого обычного разговора», многозначительное «*готово*». Только последующее его состояние показало, как страшно был он измучен. Придя после взрыва на приготовленную для него конспиративную квартиру, «усталый, больной, он едва мог стоять и только немедленно справился, есть ли в квартире достаточно оружия. «Живой я не отдамся»,— говорил он».

«Известие о том, что царь спасся, подействовало на Халтурина самым угнетающим образом. Он свалился совсем больной, и только рассказы о громадном впечатлении, произведенном 5 февраля на всю Россию, могли его несколько утешить, хотя никогда он не хотел примириться со своей неудачей»*. Не того ожидал он от своей попытки...

После 5 февраля он продолжал действовать более двух лет. Пробовал он вернуться к своему любимому «рабочему делу». Но логика раз принятого способа действий ставила свои неотразимые требования. Степан снова пошел на «террор». Известно участие его в убийстве Стрельникова⁵³. Он умер на виселице 22 марта 1882 г. При аресте он храбро защищался вооруженной рукой.

Вскоре по поступлении Халтурина в Зимний дворец я вынужден был оставить Россию. С тех пор о ходе русского рабочего движения я мог знать только по рассказам действовавших после меня товарищей. Автор статьи «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце» говорит, что Северно-Русскому рабочему союзу удалось-таки приступить к изданию газеты, которая, однако, вместе с типографией была заарестована при наборе первого же номера и не оставила по себе ничего, «кроме памяти о попытке чисто рабочего органа, не повторяв-

* «Календарь», историко-литературный отдел, стр. 48.

шейся уже потом ни разу»*. Затем прекратилось и самое существование Союза. По-видимому, на его судьбе отразились программные разделения тогдашней интеллигенции. Несомненно, по крайней мере, что уже в 1880 г. появляются между петербургскими рабочими сторонники партии «Народной воли» (см. программу рабочих этой партии, опубликованную в ноябре 1880 г.) и сторонники «Черного передела». В восьмидесятых годах в разное время издавалось в России несколько рабочих журналов: «Рабочая газета» (с 15 декабря 1880 г. до конца 1881 г.), «Зерно» (приблизительно около того же времени), «Рабочий» (в 1885 г.). Правда, рабочие были только читателями этих журналов, редактировались же они «интеллигенцией», но это было, что называется, только полгоря. Во второй половине восьмидесятых годов перестали появляться в России и такие издания. Наступило, казалось, полное затишье. Но раз зажженный огонек мысли не погас в рабочей среде, как об этом свидетельствует даже легальная печать. Почти совершенно оставленный интеллигенцией рабочий продолжал расти умственно и нравственно. Уже в конце восьмидесятых годов Г. И. Успенский мог поздравить русских писателей с «новым грядущим читателем». Недалеко то время, когда «интеллигентных» противников царизма можно будет поздравить с новым, незаменимым и непобедимым *политическим союзником*.

Когда наша революционная «интеллигенция», чувствуя недостаточность своих сил, спрашивает себя, где искать поддержки, ее доброжелатели дают ей часто довольно странные ответы: «в обществе», в офицерской среде и т. п. и т. п. О рабочих такие доброжелатели интеллигенции вспоминают редко и неохотно. О вкусах, конечно, не спорят, но факт тот, что русские рабочие внесли в освободительное движение последних двадцати лет несравненно больше сил, чем почтенное военное сословие, или — в особенности — наши милые, добрые, развитые, гуманные, образованные, но решительно никуда не годные либералы. А ведь до сих пор совершились только первые, правда, самые трудные, но зато и самые слабые шаги нашего рабочего движения. Что же будет дальше? Людям, претендующим на политическую дальновидность, не мешало бы подумать об этом.

История давно и безвозвратно осудила русский ца-

ризм. Но он существует и будет существовать до тех пор, пока та же история не заготовит достаточно сил для исполнения своего приговора. Она деятельно заготавлиет их, беря их отовсюду. Пролетариат — самая могучая из создаваемых ею новых общественных сил. Пролетариат — это тот динамит, с помощью которого история взорвет русское самодержавие.

Но рабочему классу не годятся старые, более или менее фантастические революционные костюмы интеллигенции. Наши рабочие, уже в *семидесятых* годах видевшие слабые стороны *народничества*, в девяностых годах сознательно станут под знамя всемирной рабочей партии, под знамя *социал-демократов*.

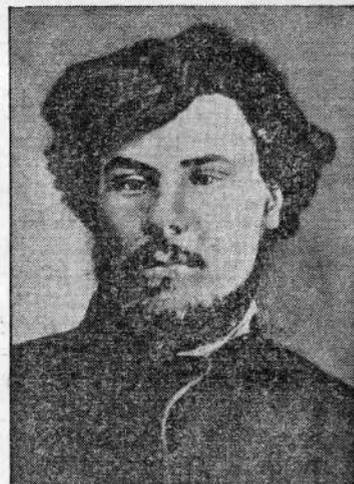
Пусть же поскорее наступает эта счастливая пора! Много света внесет она в нашу темную жизнь!

* Автор относит эту попытку ко времени, предшествовавшему поступлению Халтурина во дворец. Но это ошибка.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ „РЕЧЬ П. А. АЛЕКСЕЕВА“

В 1877 году, в течение 22 дней, с 21 февраля по 14 марта, в Петербурге, в особом присутствии правительствующего Сената, происходил суд над 50 лицами, обвиняемыми в социально-революционной пропаганде между рабочими различных фабрик, т. е. в распространении между ними социалистических и революционных учений¹. В числе обвиняемых было несколько человек рабочих, и между ними Петр Алексеевич Алексеев, крестьянин деревни Новинской, Сычевского уезда, Смоленской губернии. Когда судьи предложили ему выбрать себе защитника (адвоката), он ответил: «Что мне защитник? Какой смысл имеет защита, когда всякому известно, что в подобных процессах приговор суда бывает составлен заранее, так что весь этот суд есть не более как комедия: защищайся, не защищайся, все равно. Я отказываюсь от защиты». 10 марта он произнес свою речь, в которой *не защищался и не оправдывался*, а, напротив, *обвинял* правительство и капиталистов. Мы издаем эту речь для русских рабочих. Она принадлежит им по праву. Невелика она, но пусть прочтут ее рабочие, и они увидят, что в ней, в немногих словах, сказано много и много такого, над чем им стоит крепко призадуматься. Правда и то, что речь эта не бог знает как искусно составлена. Если она попадет в руки какому-нибудь «настоящему», «заправскому» писателю, то он без труда найдет в ней много недостатков. Начать ее, скажет он, нужно было так-то, а продолжать вот как; в середину вставить вот то, а к концу подогнать вот это. Но дело не в том, *как* сказал Петр Алексеев; дело в том, *что* сказал он. Сказал же он вещи не только совершенно верные, но еще глубоко им прочувствованные. Описывая бедственное положение русских рабочих, он снова, в зале суда, испытывал то негодование, ту злобу против врагов рабочего класса, которые заставили его сделать

П. А. Алексеев.

ся революционером. Вот почему нельзя читать его речь без увлечения, хотя в ней, с внешней стороны, бесспорно есть недостатки.

Петр Алексеев говорит главным образом о тяжелом положении своих товарищей, русских рабочих. Но мимоходом упоминает о том, как могут рабочие выйти из такого положения. «Русскому рабочему народу остается надеяться только на самого себя»,— говорит он. Это так же справедливо, как и все сказанное им в своей речи. Целые миллионы рабочих западноевропейских стран давно уже пришли к этой мысли. Когда в 1864 году в Лондоне образовалось Международное рабочее общество, то в уставе его было прежде всего сказано: «*Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих*»². Это значит, что рабочий класс не должен рассчитывать ни на правительство, ни на высшие классы (дворянство, купечество и т. п.), потому что ни правительство, ни высшие классы, живущие на счет труда рабочих, никогда ничего для них не сделают. Рабочим остается позаботиться самим о себе. На Западе передовая партия рабочих смотрит теперь на это дело так; по ее мнению, рабочие должны сделать революцию: свергнуть существующие правительства и, захвативши государственную власть в свои руки, распорядиться со своими притеснителями по-своему. Этого, конечно, вдруг не сделаешь, для этого нужна сила, и большая сила. До сих пор еще многие рабочие не понимают своих собственных выгод и

сами поддерживают теперешние порядки. Революционная рабочая партия должна убедить, просветить их, растолковать им свои цели и стремления, перевести их на свою сторону. Этим она и занимается во всех западных странах. Этим и у нас в России следует заняться понявшим дело рабочим. Чем скорее они возьмутся за это, тем скорее придет время победы. В ожидании же этого времени западные рабочие стараются вынудить у своих правительств разные второстепенные уступки: там настают на сокращении рабочего дня, в другом месте добьются заведения хороших школ для народа или облегчения податей и налогов и так далее. Но чего больше всего добиваются рабочие — так это политических прав для своего класса:

1) свободы собираться для обсуждения своих нужд и говорить на этих собраниях все, что вздумается, не отвечая за это ни перед судом, ни перед полицией;

2) свободы устраивать всякие общества для взаимной помощи и поддержки в борьбе с хозяевами и с самими же правительствами;

3) свободы печати. (На Западе рабочие не только читают газеты и журналы, но и сами печатают их, обходя в них свои нужды и потребности.)

Правом свободы печати, свободы собраний и обществ очень дорожат западноевропейские рабочие. Не меньше того дорожат они и своим избирательным правом. Известно, что в западных странах делами государства заведуют не одни только короли, как у нас заправляет ими только один царь. Есть страны (республики, например Франция и Швейцария), где королей и совсем нет. Во всех западных странах ход дел зависит больше всего от выборных (депутатов), которые съезжаются в столицы и образуют там законодательные собрания. Вот тут-то для западных рабочих и является вопрос, кто имеет право назначать таких выборных: весь ли народ, то есть, стало быть, и все рабочие, или одни только богатые, то есть землевладельцы, купцы, фабриканты и проч. Рабочие везде стоят за назначение выборных всем народом, т. е. за *всеобщее избирательное право*.

Надо думать, что скоро и у нас высшие классы потребуют ограничения царской власти; очень уж надоели всем наши нынешние порядки. И это, конечно, будет очень хорошо. Рабочие непременно должны сами требовать ограничения царской власти. Но и тогда следует помнить им великое правило: освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Когда будет огра-

ничена царская власть, нужно, чтобы рабочие добились права посылать своих выборных в законодательное собрание, или, как мы уже называли его, *всеобщего избирательного права*. Пользуясь таким правом, рабочие сумеют послать в законодательное собрание своих истинных представителей, которые, конечно, будут отстаивать их дело не так, как отстаивали бы их господа помещики, купцы и фабриканты. Те ведь только о себе и думают.

Но кто же эти истинные представители рабочего класса?

Во-первых, свои же братья-рабочие. В западноевропейских законодательных собраниях уже есть такие рабочие избранники рабочего класса, которые не бьют лицом в грязь перед заседающими там «господами». Со временем будут и у нас такие рабочие. Кроме них, могут очень и очень пригодиться такие люди, которые хотя и принадлежат по своему рождению к высшим классам, но настолько сочувствуют рабочим, что им можно довериться без боязни. Петр Алексеев в своей речи с увлечением отзывается о нашей «интеллигентной молодежи», или, как часто выражаются рабочие, о «студентах». «Она одна,— говорит он,— братски протянула к нам свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны Российской империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значит и отчего это отовсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма, угнетенного крестьянина. Она одна, как добрый друг, братски протянула к нам свою руку и от искреннего сердца желает вытащить нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь. Она одна, не опуская руки, ведет нас, раскрывая все отрасли для выхода всех наших собратьев из этой лукаво построенной ловушки, до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа. И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах...» Во всем этом много правды. Революционеры из «студентов» много сделали для пробуждения рабочих. Но беда в том, что теперь наша «интеллигентная молодежь» начинает как-то забывать о «народе», о котором она так много кричала лет пятнадцать тому назад³. Теперь между революционерами из «интеллигентной молодежи» есть да-

же много таких господ, что прямо говорят против рабочего класса. Одни уверяют, что будто и нет его совсем в России; другие соглашаются, что он есть, но прибавляют, что все рабочие очень глупы и необразованны, а потому и внимания на них обращать не стоит. А недавно в одной, тоже, пожалуй, «интеллигентной», газетке (выходившей за границей) один барчонок написал, что, мол, с рабочими дела иметь не стоит, потому что, как только их заберет полиция, так они сейчас же всё и всех выдадут⁴. На таких «интеллигентных» (а лучше сказать — вовсе неинтеллигентных, то есть вовсе неумных господ) рабочему классу, конечно, рассчитывать невозможно. Их нужно даже опасаться. Они кричат теперь: не нужно нам рабочих. Придет время, когда они запоют совсем другое и прикинутся лучшими друзьями рабочего класса (именно, когда они увидят, что рабочие могут быть полезны им в борьбе против царя). Но пусть же русские рабочие не забывают теперешнего отношения к ним подобных господ «интеллигентов». Пусть они оплатят им равнодушием за равнодушные, презрением за презрение. Пусть они скажут им: «Вам не нужно было нас, теперь нам не нужно вас. Мы и без вас добьемся политической свободы и политических прав и уж конечно воспользуемся ими не для того, чтобы выбирать вас в законодательное собрание. Кто не за нас, тот против нас, а кто против нас, того нам глупо было бы и поддерживать».

Но относиться таким образом к «интеллигентам», желающим «обойтись без рабочих», русские рабочие должны тем более дорожить поддержкой тех революционеров из «интеллигентной молодежи», которые целиком перешли на их сторону и стараются теперь же, несмотря на опасность, распространять между ними правильные взгляды на вещи. Такие люди являются истинными друзьями рабочих, и к ним вполне может быть применено все сказанное Петром Алексеевым об «интеллигентной молодежи».

ЗАБАСТОВКА В РОССИИ (Морозовская стачка)

Две недели тому назад происходил во Владимире (центральная Россия) процесс, к которому привлечено было около тридцати рабочих по обвинению в участии в забастовке, имевшей место в январе 1885 года на ткацкой фабрике миллионера *Морозова*, который один занимает свыше двадцати тысяч рабочих в разных местностях Владимирской губернии.

Этот образцовый капиталист, пользуясь свирепствующим промышленным кризисом, ухитрился понизить заработную плату 6000 ткачей упомянутой фабрики, подвергая их штрафам, часто превосходящим 50% более чем скромного «дохода» рабочих.

Измученные притеснениями и потеряв всякое терпение, ткачи объявили забастовку и заявили, что возобновят работу лишь при условии некоторого повышения заработной платы и отмены практиковавшейся на фабрике системы штрафов. При этом они, однако, отнюдь не требовали полной отмены штрафов, — они ограничивали свое требование назначением арбитражной комиссии, составленной наполовину из рабочих и наполовину из мастеров и уполномоченной выносить постановления о штрафах.

Директор фабрики отказался удовлетворить скромные требования рабочих и телеграфировал *Морозову*, находившемуся в Москве. Последний тотчас же обратился к генерал-губернатору этого «священного» города с просьбою предоставить в его распоряжение войска. Нечего говорить, что князь Долгоруков (генерал-губернатор) пошел навстречу желанию *Морозова*: батальон пехоты был немедленно послан во Владимир.

Владимирский губернатор, со своей стороны, причался на место забастовки в сопровождении прокурора, жандармов, казаков и целой стаи шпионов. Прежде

всего он спросил у стачечников, чего они хотят. Два человека, *Волков* и *Мосеенко*¹, тотчас же выступили вперед и от имени своих товарищей представили записку, в которой перечислены были все жалобы стачечников. Но вопрос губернатора был лишь традиционным маневром русской администрации, чтобы установить «зачинщиков». И действительно, губернатор, даже не ознакомившись с содержанием поданной ему записки, приказал арестовать обоих делегатов «и их сообщников».

Но рабочие не могли отнестись спокойно к этой гнусности. Сообщение об аресте товарищей распространяется среди рабочих, возмущение охватывает всех стачечников, бьют в набат — и толпа набрасывается на жандармов. Арестованные были освобождены, а толпа стачечников, мстя за насилие, разгромила квартиру директора фабрики и лавку, в которой г. Морозов, практикуя *truck-system**, продавал своим рабочим всякого рода товары.

Испуганный губернатор велит подтянуть подкрепления, и возмущение рабочих усмиряется вооруженной силой. Несколько времени спустя администрация фабрики уступает рабочим в некоторых пунктах — и работы возобновляются. По окончании забастовки сотни рабочих были арестованы и затем высланы на родину. Около пятидесяти из них предстали в январе этого года перед судом и присуждены были, на основании русского закона, воспрещающего стачки, к тюремному заключению на сроки от 15 дней до 2 месяцев.

Не довольствуясь этим, прокурор, сверх того, привлек к суду 33 стачечников по обвинению в том, что они «ограбили» квартиру директора и лавку г. Морозова, а также и в оказании сопротивления вооруженной силе. В своем обвинительном акте прокурор особенно подчеркнул, что *Волков* и *Мосеенко*, два главных вожака забастовки, уже давно принадлежали к социалистической партии и что они уже в 1878 г. организовали забастовку в Петербурге, — обстоятельство, за которое они поплатились ссылкой в Сибирь, откуда они лишь недавно возвратились. Несмотря, однако, на все рвение, проявленное прокурором, чтобы добиться примерного осуждения обвиняемых, присяжные заседатели, на которых, видимо, произвела глубокое впечатление обнаруженная на суде картина подлостей, совершавшихся администрацией фабрики, ответили *отрицательно* на все 101 (сто

один) вопрос обвинения. Председатель окружного суда приказал тогда отпустить обвиняемых на свободу.

Процесс вызвал к себе огромный интерес в России, где он несомненно явится исходным пунктом нового фазиса рабочего движения. Припадки бешенства, вызванные оправданием наших мужественных товарищей у царских борзописцев, могут служить хорошим указанием. Пресловутый Катков (заправила современной реакции) пишет в своей газете («Московские ведомости»), что «рабочий вопрос народился в России». Со своим обычным цинизмом и бесстыдством он заявляет, что, вместо того чтобы терять время на судебное разбирательство, нужно было административно сослать обвиняемых (Рош и Дюк-Керси² из Владимира) в Сибирь, «которая им уже хорошо знакома».

Принимая во внимание жестокий режим, которому подвержена Россия, можно, к несчастью, предсказать, что все оправданные будут сосланы в Сибирь и что социалисты *Волков* и *Мосеенко* не избегнут рук царских жандармов³.

* Оплата труда товарами вместо денег (англ.).

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ РУССКИХ РАБОЧИХ

(Письмо к петербургским рабочим кружкам)

Дорогие товарищи! Я получил приглашение сотрудничать в журнале «Рабочий» и охотно принимаю это приглашение, чтобы побеседовать с вами о задачах нашей нарождающейся социал-демократии.

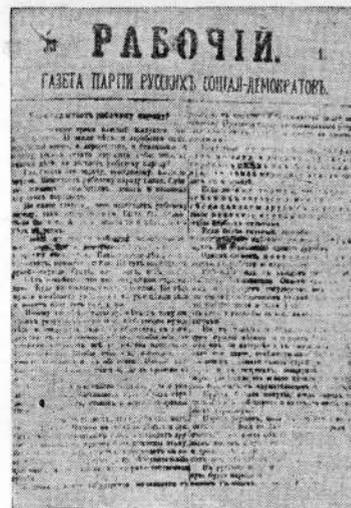
Я потому обращаюсь с письмом именно к вам — к кружкам рабочих, что у нас в России, как везде и всюду, социал-демократическая партия должна быть партией по преимуществу рабочей. Это не значит, что социал-демократическая партия должна отталкивать от себя людей из других классов общества. Такая исключительность была бы совершенно несправедливой, создала бы ей целый ряд неудобств и даже поставила бы ее в почти безвыходное положение.

Называя ее партией рабочей по преимуществу, я хочу только сказать, что наша революционная интеллигенция должна идти с *рабочими*, а наше крестьянство должно идти за *ними*. При такой постановке вопроса наша социал-демократическая партия может сохранить свой рабочий характер, вовсе не впадая во вредную исключительность.

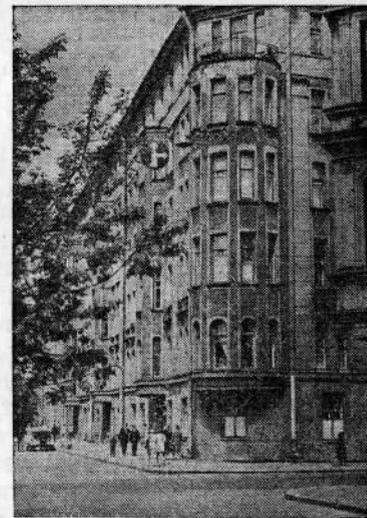
После этой оговорки я прямо перехожу к вопросу о том, каковы современные задачи русских рабочих.

В чем заключаются эти задачи, задачи тех рабочих кружков, которые уже существуют в России и которые должны, постепенно умножаясь и расширяясь, составить грозную силу русской социал-демократии?

Одно из двух: или эти задачи фантастичны, *придуманы* кем-нибудь из вас или ваших друзей, или они представляют собой прямой вывод из вашего современного положения. В первом случае все рассуждения о них были бы бесплодными и праздными, потому что на место одной выдумки всегда можно поставить другую, столь же интересную и привлекательную. Споры были бы бес-

«Рабочий». Газета «Партии русских социал-демократов». № 1, Январь 1885 г.

Дом № 19/21 на Ропшинской улице. Ранее здесь находился деревянный особняк, где была типография «Партии русских социал-демократов».

конечны, и русская социал-демократия превратилась бы в общество фантазеров и болтунов, людей слова, а не дела. Но если ваши задачи вытекают из всего вашего положения, то они определяются сами собою; из того, что *есть*, не трудно судить о том, что *может и должно быть*.

Едва ли нужно спрашивать о том, какой путь определения задач рабочего класса лучше, серьезнее и основательнее. Дело говорит само за себя, и хотя мы с вами можем ошибаться, как и все другие люди, но мы не можем и не должны отказываться от попытки построить задачи русской социал-демократии на твердом фундаменте действительности.

Что же представляет собою эта действительность? Каково ваше современное положение?

Во-первых, вы — рабочие, а во-вторых, вы — граждане или, так как граждан у нас пока нет, вы — обыватели русского государства.

В качестве рабочих вы продаете свою рабочую силу хозяину и обязаны трудиться на него с утра до вечера. Своим упорным, тяжелым, изнурительным трудом вы

другим создаете огромные богатства, а сами имеете лишь ту скудную *заработную плату*, которая не всегда достаточна даже для того, чтобы позволить вам восстановить свои силы и предохранить своих детей от преждевременного изнурения.

Но и эта скудная плата не целиком попадает в ваши карманы. Получивши ее от хозяина, вы должны еще платить из нее налоги и подати, которые поступают в государственную казну. В этом случае вы являетесь в качестве «обывателей», обязанных платить, не рассуждая о том, куда идут собранные с них деньги.

В качестве рабочих вы вступаете в договор с вашим хозяином. Вы обещаетесь работать, он обещается платить вам известную сумму денег поденно или поштучно. Но вот ваш хозяин находит, что платить вам условленную сумму ему невыгодно. Он вывешивает объявление, в котором доводит до вашего сведения, что с такого-то числа ваша поденная или поштучная плата будет понижена на столько-то. Вы не соглашаетесь на такое понижение и объявляете ему, что не станете работать. Приходит назначенный день, фабрика или завод пустеет. Тогда хозяин идет в полицию и говорит, что вы «бунтуете». На место действия спешат городовые, жандармы, казаки, многих из вас хватают, сажают в тюрьмы или высылают, а остальных насильно заставляют идти на работу. В этом случае вы опять-таки являетесь в качестве «обывателей», отданных в жертву полицейского произвола и насилия.

В качестве рабочих вы испытываете теперь многочисленные бедствия. Если вы задумаетесь о том, как избавиться от этих бедствий, если вы станете собираться и обсуждать ваше положение, если вы начнете читать книги, которые зовут вас на борьбу с вашими притеснителями, — вас опять объявят бунтовщиками, вас будут обыскивать, арестовывать и жестоко наказывать по суду или даже без всякого суда, «*административным порядком*». И в этом случае вас преследуют не как рабочих такой-то фабрики или такого-то завода, а просто как бесправных «обывателей», которым запрещено думать, как они хотят, и говорить, как они думают.

Во всем, мною сказанном, нет, как вы знаете по собственному опыту, ни малейшего преувеличения. Напротив, изображая ваше положение лишь в общих чертах, я не мог коснуться многих таких подробностей, перед которыми побледнело бы все вышесказанное.

Но для моей цели довольно и сказанного. Уже из не-

го видно, что ваши задачи так же должны иметь две стороны, как имеет их ваше современное положение.

Вы должны бороться: во-первых, ради своего освобождения от гнета хозяев, от *экономической эксплуатации*, а во-вторых, — ради приобретения тех прав, которые положат конец полицейскому произволу и сделают из вас — пока еще бесправных обывателей — *свободных граждан свободной страны*. Другими словами, вы должны бороться *во имя политической свободы*.

И не думайте, что эти две задачи могут быть отделены одна от другой, что они могут быть решены порознь и независимо друг от друга.

Каждый из вас одновременно является и эксплуатируемым рабочим, и бесправным обывателем. Поэтому и все вы в совокупности — весь русский рабочий класс — должны одновременно преследовать как политическую, так и экономическую цель. Вы должны одновременно стремиться низвергнуть как тех, которые являются его господами на фабрике, так и тех, которые полновластно распоряжаются теперь в русском государстве.

Одно немислимо без другого. Без экономической независимости вы никогда не будете в состоянии воспользоваться во всей полноте вашими политическими правами; без политических прав вы никогда не добьетесь экономической независимости. И если бы даже нашлось такое правительство, которое захотело бы и могло бы, — не давая вам политических прав, — обеспечить ваше материальное положение, то вы все-таки были бы не более как *сытыми рабами, хорошо откормленным рабочим скотом*. Ваше умственное развитие, ваше нравственное достоинство пострадали бы от этого даже более, чем теперь, когда правительственный гнет толкает вас на борьбу и наполняет негодованием ваше сердце.

Ваши западноевропейские братья давно уже поняли тесную взаимную связь названных задач. Они видят в своих политических правах могучее средство борьбы за экономическое освобождение и не променяют этих прав ни на какие податки существующих правительств.

Мало того. Когда в 1878 году петербургские рабочие-социалисты организовались в «Северно-Русский рабочий союз», они также выразили в своей программе убеждение в том, что экономическое освобождение трудящихся неразрывно связано с их политическим освобождением¹, они думали так, *несмотря на то* что социалисты из так называемой интеллигенции говорили им, что рабочим во все не следует интересоваться политическими вопроса-

ми,— до такой степени эта мысль естественно вытекает из всего положения рабочего класса, до такой степени основывается она на *самой бесспорной действительности*.

Если вы признаете — как я в этом уверен — справедливость этой мысли, то мы, сговорившись в главном, без труда сговоримся и в подробностях.

Мы знаем теперь, что перед русским рабочим классом стоят две задачи: одна — экономическая, другая — политическая. Только разрешивши обе задачи, он достигнет своего *социального* (общественного) освобождения, т. е. создаст новый общественный строй, удовлетворяющий все его потребности и не противоречащий никаким его интересам.

Чем же могут быть разрешены эти задачи?

Они могут быть разрешены только силой.

Современное правительство не даст вам добровольно политических прав; землевладельцы, фабриканты, заводчики, банкиры — словом те, в руках которых скопляются теперь богатства, не откажутся добровольно от этих богатств и не передадут их добровольно в ваше распоряжение². Между тем вам необходимо как то, так и другое. Вам остается поэтому припомнить, что *народное благо есть высший закон*, и во имя этого блага *силой* заставить ваших врагов сделать то, к чему вы не склоните их никакими просьбами, никакими увещаниями.

Итак, только силой можете вы добиться своего освобождения. Значит, вам нужна сила, нужно очень много силы. В чем же она заключается?

Сила рабочего класса зависит от трех условий: 1) от его сознательности, т. е. от ясного понимания того, к чему он стремится; 2) от его сплоченности; 3) от его тактики, т. е. от умения вовремя нападать на своих врагов и пользоваться каждой, даже и самой ничтожной, победой для облегчения своих дальнейших действий.

Я не говорю о смелости, о той бесповоротной решимости во что бы то ни стало добиться своих целей, без которой нечего и начинать борьбу. Это четвертое условие подразумевается само собою и может быть выражено русской пословицей: «волков бояться, так и в лес не ходить».

Рассмотрим каждое из этих условий.

В настоящее время огромное большинство крестьян и рабочих недовольны своим положением. Местами недовольство это выходит наружу, ведет к так называемым «бунтам» и «беспорядкам» в среде крестьян и рабо-

чих. «Беспорядки» эти бесспорно вызываются теми коренными недостатками современного общественного устройства, устранения которых требуют социал-демократы. Но сами замешанные в «беспорядках» рабочие и крестьяне не видят этих недостатков. Их недовольство обрушивается по большей части на какой-нибудь отдельный частный случай, на одно какое-нибудь «злоупотребление» теми порядками, которые уже сами по себе, без всяких частных злоупотреблений, представляют вопиющее зло. Правда, страдающие от малоземелья крестьяне приходят к той мысли, что земля должна быть отобрана от тех, кто не обрабатывает ее собственным трудом. Но дальше этого отобрания земли они ничего не видят и не знают, а ведь им нужно распоряжаться землею так, чтобы она опять не перешла в руки кулаков и эксплуататоров. Да и этого отобрания земли, этого «черного передела», крестьяне ждут от царя, который, разумеется, никогда его не сделает. Следовательно, наши крестьяне хотя и думают, что должен произойти важный переворот во всех поземельных отношениях, но не знают ни — *как* надо сделать этот переворот, ни — *кто* его делает. А это почти равносильно тому, что они ничего не знают. То же и с рабочими. Во время стачки 1878 г. на Новой Бумагопрядильне³ (на Обводном канале) рабочие поговаривали между собою о том, что казна должна была бы отобрать фабрику и уж от себя вести все дело. В этой мысли есть некоторый зачаток истины. Фабрики действительно должны быть отобраны у частных владельцев и перейти в собственность всего государства, которое уж и будет ими управлять и заведовать. Но рабочие не знали ни того, как должно поступать государство с теми продуктами, которые будут производиться на отобранных фабриках, ни того, какое государство может все это сделать. Им казалось, что нынешнее государство, с царем во главе и со всем его чиновничеством, может это сделать. Они хотели только быть «казенными» рабочими, вместо того чтобы служить собственникам Бумагопрядильни. Но от такой перемены они ровно бы ничего не выиграли. Здесь опять недостаток сознательности помешал им выставить настоящие, действительно важные требования. И так во всем.

Вот этот-то недостаток сознательности вы и должны устранять всеми возможными для вас путями. Более развитые рабочие должны помнить, что на них лежит огромный долг по отношению к их более темным братьям. Социалистическая пропаганда, т. е. распространение

социалистических мыслей и, как средство для этого, — распространение социалистических книг, брошюр и воззваний (теперь у вас есть уже газета) ⁴, такая пропаганда составляет прямую их обязанность. А так как в одиночку заниматься такими вещами неудобно, то вы должны озаботиться созданием как можно большего числа социалистических кружков в своей среде. Такие кружки удешевят силы каждого из вас в отдельности.

Эти же кружки сослужат вам и другую службу. Они дадут вам возможность образовать в своей среде стройную, сплоченную организацию. Когда вы будете иметь такую организацию в Петербурге и Москве, когда столичные организации войдут в постоянные сношения с кружками в провинциях, когда будут многочисленны эти провинциальные кружки, — тогда вы станете такой прочной ⁵ революционной силой, какой у нас еще никогда не бывало. Тогда у нас будет много частных успехов и недалек будет общий успех, первая, в высшей степени важная победа над вашими врагами.

Какой же именно успех, какая именно победа?

Я сказал уже вам, что ваша сила будет зависеть, между прочим, и от вашей тактики, т. е. от вашего умения из каждого вашего успеха извлекать всю ту пользу, которую можно извлечь из него.

Остановимся прежде всего на умении пользоваться своими успехами.

Вы задаетесь целью организовать социалистические кружки в своей среде. Вы будете иметь право сказать, что имеете успех, если кружки эти будут многочисленны, связаны между собою и приобретут влияние на остальную массу рабочих, не входящих в организацию. Спрашивается, как воспользуетесь вы этим успехом? Вы будете развивать в рабочей массе сознательное отношение к ее современному положению и к ее задачам в будущем. Вы будете распространять социалистические мысли, т. е. вести *пропаганду*, вы будете возбуждать недовольство ⁶ против нынешних порядков, т. е. вести *агитацию* *. Это очень хорошо, необходимо и полезно, но это еще не все, что вы можете извлечь из вашего успеха. Если ваши кружки будут расти и развиваться, то неизбежно придет время, когда, кроме всего выше пе-

* Примечание ко второму изданию. Как видит читатель, мысль об агитации не была для нас новостью, когда появилась — в половине 90-х годов — брошюра по вопросу о ней («Об агитации») ⁷.

Димитр Благоев — один из основателей «Партии русских социал-демократов».

речисленного, вы в состоянии будете извлечь из вашего успеха и другие важные выгоды. Какие, например?

В настоящее время ваши кружки организуются тайно. За принадлежность к этим кружкам вам грозит строгое наказание; за каждую книгу, найденную у вас на столе, за каждое слово недовольствия, высказанное открыто и громко, вас карают и преследуют. Вообразите теперь, что вы получили бы право вести ваше дело, ни от кого не скрываясь, что вам предоставлена была бы *свобода слова, печати, сходов* и всяческих обществ; представьте себе, что все то, что вы теперь делаете втайне, было бы так же законно, как покупка новой одежды или прогулка по Царицыну лугу. Не было ли бы это для вас огромным преимуществом? Не росли ли бы тогда ваши силы вдвое скорее? Представьте себе, кроме того, что у вас есть не только эти «отрицательные» права, что вас не только не преследуют за вашу пропаганду и агитацию, но что вы имеете также положительное право участвовать — через ваших представителей — в законодательстве, что вы свободно выбираете этих представителей, обсуждаете действия правительства, открыто выражаете свое недовольствие на него, отстаиваете проекты выгодных для вас законов. Разве все это не способствовало бы вашим дальнейшим успехам? Разве все это не давало бы вам новых сил в борьбе с врагами?

Конечно, да, — конечно, давало бы! Из союза тайных рабочих кружков вы превратились бы тогда, наконец, в

Руководители «Партии русских социал-демократов»: слева направо — Г. В. Хлопин, В. Г. Харитонов, Н. А. Бородин, внизу — В. А. Кугушев.

открытую рабочую социал-демократическую партию. А если это так, то вы сделали бы большую ошибку, не воспользовавшись силами своих тайных организаций для достижения этой цели.

Но как достичь ее? Хватит ли ваших сил на исполнение такой важной задачи?

Прежде чем ответить на этот вопрос, я напому вам, что разумная тактика всякой партии требует, чтобы ее нападения на врагов совершались именно в моменты наиболее благоприятные. Своевременность нападения в весьма значительной степени облегчает победу. Поэтому мы и должны спросить себя, своевременно ли было бы для вас добиваться политических прав в настоящее именно время?

На этот вопрос, не колеблясь, отвечаю утвердительно-

но. Между вашими врагами, которые так часто соединяются против вас, между правительством и высшими классами нет единодушия. Царь⁸ не хочет отказаться от своей деспотической власти, он не хочет поделиться ею с высшими сословиями. Он желает остаться полновластным, абсолютным монархом, во что бы то ни стало сохранить весь блеск, все азиатское величие своего сана. А между тем у него для этого нет ни силы, ни возможности. Преследуемый революционерами, он уже не правит страной, а думает только о том, как бы спасти свою жизнь от ударов революционеров. На деле вся власть перешла в руки кучки крепостников, ханжей или корыстолюбцев, думающих только о своей наживе.

Упиваясь своей минутной победой, не думая о завтрашнем дне, эта кучка ханжей, корыстолюбцев и честолюбцев потеряла всякий смысл и всякую меру. Она бьет направо и налево, не отличает друзей от врагов и мечтает о том, чтобы вернуться к временам крепостнического права. Но такой поворот невыгоден даже для огромной части лиц, принадлежащих к высшим классам. Они видят, что эта реакционная политика правительства вредит их собственным интересам, и все более и более задумываются о том, чтобы положить предел самовластью царских любимцев. Они хотят ограничить царскую власть, ввести у нас конституционное устройство. Чем более распространяется подобное стремление, тем более возрастает недовольство современным правительством, и следовательно, тем менее может это правительство рассчитывать на сочувствие и поддержку. А пока оно продолжает терять кредит в глазах высших классов, в глазах так называемого общества, все государственные дела приходят в упадок: долги растут, казна пустеет, а вместе с тем уменьшаются и средства ее пополнения. Все эти средства брались до сих пор с народа, но народ все более и более беднеет и скоро дойдет до такого положения, что взять с него будет нечего. Тогда правительству волей-неволей придется обратиться к обществу, чтобы с его помощью избавиться от необходимости объявить себя банкротом. Абсолютная монархия уступит место монархии ограниченной. Царь должен будет разделить свою власть с Земским собором, с Парламентом или вообще законодательным собранием, как бы его ни называли.

Вот этот-то раздор в лагере ваших врагов, вот эта-то необходимость ограничения царской власти и облегчит вам завоевание политических прав и политической сво-

боды. Придет время, когда сами высшие классы будут просить вашей помощи в борьбе с царем, когда они сами будут толкать вас на борьбу за свободу. Но, пользуясь этим выгодным для вас обстоятельством, вы все-таки должны начать эту борьбу на свой собственный страх и для достижения своих собственных целей. Не забывайте, что в политике нет благодарности, и если вы не будете думать сами о себе, то другие будут думать о вас лишь до тех пор, пока им нужно будет пользоваться вашей силой. Но как только дело дойдет до *выгод*, принсенных борьбою, то высшие классы будут помнить *только о себе*, да разве еще о том, чтобы держать вас в узде и в повиновении. Но если вы будете сильны и сплочены, если вы сознательно пойдете к своей цели, то вы сумеете отстоять свои права и не даром затратите свои силы.

Вы добьетесь тогда для всех вас, т. е. для всех крестьян и рабочих, права выбирать представителей в Законодательное собрание и быть выбираемыми в такие представители, вы добьетесь свободы слова, печати, сходок, собраний, образования рабочих обществ, короче, вы завоюете себе *политические права и политическую свободу*. А мы знаем уже, что такая удача была бы в высшей степени полезна для ваших дальнейших успехов.

Значит, разумная тактика требует, чтобы вы при первой же возможности постарались завоевать себе политические права и политическую свободу, а современное положение России показывает вам, что возможность эта очень недалека уже в настоящее время.

Недостаток места заставляет меня лишь кратко коснуться в этом первом письме того употребления, которое вы сделаете из своей политической победы⁹. Но дело ясно и само по себе.

Опираясь на завоеванные вами права, вы сумеете также хоть немного улучшить свое материальное положение. Ваши представители потребуют от Законодательного собрания целого ряда экономических реформ в пользу бедных и трудящихся классов. Конечно, нельзя ожидать серьезных реформ от Собрания, в котором большинство будет состоять из представителей высших классов. Но, во-первых, вы все-таки получите таким образом несравненно больше, чем получили бы вы, сидя сложа руки. А во-вторых — упорство высших классов также пойдет вам на пользу, хотя и в другом отношении. Оно возбудит неудовольствие народа, оно толкнет в ваши *революционные* ряды тех, которые, по своей слабости и нерешительности, надеялись на мирный исход,

на милосердие царя, на благоразумие высших классов. Оно послужит новым, самым убедительным доводом в пользу ваших идей, в подтверждение той истины, что полное освобождение трудящегося класса возможно будет лишь тогда, когда класс этот захватит *всю* государственную власть в свои руки и провозгласит *республику социальную и демократическую*.

Итак, что же вам предстоит теперь делать?

1) Развивать сознательность в среде ваших товарищей, 2) организовывать и сплачивать их силы, 3) направлять эти силы на завоевание тех политических прав, которые дали бы вам возможность добиться некоторых экономических реформ уже в настоящее время, а главное — облегчили бы вам вашу окончательную победу в будущем.

Ведите же настойчиво это дело! Мы живем накануне важных событий, и русскому рабочему классу необходимо явиться сознательным участником в этих событиях, а не жалкой массой рабов, над которой не издается только ленивый!

В следующем письме я поговорю о тех задачах, которые открываются перед русской рабочей партией в будущем *конституционном* государстве.

Письмо второе

Дорогие товарищи!

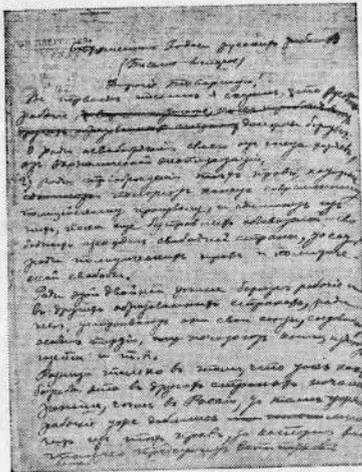
В первом письме я сказал, что русские рабочие должны бороться:

1) ради освобождения своего от гнета хозяев, от экономической эксплуатации;

2) ради приобретения тех прав, которые положат конец современному полицейскому произволу и сделают из них, пока еще бесправных обывателей, свободных граждан свободной страны, т. е. ради политических прав и политической свободы.

Ради этой двойной цели борются рабочие и в других образованных странах, ради нее устраивают они свои союзы, составляют особые партии, печатают книги, издают газеты и т. п.

Разница только в том, что так как борьба эта в других странах началась раньше, чем в России, то там рабочие уже добились многих из тех прав, за которые вам только предстоит начать кровавую борьбу с правительством.

Автограф статьи Г. В. Плеханова «Современные задачи русских рабочих (Письмо второе)».

Во Франции, например, совсем нет «государя»: ни царя, ни короля, ни императора. Франция — республика. Законы издают в ней выборные от всего народа, приводят их в исполнение чиновники, из которых, опять-таки выбираются, правда, уже не всем народом, но его выборными. Каждый рабочий, достигший 21 года, имеет право не только выбирать этих выборных, но и быть самому выбранным в народные представители, заседать в Законодательном собрании, может быть, рядом с тем самым капиталистом, у которого он перед этим работал на фабрике.

Кроме того, в той же Франции рабочие имеют право устраивать открытые союзы, собрания, издавать свои книги и газеты. Французская республика есть свободная страна.

Швейцарская республика пользуется всеми этими благами в еще большей степени. Там еще больше политической свободы. Но, кроме того, интересы рабочего народа обеспечены там и другим образом. В каждой деревне существует прекрасная школа, в которую родители обязаны отдавать своих детей. Благодаря этому обязательному образованию, там нет совсем неученых, неграмотных, все умеют читать и писать, и все убеждены, что свободный народ должен быть образованным народом. Те деньги, которые у нас идут на войско, расхищаются царем и его чиновниками, употребляют там на народное образование.

Но и этого мало. Хорошее дело учить бедных детей в школах, устроенных на счет государственной казны. Но что, если эти дети голодны, если их родители не имеют средств одеть их? Такие случаи возможны теперь везде, в Швейцарии так же, как и в России. Но разница в том, что между тем как наше императорское правительство вовсе не заботится о народном образовании и вовсе не думает о бедных учениках, — в Швейцарской республике теперь уже поднимается вопрос о том, чтобы устроить школьные кухни, т. е. кормить бедных учеников в школах опять-таки за счет государства или, как говорят у нас, на казенный счет. Разница, как видите, и здесь не маленькая.

Однако и это еще не все. Если бы сравнили русскую податную систему, положим, с французской, сравнили бы, какую часть своего дохода отдает в виде налогов французский крестьянин или рабочий и какую часть отдает русский, то увидели бы, что и в этом отношении народу живется гораздо лучше в тех странах, где есть политическая свобода. За границей просто не хотят верить, что русский крестьянин отдает в казну часто все то или даже больше того, что получает он со своего надела.

У нас еще только недавно издан закон, по которому подростки от [12] до [15] лет не должны работать на фабриках более [8] часов¹⁰. В Швейцарии есть закон, по которому взрослые рабочие не должны работать больше одиннадцати часов в сутки.

Вы видите, дорогие товарищи, что за границей рабочие уже теперь имеют гораздо больше прав, чем у нас (в России). Мы далеко отстали от других образованных народов, и нам нужно поскорее догонять их. Нам нужно поскорее завоевать себе политические права и политическую свободу.

<...поскорее ограничить власть «Его величества» властью народных представителей, а то и вовсе покончить с «Государем императором» и провозгласить Российскую республику.

Но что значит завоевать себе политические права и политическую свободу? Это значит составить из себя такую грозную силу, которой поневоле уступили бы ваши враги...>¹¹

Эти права и эти свободы должны быть обеспечены законом, и притом так, чтобы те законы, в которых выражаются ваши права и ваша свобода, были самыми главными, основными законами русского государства,

чтобы они были меркой, которой мерились бы все другие законы, чтобы не мог быть издан никакой закон, нарушающий ваши права и вашу свободу.

Такие основные законы составляют то, что называется конституцией; значит, вам нужно добиваться конституции и требовать, чтобы эта конституция обеспечила ваши права и вашу свободу.

Какие же права? Мы отчасти уже видели это, когда сравнивали положение рабочего народа в России с положением его за границей.

Во-первых, вам нужно положить конец абсолютной (т. е. неограниченной) монархии...¹²

РЕЧЬ НА МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ В ПАРИЖЕ

(14—21 июля 1889 г.)

Граждане!

Так как записалось большое число ораторов и конгресс может им поэтому уделить мало времени для их докладов об экономическом и политическом положении представляемых ими стран, то я постараюсь по возможности ограничить свой отчет о рабочем движении в России.

Вам, может быть, странно видеть на этом конгрессе представителей России,— России, где рабочее движение далеко не так развито, как в других странах Западной Европы. Но мы, русские социал-демократы, думаем, что революционная Россия во всяком случае не только не должна держаться в стороне от остальной рабочей и социалистической Европы, но что, наоборот, теперешнее сближение ее с ним принесет большую пользу всемирному социалистическому движению.

Вам всем известна гнусная роль, которую русский абсолютизм играл до настоящего времени в истории Западной Европы.

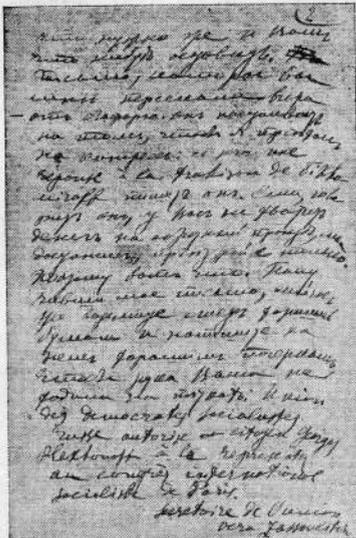
Русские цари были коронованными жандармами, считавшими своей священной обязанностью поддерживать реакцию во всех странах — от Пруссии до Италии и Испании.

Было бы напрасной тратой слов говорить здесь о той роли, которую печальной памяти император Николай играл в известных событиях 1848 г.¹

Вот почему торжество революционного движения в России было бы торжеством европейских рабочих.

Поэтому важно выяснить, каким образом и при каких условиях возможно это торжество революционного движения в России.

Оно возможно, граждане,— и в этом мы твердо убеждены — лишь при том условии, если русские революционеры сумеют завоевать сочувствие самого народа.

Отрывок из письма Г. В. Плеханова к В. И. Засулич (июль 1889 г.) о подготовке мандата на Парижский конгресс II Интернационала.

Но до тех пор, пока наше движение будет оставаться движением идеологов и учащейся молодежи, оно, быть может, будет опасно лично для царей, но не будет представлять никакой опасности для царизма как политической системы.

Чтобы ниспровергнуть и окончательно сокрушить царизм, мы должны опираться на более революционный элемент, нежели учащаяся молодежь, и этот элемент, имеющийся налицо в России,— это класс пролетариев, класс революционный по своему тяжкому экономическому положению, революционный по самой сущности своей.

Некоторые экономисты, одаренные слишком пылкой фантазией, обнаруживающие больше доброй воли, нежели солидных знаний, рисуют Россию как бы своего рода европейским Китаем, который по своей экономической структуре ничего не имеет общего с Западной Европой². Это совершенно ложно. Старые хозяйственные основы России находятся ныне в процессе полного разложения. Наша сельская община, о которой так много говорили даже в социалистической печати, но которая на деле составляла опору русского абсолютизма,— эта хваленая община все более и более делается орудием для капиталистической эксплуатации в руках богатых крестьян, между тем как бедные покидают деревни и ух-

дят в большие города и промышленные центры. Одновременно с этим крупная фабричная промышленность растет, поглощая процветавшую некогда кустарную промышленность в деревнях.

Самодержавное правительство всеми силами усугубляет это положение и содействует, таким образом, процессу развития капитализма в России. Нам, социалистам и революционерам, эта сторона его деятельности может доставить только удовольствие, потому что этим путем оно само подготавливает свою гибель.

Промышленный пролетариат, сознание которого начинает пробуждаться, нанесет смертельный удар самодержавию, и тогда вы увидите на своих конгрессах его непосредственных представителей рядом с делегатами более передовых стран.

А пока наша задача состоит в том, чтобы вместе с вами отстаивать дело международного социализма, всеми средствами распространять учение социал-демократии среди русских рабочих и повести их на штурм твердыни самодержавия.

А в заключение повторяю — и настаиваю на этом важном пункте: революционное движение в России восторжествует только как *рабочее движение* или же никогда не восторжествует!

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ [сборника „Работник“]

Лет около десяти тому назад друзья и почитатели Г. И. Успенского праздновали двадцатипятилетие его литературной деятельности. Г. И. Успенский был очень любим передовою частью русской читающей публики. Неудивительно поэтому, что он получил с разных сторон много горячих поздравлений. Но между этими поздравлениями было одно, которое, наверное, удивило очень и очень многих людей из «интеллигенции»: оно пришло от *кружка петербургских рабочих*¹. Это не могло не показаться удивительным. Наши народники очень «сочувствуют» рабочим, они «твердо верят в народ», но они до сих пор смотрят на русский рабочий класс, как на ребенка, которого, правда, надо учить старательно и как можно больше, но от которого нельзя ожидать почти ничего ни теперь, ни в ближайшем будущем.

А между тем рабочий класс есть именно та сила, которая одна только и способна положить конец торжествующему теперь у нас застою. До тех пор, пока эта сила не придет в действие, останутся бесплодными все, иногда поистине героические, попытки нашей интеллигенции добиться свободы.

И эта сила уже начинает приходить в действие. В продолжение царствования Александра III² ни в одном из наших общественных классов не происходило такой живой работы мысли, ни один из них не обнаружил такой огромной жажды знания, такого лихорадочного стремления к свету, как именно рабочий класс. Восьмидесятые годы не без основания считаются у нас очень печальной эпохой в истории «интеллигенции». Слово «восьмидесятник» стало почти бранным словом, означющим молодого человека, чуждого всяких широких умственных интересов, всякой серьезной мысли об общем благе, думающего только о личной пользе, о собственном житейском благополучии. Восьмидесятые годы бы-

ли временем упадка нашей «интеллигенции». Но эти же годы были временем умственного подъема русского народа и, прежде всего, передового отряда этого народа, наших промышленных рабочих. Одного этого довольно, чтобы ободрить всех истинных друзей народа и показать им, что их дело теперь гораздо ближе к своему торжеству, чем оно было когда-нибудь прежде.

Русский рабочий класс лихорадочно стремится к знанию. Но рабочий не студент, который может целиком отдаться книгам. Чтобы жить и учиться, рабочему надо иметь заработок, а чтобы иметь заработок, ему надо *продать свою рабочую силу* «хозяину»-фабриканту или вообще предпринимателю. Чем менее развит рабочий класс, тем хуже он понимает свои интересы, тем покорнее несет он то ярмо, которое надевает на него «хозяин». И наоборот. Чем сильнее начинает шевелиться мысль рабочего, чем больше света попадает в его голову, тем лучше понимает он свое положение, а чем лучше понимает он свое положение, тем энергичнее восстает он против хозяйских прижимок, тем чаще пытается он сбросить хозяйское иго. Вот почему вместе с ростом сознания рабочего класса растет также и число стачек и вообще всякого рода столкновений рабочих с предпринимателями. Всякий новый шаг на пути умственного развития рабочих сопровождается новым нападением их на царство капиталистической эксплуатации.

Многочисленные стачки прошлого года³ показали, что наш рабочий класс не составляет и в этом случае исключения из общего правила, что его умственное пробуждение означает и у нас начало великой освободительной, революционной борьбы с капитализмом, борьбы, которая уже давно ведется на Западе и которая освежит, наконец, нашу общественную жизнь, как освежает гроза застоявшийся воздух.

Борьба с эксплуататорами, неизбежно сопровождающая умственное пробуждение рабочего класса, в свою очередь является новым источником его умственного и нравственного развития. Она лучше всякой книги выясняет рабочим, в чем заключаются их интересы и до какой степени эти интересы противоположны хозяйским интересам. Она показывает им, что они *не добьются ничего, пока будут действовать в одиночку, что они непременно должны поддерживать друг друга, если не хотят быть побеждаемы на каждом шагу, что для торжества над темной силой капитала нужно сознательное объеди-*

нение *трудящихся*. Она является лучшей школой, какую только можно придумать для рабочих.

Эта школа чрезвычайно быстро расширяет взгляды рабочих. Притесняемый кулаком или помещиком (часто это одно и то же), угнетаемый безвыходной нуждой, крестьянин твердо надеется на царя. Он верит⁴, что вот-вот, не сегодня так завтра, царь поймет наконец, как тяжело живется крестьянину, и явится ему на помощь. Разумеется, эта надежда остается и останется всегда напрасной: «батюшка-царь» ровно ничего не делает и не может сделать для своих «детушек». Но крестьянину очень трудно убедиться в этом. В своей деревне он как бы отрезан от всего мира. Он знает только свое поле, свой сельский сход, свое волостное правление да еще соседнего «барина». Ему совершенно неизвестна действительная роль царя в нашей общественной жизни. Рабочий находится в совсем другом положении. Если он и приносит с собой на фабрику свои деревенские предрассудки, то сама жизнь скоро разбивает здесь эти предрассудки. Иногда достаточно одной стачки, чтобы показать рабочим, до чего нелепо видеть в царе защитника народных интересов. Ярославская стачка прошлого года⁵ послужила, как известно, поводом для кровопролития. Напав на безоружных рабочих, царские солдаты положили на месте несколько человек. Эта блестящая победа над «неприятелем» так обрадовала царя Николая II, что он поспешил послать *царское спасибо молодцам-фанагорийцам* (т. е. фанагорийскому полку, стрелявшему в рабочих). Тут уж никакие сомнения невозможны; тут уже и слепой видит, что царь стоит не на стороне рабочих, и мы уверены, что многие и многие из ярославских — да и не только ярославских — рабочих с неподдельным чувством повторили бы (если бы знали их) энергичные слова немецкого поэта Гейне:

Проклятье ему, королю всех счастливых,
Не жаль ему нас, бедняков терпеливых,—
Последний он грош отнимает у нас,
«Стрелять по собакам!»⁶ — он отдал приказ...*

Умственное пробуждение рабочих, неизбежно ведущее их к борьбе с предпринимателями, т. е. к борьбе на *экономической почве*, также неизбежно приводит их к столкновениям с нынешним царским правительством, т. е. к борьбе за *политическую свободу*. Царская поли-

* Из стихотворения «Ткачи», написанного в сороковых годах после кровавого умирения ткачей в Силезии.

ция всегда является и будет являться самым неизменным и самым надежным союзником фабрикантов. Как ни тяжелы те опыты, которые приходится переживать рабочим, они, в последнем счете, чрезвычайно благодетельны, потому что они развивают *политический смысл* трудящейся массы и на место забытых *обывателей-рабов*, покорно подставляющих свою спину под царские, хозяйские и полицейские удары, ставят *граждан*, сознающих свое достоинство человека и умеющих сознательно бороться за свое освобождение.

Борьба за политическое освобождение России ведется не со вчерашнего дня. Издавна уж были в ней люди, всей душой ненавидевшие деспотизм и горячо преданные делу свободы. Но благородные усилия этих людей оставались напрасными, потому что *народ не поддерживал их*. Темный и невежественный, забитый и обманутый, он не только равнодушно смотрел на гибель своих защитников, но часто радовался ей, считая врагов *царского деспотизма* врагами *народного освобождения*. Дело свободы не может восторжествовать до тех пор, пока ему не сочувствует народная масса. И если бы русский народ не способен был отделаться от своего рокового заблуждения, то надо было бы признать, что России суждено остаться страной вечного рабства. Но то движение, которое теперь уже происходит в русской рабочей среде, то движение, которое, только что начавшись, так сильно пугает царских чиновников и заставляет их умножать и без того бесчисленную армию шпионов, это рабочее, *это народное* движение ручается нам за то, что и наш народ способен понимать свои интересы, что и мы, русские, не пасынки истории, что и у нас взойдет, наконец, солнце свободы.

Г. И. Успенский, по поводу упомянутого выше письма к нему от кружка петербургских рабочих, поздравил русских писателей с *новым грядущим читателем*.

Мы радостно приветствуем начало рабочего движения в России, поздравляем всех врагов деспотизма с новым грядущим борцом за политическую свободу.

Революционная мысль, зреющая в *рабочей среде*, есть революционная мысль, зреющая в *среде народной*. Русский рабочий есть кость от кости и плоть от плоти русского народа. Как ни отличаются условия жизни *рабочего* от условий жизни *крестьянина*, но рабочий гораздо ближе к крестьянину, чем представитель *«интеллигенции»*. Раз начавшееся в рабочей среде революционное движение вовлечет в свое русло значительную часть

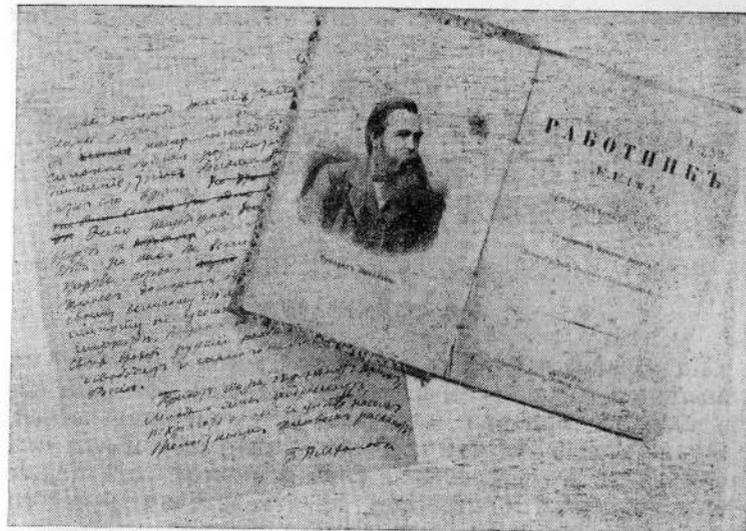
беднейшего крестьянства, и тогда придет конец тем гнусным порядкам, которые составляют горе русской земли и благодаря которым все образованные народы Запада смотрят на нас, русских, с чувством *сожаления и презрения*.

Вот почему мы говорим, что рабочий класс есть именно та сила, которая одна только и может двинуть вперед Россию.

Старая царская Россия заслужила ненависть всех образованных народов, потому что она давно уже взяла на себя роль *всемирного жандарма*. Где бы ни начиналось освободительное движение, хотя бы это было в полном смысле слова за тридевять земель, в тридесATOM царстве (напр., в 20-х годах нашего столетия в Испании)⁷, русское правительство тотчас било тревогу и приводило в движение свои дикие полчища. Старая царская Россия была вернейшим другом и прочнейшей поддержкой *всех деспотов, всех сторонников застоя*.

Новая революционная, *рабочая* Россия становится на сторону *революционеров всех стран*. Печатаемые в нашем сборнике адреса петербургских и московских рабочих к французским пролетариям по поводу Парижской коммуны 1871 года⁸ как нельзя более ясно показывают, что именно в лице рабочих русский *народ* впервые воити в семью образованных наций в качестве младшего брата, умеющего горячо сочувствовать всем радостям и всем горестям, всем победам и всем поражениям своих старших братьев.

К этой-то новой рабочей России, составляющей нашу радость, нашу гордость и нашу надежду, и обращаемся мы со своим скромным изданием. Мы целиком посвятив его интересам рабочего класса. Мы не навязываем своих взглядов нашим читателям-рабочим. Мы не берем на себя роль руководителей. Нам хотелось бы только принести посильную пользу тем обездоленным, но бодрым и смелым труженикам, которые борются на нашей далекой и несчастной родине за свое экономическое и политическое освобождение. Страницы нашего неперидического издания, — если ему суждено продолжаться⁹, — будут открыты всем рабочим, желающим воспользоваться им для обсуждения своих задач и выражения своих стремлений. Но мы твердо убеждены, что чем яснее сознают наши читатели свои задачи, чем они лучше поймут смысл своего положения, тем решительнее станут они под знамя *социальной демократии*. Под этим знаменем ведется освободительная борьба рабочих все-

Титульный лист сборника «Работник» (1896 г., № 1/2) и автограф конца вступительной статьи Г. В. Плеханова «От издателей».

го образованного мира. Другого знамени не может быть и для русских рабочих.

Мы наперед знаем, что много потерь и поражений придется нам занести в нашу летопись: чем сильнее будет развиваться наше движение, тем больше будут ожесточаться его враги. Это неизбежно. Без жертв не дается никакая победа. Но как бы велики ни были те жертвы, которые русский рабочий класс должен будет принести своему великому делу, мы ни на минуту не усомнимся в его будущем торжестве. Вопреки всем усилиям своих врагов, русский рабочий народ освободит и самого себя, и всю Россию...

Придет пора, окрепнут крылья,
Младые силы подрастут,
Вскричат орлы и цепь насилья
Железным клювом расклюют!

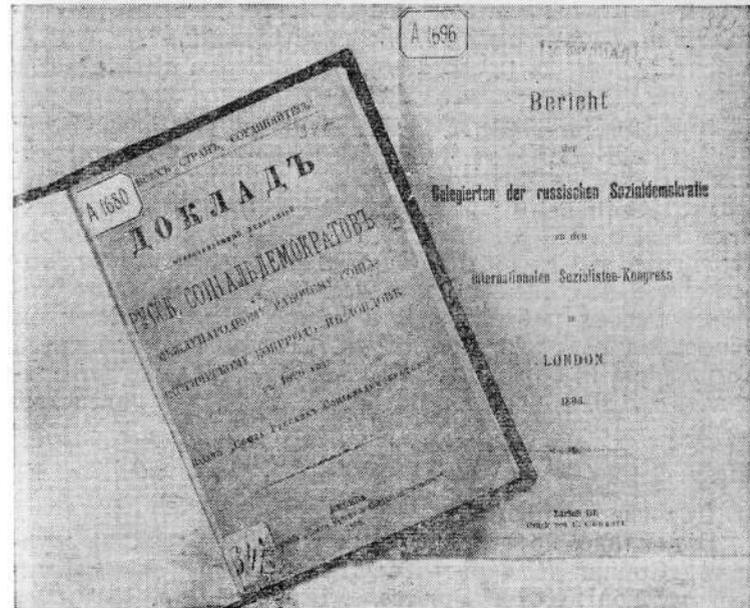
**ДОКЛАД,
ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ РУССКИМИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ
МЕЖДУНАРОДНОМУ РАБОЧЕМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ
КОНГРЕССУ В ЛОНДОНЕ В 1896 ГОДУ**

От издателей

Настоящий доклад был для конгресса напечатан на немецком и английском языках и роздан в большом количестве экземпляров делегатам всех национальностей. Издавая теперь русский подлинник, мы считаем нужным предпослать ему несколько слов о приеме, оказанном Международным конгрессом представителям русского рабочего класса, и о значении этого приема.

Заседавший в Лондоне в июле 1896 года Международный рабочий социалистический конгресс был первым, на который явились представители организованного русского пролетариата. Рабочие десяти русских городов пожелали через своих представителей заявить, что и они присоединяются к борющейся за свое освобождение мировой армии рабочих. Представители всемирного пролетариата оценили значение этого первого появления русского рабочего на Международном социалистическом конгрессе. Россия — единственное большое и сильное государство в Европе, в котором рабочие не только экономически угнетены, но и не пользуются никакими политическими правами для борьбы за лучшее будущее. В России государственный закон и государственная власть требуют от рабочего класса полного безмолвия и безусловной покорности и жестоко преследуют всякую его организацию. В России неограниченно царит воля царя и его чиновников, а творит эта воля то, что ей предписывают интересы дворян и капиталистов.

Западные народы также на собственном теле испытали благоденствия царского самодержавия. Дорогой ценой бесчисленных человеческих жертв смели они это препятствие на пути к конечному торжеству рабочего класса. Представители их хорошо поняли, как тяжела для русских рабочих борьба против самодержавия царя и полиции. Но русское самодержавие гнетет не только русский народ. Все те, кто на Западе с ужасом смот-

Издания на русском и немецком языках «Доклада, представленного русскими социал-демократами Международному рабочему социалистическому конгрессу в Лондоне в 1896 г.».

рят на возрастающее влияние рабочего класса, видят в русском самодержавии сильнейший оплот против этой новой силы, грозящей положить конец всякому угнетению и всякой эксплуатации. Русское самодержавие — живая угроза европейской свободе. Его падение — заветное желание европейской демократии, борьба с ним — настоятельная задача мирового пролетариата.

Вот почему Лондонский конгресс единогласно и восторженно принял следующую резолюцию:

«Конгресс считает нужным указать на чрезвычайно важный и небывалый до сих пор факт присутствия представителей от русских рабочих организаций на международном съезде. Он приветствует пробуждение русского пролетариата к самостоятельной жизни и от имени борющихся рабочих всех стран желает русским братьям мужества и непоколебимой бодрости в их тяжелой борьбе против политической и экономической тирании. В организации русского пролетариата конгресс видит луч-

шую гарантию против царской власти, являющейся одной из последних опор европейской реакции»¹.

Это заявление представителей рабочего класса всего мира наглядно показывает, какое огромное значение они придают вступлению русских рабочих в ряды освободительной армии, какие надежды возлагаются на них европейско-американскими братьями. Обязанность передовых слоев нашего пролетариата — направить все свои силы и всю свою энергию на то, чтобы возможно скорее оправдать эти надежды. Восторженное сочувствие, выраженное Лондонским конгрессом освободительным усилиям русских рабочих, пусть послужит им источником ободрения на их трудном пути. Сознание тесной связи с миллионами борющихся братьев на Западе будет придавать им новые силы в борьбе за свободу и равенство.

Доклад

Дорогие товарищи!

В докладе, представленном от имени редакции журнала «Социал-демократ» Международному социалистическому конгрессу в Брюсселе, сказано (стр. 15)²:

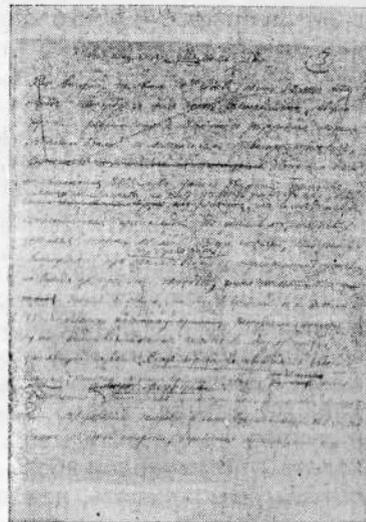
«Мы считаем своим долгом покрыть Россию сетью рабочих кружков. Пока эта цель не будет достигнута, мы не будем принимать участие в ваших конгрессах: до этого момента всякое представительство русской социал-демократии было бы фикцией».

В настоящее время мы можем с законной гордостью сказать, что эта задача отчасти исполнена. Первые, самые трудные шаги на поприще организации русского рабочего класса уже сделаны, по крайней мере — местами. И вот почему русская социал-демократическая делегация является на Международном рабочем конгрессе нынешнего года более многочисленной, чем когда-либо прежде.

Чтобы дать вам хоть некоторое понятие о том, как приходится нам вести свое дело и с какими трудностями мы встречаемся почти на каждом шагу, мы укажем прежде всего на то, что происходило и происходит в столице русской империи, С.-Петербурге³.

В течение всего десятилетия 80-х годов рабочее движение тлело в многочисленных, но разрозненных рабочих кружках, где велась социал-демократическая пропаганда. То усиливаясь, то опять затихая, терпя огромные потери и опять, как феникс, возрождаясь из пепла, эта пропаганда велась с переменным успехом, не выхо-

Рукописная копия «Доклада» с редакционной правкой Г. В. Плеханова. Сверху пометка Л. Г. Дейча.

дя за пределы кружков, вплоть до самого последнего времени, т. е. до осени 1895 года. Только в этом году разрозненные дотоле группы нашли возможным слиться в одну организацию, принявшую название: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»⁴, только с этого времени удалось социал-демократам С.-Петербурга выйти на широкую арену массовой агитации. Образование союзов и касс взаимопомощи на случай стачек, с одной стороны, выработка сознательных агитаторов — с другой, наконец, массовая агитация путем воззваний, распространения брошюр, формулирования требований рабочих различных мастерских, фабрик и заводов, с третьей, — таковы в немногих словах *ближайшие, практические задачи*, поставленные себе «Союзом».

Условия, в которые поставлен названный «Союз» русской действительностью, дают нам возможность говорить с некоторою определенностью лишь об этой последней публичной стороне его деятельности.

Периодическое, массовое появление летучих листов было в Петербурге явлением давно не виданным и основательно позабытым даже русской полицией. Тем большее впечатление производили воззвания «Союза», с ноября месяца появляющиеся массами во всех концах Петербурга. Прокламации, разбросанные в тысячах экземпляров в рабочих кварталах на улицах, приклеенные в виде афиш на столбах, рассеянные в мастерских

и на фабриках,— производили удручающее впечатление как на гг. фабрикантов, так и на местную администрацию, прилагавшую крайние усилия, дабы искоренить крамолу. Хватались представители так называемой «интеллигенции», высылались на родину десятками и сотнями заподозренные рабочие, но ничто не помогало. Листки появлялись немедленно вслед за арестами, как бы дразня своим появлением ретивых слуг царского правительства.

Отличительная черта этих воззваний «Союза» — их конкретный, практический характер. Каждое из этих воззваний имело дело с определенным злоупотреблением со стороны фабриканта, с определенным произволом администрации, каждое из них, опираясь на подробности данного случая, имело целью формулировать требования рабочих, развить в них классовое самосознание, показать противоположность *их* интересов интересам *капиталистов*, показать, наконец, что *царское правительство* являлось и является во всех случаях усердным слугою буржуазии, усердным гасителем всякого сознательного движения русского пролетариата. Почва, которую приходилось культивировать петербургской социал-демократической организации, была полна жизненных соков; само уже появление «Союза» служило знаменательным симптомом пробуждения петербургского пролетариата; неудивительно, что результаты планомерной деятельности «Союза» не замедлили сказаться.

Зима 1895/96 г. в Петербурге была богата, как никогда, стачками и волнениями рабочих, полна той жизни, которая характеризует *проснувшееся сознание рабочих масс*.

В ноябре прошлого года вспыхивает стачка на суконной фабрике Торнтон; рабочие выставляют требования, формулируемые «Союзом» в массе разбросанных прокламаций; запуганный фабрикант и растерявшаяся полиция спешат удовлетворить требования негодующих рабочих. Почти одновременно волнуются и забастовывают папиросницы на табачной фабрике *Лаферма*. Начавшееся <было> стихийно, движение принимает, благодаря «Союзу», более рациональные формы; опять выставляются требования, и опять их спешат удовлетворить во избежание дальнейших «недоразумений». Месяц спустя происходит забастовка на фабрике Т-ва механического производства обуви. Возникает стачка на лесопильне Лебедева. Волнуются рабочие Путиловского завода, происходят неприятные для администрации объяснения

на бумагопрядильне Кенига. В январе <месяце> успешно и быстро заканчивается стачка на бумагопрядильне Воронина (на острове Резвом); наконец, появившиеся листки вызывают волнение среди рабочих «Нового Адмиралтейства». Одно уж появление листков заставляет идти на уступки администрации казенного Александровского чугунного завода, а угрозы забастовки вторично слабевают упорство г. Воронина, хозяина уже упомянутой нами мануфактуры.

Таково было положение дел к началу мая 1896 г. Только что отмеченные стачки произведены были рабочими различных отраслей производства и по различным поводам. Нетрудно, однако, уловить несколько общих, типичных черт в требованиях, выставленных стачечниками. В огромном большинстве случаев рабочие протестуют против прямых нарушений со стороны фабричной администрации закона, т. е. тех или других статей того самого законодательства, которое, вообще говоря, ставит рабочего в полную зависимость⁵ от хозяина.

Рабочие требуют, *во-первых*, точного исполнения закона: они стараются, *во-вторых*, удержать за собой прежний уровень заработной платы, сохранить *status quo* и противодействовать понижательному движению в ценах на рабочие руки.

Иллюстрируем сказанное.

Чего требуют, напр., забастовавшие рабочие фабрики Торнтон? Они требуют, как говорилось в одном из листков, чтобы исполнялся «закон о том, что рабочему должна быть перед началом работы объявлена величина того заработка, на который он идет», они требуют, чтобы фабричный инспектор следил за тем, «чтобы в расценках не было обмана, чтобы они не были двойными»⁶.

Или вот, волнуются рабочие так называемого «Нового Адмиралтейства». Почему? Дело в том, что начальник порта адмирал Верховский <с решительностью военного человека> издает распоряжение о выдаче рабочим платы только раз в месяц, а закон между тем с совершенной ясностью гласит: «При найме рабочих на срок неопределенный выдача заработной платы должна производиться не реже двух раз в месяц».

Вскоре после окончания стачки на табачной фабрике Лаферма (в начале декабря 1895 г.) фабричная инспекция должна была признать правильность требований рабочих, стоявших на почве закона, и заявить в циркуляре, напечатанном в русских газетах 20-го декабря 1895

года и разосланном табачным фабрикантам, что «жалобы работниц верны» и что «нельзя произвольно браковать товар. Если хозяин признает товар негодным, то он не имеет права из-за нескольких испорченных папирос браковать всю сотню. Такая браковка совершенно произвольна. Только за испорченные папиросы (от небрежной или неумелой работы) хозяин может налагать штраф по табели, порчу же материалов взыскивать только по суду» и т. д.

Таковы же по своему характеру главнейшие из требований, выставленных рабочими на Калининской мануфактуре, на бумагопрядильне Кенига, на мануфактуре Воронина, на Александровском чугунном заводе и т. д.

Мы говорили уже о другой общей черте в требованиях петербургских рабочих — о стремлении их *сохранить* существующий или вернуть недавно бывший размер заработной платы.

Таковы крайне *умеренные* требования петербургских рабочих. А между тем, надо вспомнить, сколь малым приходится довольствоваться теперь русскому пролетарию. Здесь не место давать характеристику его экономического положения, отметим только две-три цифры, черпнутые нами из петербургской литературы «возвзваний». Когда ткачи фабрики Торнтон, измученные нуждою, потеряв всякое терпение, устроили вышеупомянутую стачку, многие из них, благодаря затишью в производстве, зарабатывали не более семи рублей в месяц — цифра, невероятная для рабочего западноевропейской крупной капиталистической промышленности.

Когда в начале мая, во время грандиозной стачки петербургских бумагопрядилен, господствовало возбуждение на так называемой Русско-Американской резиновой мануфактуре, расходившиеся среди рабочих листки указывали между прочим на то, что какой-нибудь вальцовщик при 11-часовом рабочем дне, при работе, которая по прошествии немногих лет вызывает кровохаркание, зарабатывает всего-навсего *65 коп. в день*. Существование невероятно низкого уровня заработной платы признают, в откровенную минуту, даже представители русской администрации. Во время «усмирения» стачки на фабрике Лаферма, когда папиросницы, жалобы которых циркуляр фабричной инспекции признал «верными», а положение «очень бедственным», когда эти самые папиросницы обливались, по приказанию начальника петербургской полиции, из пожарных насосов, этот самый воинственный градоправитель имел наглость,

признав всю недостаточность заработка работниц, посоветовать им в виде подспорья заняться проституцией.

Придавленное страшной нуждой, эксплуатируемое самым наглым образом, третируемое полицией, еще неорганизованное большинство петербургских рабочих чутко прислушивалось к голосам своих организованных, сознательных товарищей. То здесь, то там вспыхивали и пожаром разгорались волнения рабочих, стоило лишь появиться листку социал-демократической организации. Фабрикант, как мы уже не раз видели, спешил в тревоге делать уступки, а царская полиция с лихорадочной поспешностью принималась за «оздоровление атмосферы», за удаление неблагонадежных элементов, льстя себя надеждой, что ей удастся дезорганизовать, разгромить, стереть с лица земли ненавистный «Союз».

С начала декабря (стар. стиля) прошлого года правительство предпринимает целый поход против невидимых «злоумышленников».

В ночь с 8-го на 9 декабря схвачено было несколько десятков «подозрительных» для полиции лиц как из среды так называемой «интеллигенции», так и из среды рабочих. Полиция торжествовала, полагая, что держит в руках «вожаков» движения. И что же? Немедленно после этих арестов появилась прокламация «Союза», разбросанная на массе фабрик и предупредительно посланная господам представителям власти. В ней «Союз» заявлял, что полиция «ошиблась в адресе», возвещал о новых стачках и заканчивал ее следующими словами, силу и значение которых русское правительство оценило лишь впоследствии: «Арестами и высылками не подавят рабочего движения: стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета капиталистов».

С этих пор начинается своего рода поединок между петербургской полицией и организацией «Союза». Обозленные жандармы хватают направо и налево. Единичные аресты продолжают в течение всего декабря, в январе происходят массовые обыски, аресты, высылки, и затем не проходит недели, чтобы не вылавливался из рабочей массы тот или другой заподозренный в сношениях с «Союзом» рабочий.

А издание прокламаций, раскрывающих глаза рабочим на капиталистическую эксплуатацию, на своеволие царских слуг, идет своим чередом, непрерывно подымая бодрость и веру пролетария в свои силы, внося тревогу и страх в сердца предпринимателей.

Наконец, царское правительство считает нужным, устами своего министра финансов, г. Витте, забить тревогу — министр издает секретный циркуляр, невзначай попадающий на страницы центрального органа немецких соц.-демократов, а затем и в русские газеты; в нем он призывает фабричных инспекторов блюсти за сохранением патриархального строя отношений, якобы существующего на русских фабриках, предостерегает самих рабочих от козней подстрекателей — этих, по словам циркуляра, злейших врагов рабочего класса⁷.

Опубликованный циркуляр, распространенный «Союзом» в рабочей среде, уничтожил последние следы и без того слабого престижа русского фабричного инспектора, он раскрыл его двусмысленную роль будто бы защитника интересов рабочего, разоблачил его сущность безгласного слуги абсолютизма, заигрывающего с буржуазией. «Союз» вообще не упускал случая дискредитировать в глазах рабочего царское правительство, показать рабочему, что в борьбе за лучшее будущее он должен рассчитывать лишь на свои собственные силы. Первого мая наступающего года «Союз» издал прокламацию, выясняющую рабочим значение всемирного рабочего праздника. Жадно хватается петербургский рабочий за печатное слово и нарасхват читает он листок, говорящий о том, каких успехов достигли рабочие других стран, благодаря упорной борьбе, благодаря стройной организации.

Кроме листков, написанных по определенному поводу, «Союз» распространял еще массами брошюры и всякого рода издания, частью привезенные из-за границы, частью напечатанные в тайных типографиях в самой России. При этом следует, однако, заметить, что спрос на печатное слово значительно превышает предложение, что «Союз», при всем старании, не был в силах вполне удовлетворять растущей потребности рабочего в знании при тех невыносимо тягостных условиях, в которые ставили его вечные репрессалии русского правительства.

Усилия петербургских социал-демократов не пропали даром: брошенные семена дали богатую жатву. В среде рабочих создавалась атмосфера, насыщенная духом недовольства и протеста. При таких-то условиях возникла и разрослась колоссальная (на русскую мерку) стачка почти всех петербургских бумагопрядилен, стачка, сыгравшая крупнейшую роль в истории не только петербургского, но и всего русского рабочего движения⁸.

Как известно, русские промышленники, не без приютности приютившиеся под сенью русской протекцион-

ной системы, все без исключения — «патриоты своего отечества», пользующиеся всякой оказией для выражения своих верноподданнических чувств. «Патриотами» явились они и во время недавних коронационных торжеств. Их «патриотизм», однако, быстро иссяк, когда дело дошло до реальных, хотя и незначительных жертв, когда дело коснулось до их туго набитого кошелька. Почтенные представители русской промышленности — по крайней мере многие из них — наотрез отказались удовлетворить требования рабочих, настаивавших на получении платы за коронационные дни, которые они «прогуляли» не по собственной вине. Такой отказ получили между прочим рабочие так называемой Екатерингофской мануфактуры, расположенной на одной из окраин Петербурга. Рабочие этой мануфактуры обратились за помощью к другим бумагопрядильням и послали к ним своих делегатов. Рабочие целого ряда бумагопрядилен горячо отозвались на этот призыв; было постановлено представителям разных фабрик собраться на сходку и формулировать общие всех петербургских бумагопрядилен требования. В конце мая состоялось в Екатерингофском парке собрание делегатов; присутствовало на нем человек сто — явление, совершенно необычайное для Петербурга и поражающее всякого, хоть немного знакомого с полицейским режимом русского государства. На этой сходке под открытым небом были выставлены общие требования всех занятых в бумагопрядильнях рабочих, они были затем сформулированы в прокламации, изданной «Союзом» и распространенной в огромном количестве по всему Петербургу. Затем началась стачка.

Приводим текст этой прокламации, подписанной «Союзом» 30 мая 1896 г. озаглавленной: «Чего требуют рабочие бумагопрядилен».

«Мы хотим,

1. чтобы рабочий день у нас везде продолжался от 7 час. утра до 7 час. вечера, вместо теперешних от 6 ч. утра до 8 час. вечера;

2. чтобы обеденное время длилось полтора часа и, таким образом, весь рабочий день продолжался 10½ ч. вместо 12;

3. чтобы расценки везде были повышены на одну коп., и где можно, — на две коп. против нынешних;

4. чтобы шабашили по субботам везде одновременно в 2 ч.;

5. чтобы хозяева самовольно не останавливали машин и не пускали их в ход раньше времени;

6. чтобы заработок за первую половину месяца *выдавали правильно* и вовремя, а не оттягивали;

7. чтобы было сполна заплачено за коронационные дни».

В течение нескольких дней стачка охватила 17 бумагопрядилен, вскоре примкнуло еще 4, и таким образом, за ничтожными исключениями, все петербургские бумагопрядильни прекратили работу. В стачку вовлечено было от 30 до 40 тысяч рабочих.

Впечатление от стачки получилось потрясающее. Петербургское буржуазно-чиновничье общество, ошеломленное неожиданным для него явлением, задавало себе вопрос: неужели и у нас на Руси есть рабочий вопрос, неужели и у нас проснулся беспокойный дух пролетария, не дающий спать «гнилому Западу»? В особенное недоумение приводило петербургского обывателя необычайное спокойствие, дисциплина забастовавшей массы рабочих. Патрули казаков и усиленные отряды полицейских передвигались в рабочих кварталах среди пустынных улиц, на которых не было слышно даже обычного шума и гама. Там, где собиралась толпа и говорились речи, единичные призывы к насилию встречали отпор со стороны сознательных рабочих. Толпа была спокойна даже тогда, когда тот или другой местный полицейский чин обращался к ней с речами, выхвалявшими заслуги фабрикантов, якобы в поте лица своего трудящихся на общую пользу. Изумленный Петербург в первый раз громко заговорил о рабочем движении: стачку обсуждали, ее защищали, на нее нападали, о ней толковали все, она у всех была на устах, даже у тех, кому впервые приходилось обращать внимание на подобного рода вопросы. А представители власти между тем не теряли времени: созвано было экстренное собрание фабричного присутствия, на котором обсуждался вопрос, что делать; министр финансов конфиденциально сообщил фабрикантам о готовности правительства поддержать их; градоначальник обращался к рабочим с печатными воззваниями, тон которых заметно понижался, по мере того как стачка затягивалась, а рабочие продолжали сохранять спокойствие, на зло и удивление полиции. Положение становилось угрожающим. Стачное настроение заразительно. Ходили слухи, что рабочие Путиловского и некоторых других металлических заводов не сегодня завтра бросят работу, — а это было равносильно увеличению числа стачечников еще на несколько десятков тысяч. На писчебумажной фабрике Варгунина было не-

спокойно. На Александровском чугунном заводе рабочие уже забастовали, но начальство поспешило их успокоить, пообещав выполнить их требования. На огромной резиновой мануфактуре ходили листки и вызывали волнение. Нужно было покончить со стачкой во что бы то ни стало. Тем более что — неслыханное дело! — из-за стачки сам царь откладывал свой торжественный въезд в Петербург.

И вот были приняты самые радикальные средства. В иных местах градоначальник обращался лично к рабочим (как это было на фабрике Кенига) с увещаниями, обещая после рассмотреть их требования, удовлетворить, насколько это будет «возможно», только бы *теперь*, перед въездом царя, они перестали «бунтовать». Где не помогали меры «кротости», действовали иначе. Фабричные дворы были оцеплены солдатами, к рабочим, оставшимся дома, врывалась полиция и спрашивала каждого из них поодиночке, желают ли они возобновить работу или нет. Нежелающие немедленно арестовывались, сажались в тюрьму, высылались. Излишне прибавлять, что фабрики были наводнены шпионами, как это, впрочем, вообще в обычае у русской полиции. Но главные удары, по мнению властей, должны были быть направлены против «Союза», против той организации, которая заявляла во время стачки о своем существовании бесчисленными прокламациями. Возобновились аресты, хватались опять «интеллигенты», почему-либо возбуждавшие подозрение полиции.

Не имея достаточно материальных средств, чтобы долго держаться, под гнетом страшных репрессий, терроризовавших население, рабочие начали понемногу приниматься за работу, стачка постепенно затихала и, наконец, совсем прекратилась⁹.

Министр финансов издал воззвание: указывая на противозаконность стачек, которые вызываются подстрекательствами «злонамеренных людей», г. Витте говорит в лицо рабочим наглуую ложь, что «правительству одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочих». Русские рабочие, конечно, хорошо знают, что соглашение и союзы рабочих, что нарушение контракта и стачка по русским уголовным законам преступны, но петербургский пролетариат под руководством «Союза» и задается как раз преступною целью сломить эти возмутительные, противные культуре и человеческому достоинству законы, в которых так ярко выражается одинаковая забота самодержавного правительства о хозяевах и рабочих.

Каков, спросят нас, результат стачки, что дала она, если вообще дала что-нибудь петербургскому рабочему? Некоторые требования рабочих *были удовлетворены*, другие было обещано рассмотреть впоследствии. Это немало. *Но не в этом смысл и великое значение только что закончившейся стачки.* Нам важен и дорог ее истинный огромный нравственный результат. Она служила живым свидетельством того, что русский рабочий умеет дружно и стойко стоять за свои интересы, что он способен к дисциплине, к организации, вызывающей слова удивления у злейших врагов его.

Стачка была, и это главное, живым уроком самому рабочему. Постоянные столкновения с полицией чрезвычайно наглядно и чувствительно показали ему его бессилие в нынешнем русском государстве; он понял, что за спиной капитализма стоит другой враг — *русское самодержавие*; он понял, что ему нужно прежде всего и больше, чем кому бы то ни было, добиваться *политической свободы*. Фактически политический вопрос всплыл во время стачки на поверхность русской общественной жизни. О нем-то и говорил «Союз», обращаясь в своем воззвании к представителям русского общества и заявляя им, что все те, кто являются в русском обществе действительными, а не мнимыми врагами самодержавия, должны всеми зависящими от них средствами поддерживать начинающееся массовое движение русского пролетариата.

То, что происходило в Петербурге, совершалось в общих чертах, хотя и в меньших размерах, и в других центрах русской общественной и промышленной жизни.

Так, весной 1895 года прекращают работу из-за неудовольствий с администрацией рабочие железнодорожного депо на *Московско-Курском* вокзале. В двадцатых числах мая того же года волнуются рабочие на ткацкой фабрике Прохорова в *Москве*; в июне происходит столкновение рабочих с *казаками и полицией* на фабрике Мазурина и Герасимовых в *Кускове под Москвою*; в том же июне вспыхивает стачка рабочих в складе товарищества К. и С. Поповых. Наши московские товарищи, подобно петербургским, пользуются всеми явлениями этого рода для выяснения рабочему классу его современного положения и его задач в будущем. Так, по поводу недавней петербургской стачки *центральный комитет московского рабочего союза* выпустил две прокламации, в которых приглашал московских рабочих оказать дружную поддержку их петербургским братьям.

В мае 1895 г. стачка рабочих на фабрике Корзинки-на в *Ярославле* (на этой фабрике работало 7579 человек: 4238 мужчин, 3028 женщин, 111 мальчиков и 22 девочки), к сожалению, вызвала целое кровопролитие: офицеры Петров и Калугин напали со своей солдатней на одну, до тех пор совершенно мирную, группу стачечников, а когда неожиданно атакующие рабочие стали защищаться камнями, они приказали сделать залп, после которого на месте столкновения оказалось три убитых (в том числе один ребенок и одна женщина) и 18 раненых * 10.

Подобное же столкновение рабочих с войсками едва не произошло в большом фабричном селе *Тейково* близ города Иваново-Вознесенска Влад[имирской] губ[ернии], весной 1895 г., на фабрике *Каретниковых*. Рабочие, в числе 5000 чел., собрались на фабричном дворе и вступили в шумные объяснения с англичанином-директором. Перепуганный директор выстрелил в рабочих из револьвера, что и послужило сигналом к его гибели: он был немедленно сбит с ног и буквально растерзан ожесточенной толпой. Местная полиция телеграфировала об этом происшествии в губернский город Владимир, откуда немедленно выступили в Тейково казаки и пехота. К счастью, кровавое столкновение было предотвращено благоразумием гг. Каретниковых! Они уступили требованиям рабочих; работы немедленно возобновились, и администрации осталось лишь начать полное грубого произвола следствие об убийстве директора.

Немало насилий со стороны администрации было и во время стачки на фабрике товарищества *Иваново-Вознесенской* ткацкой мануфактуры в октябре того же года. Эта стачка окончилась, по-видимому, торжеством предпринимателей; после двух недель борьбы рабочие вынуждены были взяться за работу. Но дружный отпор, данный ими предпринимателям, все-таки не остался без последствий. Опасаясь новых волнений, фабричный инспектор убедил товарищество несколько повысить заработную плату.

В *Нижнем Новгороде* местный социал-демократический союз должен был зимою 1895/96 г. вступить в борьбу с особым рода подрядной системой найма рабочих и расплаты с ними, практиковавшейся на механ[ическом]

* Убийцы-офицеры получили за свой подвиг «Высочайшую» благодарность: император Николай заявил, что он «*весьма доволен* стойким и спокойным поведением войск во время фабричных беспорядков»!!

зав[оде] тов[арищества] «Добров и Набгольц». Воззвание, с которым нижегородский соц.-демократический союз обратился к рабочим «Доброва и Набгольца», произвело очень сильное впечатление на рабочих и большой переполох в среде заводской администрации и полиции. Под его влиянием некоторые из самых вопиющих злоупотреблений, имевших место на названном заводе, прекратились, хотя, может быть, и не надолго.

На юге России пробуждение классового сознания рабочего класса идет не менее быстро, чем на севере. Там тоже нет ни одного крупного промышленного центра, в котором последние два-три года не ознаменовались бы стачками и иными проявлениями растущего недовольства пролетариата. Так, уже в 1893 и 1894 гг. полиция Ростова-на-Дону имела много хлопот с рабочими железнодорожного депо Владикавказской дороги, которые требовали (в марте 1894 года) повышения заработной платы и сокращения рабочего дня и вообще оказались весьма «неблагонадежными» *¹¹.

В Екатеринославе летом 1895 года полиция напала на след социал-демократической пропаганды на рельсо-прокатном Южно-Александровском заводе. Уже тогда арестовано было 16 рабочих. Эти аресты возобновились зимою 1895/96 г., и тогда наши екатеринославские товарищи пострадали очень сильно; арестовано было на разных фабриках и заводах около 100 человек; кроме того, многие рабочие, заподозренные в социалистическом образе мыслей, были лишены заработка, т. е. осуждены чуть не на голодную смерть.

Но едва ли не быстрее, чем в других центрах русского юга, идет вперед пробуждение классового самосознания пролетариата Одессы. Минувя множество мелких фактов, мы укажем на то, что в этой столице *Новороссии* в течение долгого времени рабочие собирались на правильные собрания в одном из местных ресторанов. На этих собраниях была выработана «программа южно-русских рабочих». Полиция узнала об этих собраниях и в один день арестовала двести человек, которые потом обвинялись в составлении тайного общества, имеющего целью вести агитацию среди рабочих законными и незаконными средствами. Но с этими арестами не прекратилось рабочее движение в Одессе. В июле того же года

* В марте 1894 года полиция выслала из Ростова-на-Дону административным порядком около 200 рабочих. Другие были посажены в тюрьмы под предлогом «политического преступления». Один из арестованных, рабочий Шамуров, был доведен до сумасшествия.

полиция сочла нужным закрыть три ресторана и один трактир, где происходили тайные собрания рабочих, и произвести много арестов в городе. В декабре того же года опять произошли аресты. Все арестованные обвиняются в социалистической пропаганде.

Переходя на запад России, мы с особенным удовольствием указываем нашим иностранным товарищам на успехи социал-демократической пропаганды между евреями, составляющими весьма значительную, а иногда и преобладающую часть населения в городах и местечках этого края. В этой местности фабрично-заводская промышленность развита слабо, там преобладает мелкий ремесленный труд, на почве которого вырастают своеобразные виды эксплуатации и которыми занимаются по преимуществу бедные евреи. Эти парии русской земли, не имеющие даже тех жалких прав, которыми обладает христианское население, «обыватели» России, обнаружили в борьбе со своими эксплуататорами столько стойкости и столько чуткости в понимании социально-политических задач современного рабочего движения, что их в некотором отношении можно считать авангардом рабочей армии в России *.

До какой степени ясно сознание передовых представителей еврейского социал-демократического движения, покажут несколько строк, выписанных нами из брошюры, изданной по поводу стачки на табачной фабрике одного из западнорусских городов:

«Нет единого еврейского народа, внутри его имеется два народа, два враждебных класса, и борьба этих классов дошла до таких размеров, что ее не может уже погасить ни уважение к синагоге и духовенству, ни грозная власть начальства».

И далее.

«Нам ли сожалеть об этом? Нам ли стараться помешать этому: ведь мы только в этой борьбе с капиталистами почувствовали себя людьми, только на этой борьбе научились понимать свои интересы, только в этой ненависти к капиталу мы воспитали в себе любовь и братское чувство к своим товарищам по страданиям, ведь только из этого раскола между капиталом и трудом выросло наше сознание, в этой борьбе оно развилось и окрепло. Нам ли жалеть о тех старых временах, когда невежественные, презираемые и ненавидимые снизу, опле-

* Укажем на то, что наш товарищ Плеханов является на Лопдонском конгрессе представителем, между прочим, тысячи организованных рабочих одного из городов западной России¹².

вываемые и притесняемые сверху, евреи влачили жизнь дикарей, вечно трясущихся за свое жалкое существование, вечно ожидающих грозы? Нам ли жалеть о потере связи между еврейским бедняком и еврейским магнатом, когда мы вместо нее приобрели связь, соединяющую нас с рабочими русскими, польскими, литвинскими, с рабочими всех стран? Будущее несет нам укрепление этой связи, рост нашей силы и нашего сознания, — чего же нам жалеть о темном прошедшем, без борьбы, без раскола, но зато и без жизни?»¹³

Эти строки не нуждаются в комментариях.

Как на яркий признак пробуждения сознания русско-го рабочего класса укажем, наконец, на тот интерес, с которым читаются нашими рабочими все попадающие в русские газеты известия о движении западноевропейского пролетариата, на празднование Первого мая, которое происходит на тайных собраниях русских рабочих, и на те приветствия, с которыми рабочие Петербурга и Москвы обратились в нынешнем году к французскому пролетариату по поводу празднования памяти Парижской коммуны 1871 г. На общей могиле борцов Коммуны на кладбище Pége-Lachaise между другими многочисленными венками были также венки от русских рабочих Москвы и Петербурга и от еврейских рабочих организаций западной России.

Таково, товарищи, положение рабочего движения в нашем отечестве. Мы указываем вам на него, ничего не увеличивая, но и не скрывая тех чувств гордости и надежды, которыми наполняются наши сердца при виде его пока еще скромных, но все-таки совершенно несомненных и многознаменательных успехов. Мы твердо верим, что раз начавшееся у нас рабочее движение будет быстро расти и развиваться. На парижском Международном рабочем социалистическом конгрессе 1889 года наш товарищ Плеханов сказал, между прочим, что *революционное* движение в России восторжествует как *рабочее* движение или совсем не восторжествует¹⁴. В то время его слова казались сомнительными многим представителям нашей оппозиционной и даже радикальной «интеллигенции». В настоящее время все более и более становится ясным, что движение в среде наших рабочих есть единственное истинно революционное движение в современной России. Все, что находится вне его, не может иметь серьезного самостоятельного значения. Борьба против абсолютизма делается победоносной только тогда, когда идеи политической свободы широкою вол-

ною проникнут в массу рабочего народа. Мы убеждены, что это время уже недалеко, что, следовательно, недалек и тот момент, когда падет русское самодержавие, этот последний и некогда самый надежный оплот европейской реакции.

Не желая, однако, ни обольщать самих себя, ни вводить в заблуждение наших западных товарищей, повторяем, что нами сделаны только первые, правда, самые трудные шаги на пути тайной организации революционных сил русского пролетариата.

Между тайными социал-демократическими организациями, действующими в различных местностях России, пока еще нет достаточной связи, а в их действиях — иногда и надлежащего единства. Создание такой связи и такого единства — основание *единой и нераздельной социал-демократической организации России* — должно составить главную цель наших усилий в ближайшем будущем¹⁵.

О ДЕМОНСТРАЦИЯХ

Дни идут за днями, но не походят один на другой. Давно ли люди, мнившие себя опытными «практиками», старались убедить «теоретиков» в том, что «толковать рабочей массе в России об уничтожении капитализма, о социализме, наконец, об уничтожении самодержавия — вообще нелепость», и резко порицали группу «Освобождение труда» за то, что она будто бы хотела «взять самодержавие на уру». Теперь голоса таких «критиков» окончательно смолкли, теперь даже неисправимые «экономисты» стараются придать своим речам *политический* оттенок, и теперь, по-видимому, в самом деле появились люди, думающие, что самодержавие может быть взято «на уру» одним энергичным усилием. Кто напоминает этим людям, что наша победа над царизмом еще не близка, того они упрекают в «*расхолаживании*» революционеров. Это, конечно, необдуманные упреки: серьезных революционеров не расхолодишь никакими напоминаниями о продолжительности предстоящей им борьбы, а на кого такие напоминания могут подействовать угнетающим образом, тот горяч лишь на поверхности. Победят врага не те, которые ежедневно твердят, что мы переживаем «*канун революции*», а те, которые готовы неустанно исполнять всю — как праздничную, так и будничную — работу, необходимую для скорейшего наступления кануна революции. Те крестоносцы, которые, едва выступив из своих деревень, при виде каждой колокольни спрашивали: «не это ли Иерусалим?» — не попали в Палестину. Иерусалим был взят теми опытными воинами, которые знали дальность ожидавшего их пути и приняли меры для преодоления его трудностей. В нашем деле самообман опаснее для нас, чем все военные хитрости нашего коварного неприятеля.

Демонстрации, ознаменовавшие собою начало 1901 г.,

повторились в его конце¹. Все заставляет думать, что и новый, 1902 год будет таким же, если не более, бурным, как и его предшественник. Рабочий класс принимает самое деятельное участие в демонстрациях; по большей части он составляет главную их силу. Но не будем обманывать себя словами. *Рабочий класс* оказывается представленным в демонстрациях *лишь некоторыми своими слоями*. Он еще не двинулся всей своей массой. Исключение из этого правила составляют разве лишь известные московские волнения². И именно тем, что не вся рабочая масса участвует в демонстрациях, объясняется то, что полиция пока еще очень легко справляется с «нарушителями порядка». Она еще нигде не встретила *отпора*. А отпор психологически необходим, потому что если его еще долго не будет, то демонстрации станут утрачивать свое воспитательное влияние на массу и приобретать в ее глазах значение опыта, доказывающего полную невозможность открытого сопротивления власти. И тогда неизбежно, естественно, возникнут такие формы борьбы, которые отдалят революционеров от рабочей массы и чрезвычайно сильно затруднят им решение их важнейшей задачи, о которой они не должны забывать нигде и никогда, — задачи систематического и неуклонного содействия всестороннему развитию классового самосознания пролетариата. Кто умеет ценить воспитательное значение демонстраций и кто желает сохранить это их значение, тот должен всеми силами стремиться к тому, чтобы они все более и более приобретали *массовый характер*. Там, где массовые демонстрации еще невозможны, лучше *до поры до времени* не выходить на улицу. Но зато там надо с тем большей энергией и немедленно же взяться за подготовку массовых демонстраций.

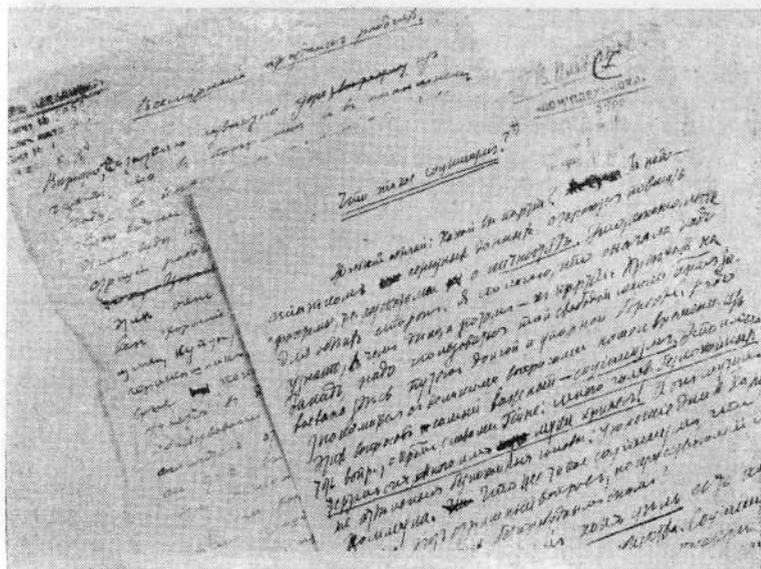
До сих пор на эту сторону дела не было обращено достаточного внимания. Перед нами лежит письмо, полученное редакцией «Искры» несколько недель тому назад из одного университетского русского города и прекрасно подтверждающее справедливость наших слов. «Вот теперь, — говорит автор письма, — опять начались студенческие волнения, грозящие разрастись в новые «беспорядки». Кажется, давно бы пора выпустить к рабочим прокламацию, излагающую ход событий в студенческой среде, объясняющую причины волнений и т. д., но ничего подобного не делается. Не знаю, чем это объяснить... Почему не сообщить рабочим о том, как борются за свои права студенты, почему не выяснить значения их борьбы с министерством народного просвещения

в общей борьбе всех оппозиционных элементов с правительством, не указать на стойкость и взаимную поддержку учащих разных городов?.. Интеллигенция как будто довольствуется тем, что две-три сотни рабочих, сконцентрированные в ее кружках, знают об всем, что творится кругом ее... до той же массы, которая скрывается за этими избранныками, ей никакого дела нет...»

Мы не хотим ручаться за то, что в этой картине нет никаких преувеличений. Отнюдь не хотим! Мы прекрасно знаем, что преувеличения вполне возможны в устах и под пером того, кто, близко и внимательно наблюдая ход дорогого ему дела, особенно поражается замеченными им упущениями и недостатками. Но что указанные автором письма недостатки и упущения действительно существуют, это для нас не подлежит сомнению. Политическая агитация в массе еще недостаточно обдуманна, широка и систематична. Рабочая масса, *взятая в ее целом*, еще мало знает о том, что делается в тех — рабочих и «интеллигентных» — слоях населения, которые уже вполне прониклись духом «беспорядка». Поэтому она и не оказывает этим слоям всей той поддержки, которую она могла бы и должна была бы оказывать. Если бы демонстрациям предшествовала обдуманная, систематическая и широкая агитация в рабочей массе, подобная той, которая имеет место в студенческой среде, — где перед каждой большой демонстрацией происходит множество подготовительных совещаний и собраний, — то на наш призыв откликнулись бы не тысячи, а десятки тысяч рабочих, и тогда мы повели бы с нашими «усмирителями» совсем другой разговор.

Верно, конечно, и то, что обдуманная, деятельная и широкая агитация в массе для подготовки *целесообразных* демонстраций сама предполагает существование стройной и прочной организации сил революционной социал-демократии. Но без такой организации нам теперь вообще невозможно обходиться.

Скажем еще раз: демонстрации должны теперь приобретать все более и более массовый характер. Но этого мало. На каждой демонстрации надо уметь противопоставить полицейским бесчинствам *организованное сопротивление*. Как организовать сопротивление? Лучший ответ на этот вопрос будет дан, разумеется, *опытом*. Но за опыт придется платить страшно дорого. Поэтому нам следует заранее прислушиваться ко всем практическим указаниям, идущим из лагеря противников нашего нынешнего политического строя.

Воззвание и лекция Г. В. Плеханова о значении идей научного социализма для развития революционного движения в России. Автограф.

Не так давно вышедшая за границей брошюра «Об уличных беспорядках (Мысли военного)»³ дает нам несколько советов насчет того, как сопротивляться организованной и вооруженной силе царского правительства. Правда, автор брошюры приурочивает свои советы к такому моменту, который еще не настал и пока еще неизвестно, когда настанет. Он советует в самом начале борьбы народа с войском как можно скорее *«изъять из обращения»* гражданское, полицейское и военное начальство. Этот совет сам по себе очень не дурен. Революционная социал-демократия, вероятно, и сделает рекомендуемый автором смелый шаг в то время, когда она, крепко организовав свои силы и приобретя решительное влияние на народную массу, а следовательно, и на весь ход общественных событий, окажется в состоянии взять на себя почин вооруженного восстания для нанесения последнего, смертельного удара издыхающему царизму. Это будет счастливое время. Но теперь мы вынуждены ставить себе те более скромные практические задачи, без предварительного решения которых указанное счастливое время никогда не станет для нас *настоящим временем*.

Невский проспект в конце XIX в.

нем. А в числе этих задач одно из самых первых мест занимает, по нашему мнению, организация такого сопротивления предрержавшим властям, которое, не будучи — пока еще преждевременным — открытым восстанием, вместе с тем обеспечило бы участникам демонстрации возможность давать хорошую сдачу полицейско-казацкой орде. Но и в этом смысле советы автора названной выше брошюры представляются нам далеко не бесполезными. Он пишет, напр.: «В современной народной толпе есть элемент очень ценный с точки зрения силы, могущей быть противопоставленной силе войска... Среди рабочих имеется немало запасных воинских чинов всех родов оружия. Есть пехотинцы, есть кавалеристы, есть артиллеристы... Сгруппировавшись по родам оружия, разделившись на десятки, с выбранным начальником во главе, рабочие из запасных воинских чинов во время волнения будут центрами, около которых сами собою сгруппируются разрозненные элементы толпы. Организованные в мирное время «десятки» — во время волнений явятся кадрами народного войска. Люди «десятка» должны хорошо знать друг друга, должны быть в состоянии доверять друг другу и вполне полагаться друг на друга... Во время боя люди «десятка» должны во что бы то ни стало держаться вместе...»

В другом месте брошюры автор обращает внимание своих читателей на ту пользу, которую может принести протянутая поперек улицы (на аршин от земли) проволока. По его замечанию, такая проволока может остановить движение конницы и артиллерии и породить очень полезную для революционеров сумятицу.

Наконец, отметим еще вот какие советы нашего автора: «Пехоту следует окружать со всех сторон, стеснять, разобщать солдат друг от друга и от их офицеров»... «Солдатам же следует заранее внушать, что не против них бьется народ...»

Все это очень похоже на полную и чрезвычайно полезную правду, и мы от всей души благодарим г. «военного» за его «мысли».

Конечно, дело не в частности. Запасные рядовые могут быть организованы не в «десятки», а как-нибудь иначе. Рядом с ними могут возникнуть и, вероятно, возникнут другие боевые единицы из рабочих и студентов. Очень возможно, что боевые дружины этого последнего рода окажутся даже более соответствующими свойствам нашей революционной среды. Но верно то, что мы уже теперь можем приступить к *организации сопротивления* во время демонстраций. Когда мы организуем его, тогда полицейские кулаки и казацкие нагайки перестанут безнаказанно гулять по головам и по спинам студентов, рабочих и «сторонних лиц».

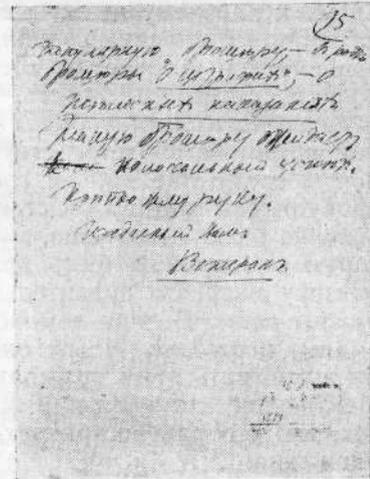
Эти соображения о пользе, которую могло бы принести нам создание подвижных боевых дружин, снова приводит нас к мысли о необходимости общей, централизованной организации сил революционной социал-демократии. Высказать эту мысль — значит повторяться. Но повторения в этом случае неизбежны, и мы не боимся их. С терпением перса, поневоле каждый день повторявшего своему господину: «Царь, помни об афинянах», мы добровольно будем твердить нашим товарищам: помните, что нам надо сорганизоваться! ⁴

РУССКИЙ РАБОЧИЙ КЛАСС И ПОЛИЦЕЙСКИЕ РОЗГИ

День Первого мая есть день *международной* рабочей демонстрации. В этот день рабочие всех стран выступают под одним знаменем — *под красным знаменем международной социал-демократии*. В этот день они наглядно показывают всем, имеющим очи, что боевой клич авторов Коммунистического манифеста: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» не остался гласом вопиющего в пустыне. В этот день даже очень близорукие люди видят, что мыслящие пролетарии всех стран действительно *соединились* и что число *немыслящих* — тех темных труженников, которые еще не пробудились к сознательной социально-политической жизни, — будет уменьшаться именно в той мере, в какой сознательные рабочие будут продолжать влиять на бессознательных. День 1 Мая показывает нам, *что уже сделано* в рабочей среде, и призывает нас с новой энергией продолжать действовать в ней, если только наша цель для нас не пустое слово и если мы не забыли, *что освобождение рабочих может быть лишь делом самих рабочих*.

В этот великий день господствующие классы всех стран чувствуют себя очень нехорошо: он напоминает им о *приближающейся социальной революции*. И вот почему их газеты злобно издеваются над демонстрантами, а их охранители «порядка» — полицейские всех ведомств и всяких наименований — придираются к рабочим гораздо усерднее, чем в обыкновенное время. *À la guerre comme à la guerre* (на войне — по-военному). Но война имеет свои законы. Законы этой войны, которая называется *борьбой классов*, определяются — по крайней мере тогда, когда дело еще не дошло до окончательной развязки, — *политическим устройством* тех стран, где она происходит. В *конституционных странах*, пользующихся благами *политической свободы*, рабочий класс имеет право печатно защищаться от нападков

Последняя страница варианта статьи Г. В. Плеханова «Русский рабочий класс и полицейские розги».

враждебной ему печати, а полиция сдерживает свое охранительное рвение ввиду того, что и на нее есть *законная управа*. Не то у нас в России. Рабочий класс лишен у нас всякой *законной* возможности открыто обсуждать и защищать свои интересы, полиция же наша прекрасно знает, что *воля начальства* есть для нее высший закон и что нет такого бесчинства, за которое ее могли бы притянуть к ответственности, если только это бесчинство совершено ею *по приказанию свыше*.

Самодержавие главы государства на практике равносильно *самодержавию* администрации, это — старая истина. Но и эта истина имеет свои оттенки. Еще Герцен заметил, что абсолютизм существовал когда-то и на Западе, однако на Западе никому в голову не пришло *высечь Спинозу* или отдать *Лессинга в солдаты*¹, в России же непременно сделали бы и то и другое. До какой степени справедливо это замечание, показывает вся история русской литературы, а еще лучше показывают это события последних лет. Отдача в солдаты целых сотен студентов представляет собою факт небывалый в истории западноевропейских университетов, а слух о сечении участников майской демонстрации кажется *тенденциозной ложью* даже тем из людей Запада, которые хорошо помнят подвиги западноевропейского абсолютизма.

Унизительные истязания, которым подверглись наши товарищи не только в Вильне, но и в некоторых других городах, чрезвычайно ярко характеризуют отношение ца-

ризма к рабочему движению. Царизм, основывающийся на полном бесправии *подданных*, предполагает, как свое неперемное условие, их совершенное *безличие* и их полную *бессознательность*. Майская демонстрация — *дело сознательных рабочих* — громче, чем все другие демонстрации, свидетельствует о том, что в русскую рабочую среду уже проник *свет сознания*, что в ней уже пробудилось чувство *собственного достоинства*. Столкновение было неизбежно, и оно приняло ту форму, которую оно должно было принять, сообразно всему характеру царского правительства. Этому правительству нужны *рабы*. В лице демонстрантов перед ним явились смелые *граждане*. И вот оно схватилось за розгу, чтобы напомнить этим гражданам, что чувства, их воодушевляющие, составляют у нас запрещенный товар и что тех, кто его распространяет, ждет последняя степень унижения.

Свист розог характеризует нынешний наш политический порядок несравненно лучше, чем мог бы характеризовать его *гром выстрелов*. Сечение — наказание, придуманное для рабов, — показывает, что самодержавие царя, равносильное самодержавию администрации, означает в то же время полное *рабство пролетариата*. Оно разоблачает колоссальную, по своему бесстыдству, ложь зубатовской политики²: чего ждать русским рабочим от правительства, которое порет их розгами за участие в такой демонстрации, которая совершенно свободно совершается там, где трудящаяся масса завоевала себе политические права? — Ничего, кроме новых цепей, ничего, кроме новых унижений! Русские рабочие не могут возлагать на него ни самой малейшей надежды. Русские рабочие должны проникнуться самой горячей, самой непримиримой ненавистью к царизму.

«Теперь мы достаточно знаем, что такое наш старый абсолютизм, — говорил Фердинанд Лассаль в одной из своих громовых речей. — Потому прочь всякие колебания, прочь всякая нерешительность! За горло его и колена ему на грудь!»³

Многие и многие из тех русских рабочих, которые уже начали задумываться об интересах своего класса, но которые еще не решались выйти на путь революционной борьбы с правительством, теперь, под влиянием известия о расправе с участниками майской демонстрации, наверно перестали колебаться, наверно расстались со всякой нерешительностью и прониклись страстным

желанием поскорее положить конец нашему позорному политическому порядку, сделавшему возможным грубое издевательство над их братьями, рабочими. Они поняли, что первым крупным шагом к освобождению русского рабочего класса от его многочисленных бедствий должно быть *низвержение царизма*.

Нет, должен быть насилью предел
Коль угнетенный права не находит,
Коль для него несносно стало бремя

.....
Когда ничто помочь ему не может,
Тогда ему остался острый меч!

Полицейская расправа с участниками майской демонстрации громко вопиет о мщении. Ни один сознательный русский пролетарий, ни один искренний друг русского пролетариата не имеет права успокоиться до тех пор, пока месть не совершилась. Но как мстить? кого карать? Вот вопрос, настоятельно требующий от нас ответа.

Самоотверженный Леккерт решил его по-своему, напав несколько пуль в виленского обер-палача. Вечная память герою. Но герой погиб, а иго царизма по-прежнему давит на израненные плечи русского рабочего класса, и по-прежнему позор розги угрожает всему трудящемуся населению России за самое малейшее проявление самосознания и независимости. Как избавиться от этой угрозы, одно существование которой есть уже кровавая обида всему трудящемуся населению России?

По нашему мнению, к этой цели ведет только один путь, но зато этот путь вполне верен, и наша партия не может миновать его в настоящее время.

Если вчера Иван подвергнут был телесному истязанию в участке, а сегодня Петр убьет кого-нибудь из полицейских, то человеческое достоинство Ивана все-таки останется *поруванным*. Вера Засулич выстрелила в Трепова, приказавшего высечь Боголюбова розгами⁴. Этот поступок сделал честь Вере Засулич, но, к сожалению, он не вывел Боголюбова из невыносимого нравственного состояния. Наша ближайшая практическая задача заключается не в том, чтобы карать отдельных слуг царя — мы все равно не в состоянии были бы покарать каждого из них в отдельности, — а в том, чтобы вообще отбить у правительства охоту отвечать на демонстрации розгами. А этого мы не достигнем самоотверженными действиями отдельных лиц; этого можно дос-

тигнуть только *отчаянным сопротивлением со стороны всех тех, кому угрожает телесное истязание.*

Администрация имела законное право сечь революционеров, заключенных в Шлиссельбургскую крепость: она не пользовалась этим правом, она хорошо знала, что шлиссельбургских узников можно повесить, можно задушить подушками, можно заколоть штыками или убить прикладами, но нельзя наказать розгами. Она понимала, что они будут сопротивляться до последней крайности и что, вследствие этого, вместо *«наказания»* произойдет просто-напросто *изувечение* или даже *убийство* одного или нескольких заключенных — факт, способный наделать много неприятного шума в России и за границей. Отчаянная решимость предохраняла шлиссельбургских узников от поругания. *Она же предохранит от него и нынешних участников демонстрации.*

И пусть не говорят нам, что в Шлиссельбурге заключены революционеры, энергия которых была закалена целыми годами борьбы, между тем как в демонстрациях могут принимать участие обыкновенные, «средние» люди, только что вышедшие на путь протеста. Между арестованными демонстрантами, наверное, всегда найдется несколько закаленных и испытанных борцов, способных взять на себя почин сопротивления и увлечь за собой средних людей «толпы». Русская трудящаяся масса, — рабочий городской и сельский уже пережил тот период детства, в течение которого он легко мирился с розгой. Теперь она глубоко оскорбляет его нравственное достоинство, и его уже нетрудно заразить примером самозащиты.

Сопротивление палачам; сопротивление во что бы то ни стало; сопротивление до последних сил, до последнего издыхания — вот необходимый теперь ответ на полицейские розги. Благодаря такому сопротивлению, сцены «исправительного наказания» уступят место гораздо более драматическим сценам *героической самозащиты* революционеров в полицейских застенках. И если после такой самозащиты, — которая, разумеется, поведет за собою многие «неприятности» и даже опасности для руководителей полицейской расправы, — если даже и после нее полицейским варварам удастся-таки подвергнуть истязанию своих побежденных пленников, то из такого *истязания* совершенно исчезнет элемент «наказания», ломающего волю наказуемого и заставляющего его, подобно рабу, покорно ложиться под розги победителя, останется только элемент живодерства, напоминающий те

мучения, которым краснокожие дикари Америки подвергали своих врагов. И это мучительство окажется таким могучим агитационным средством; оно покроет правительство таким позором; оно вызовет к нему такую жестокую ненависть во всех слоях населения, что от него вынуждены будут отказаться даже самые допотопные помпадурь.

Отдельные лица, способные на самоотверженный подвиг, бывали у нас прежде; они есть и теперь, но самоотверженные подвиги отдельных лиц не устранят нынешней нашей политической системы; а нам нужно устранить именно всю эту систему, потому что только ее полное крушение, только полное политическое освобождение России может достойно отомстить за все притеснения и за все унижения, испытываемые русским пролетариатом со стороны нашего полицейского государства. Нам, стоящим на точке зрения пролетариата, необходимо вдохнуть дух героизма в *рабочую массу*. И мы вдохнем его в нее, потому что русский рабочий уже не раб по своему настроению, потому что он уже сознает свое достоинство и способен носить с честью «гражданина сан».

Итак, надо *сопротивляться* розге. Но этого недостаточно. Надо уметь также *сопротивляться и арестам во время демонстраций.* «Искра» давно уже указывала на то, что необходимо организовать такое сопротивление. Она указывала отчасти и на то, как можно, по ее мнению, организовать его⁵. Но этот последний вопрос принадлежит к числу тех практических вопросов, которые лучше всего решаются на месте соединенными силами сознательных рабочих. Мы же скажем теперь одно: эти сознательные рабочие должны помнить, что на них лежит теперь великая обязанность: *обязанность помешать полиции остановить революционное воспитание массы.*

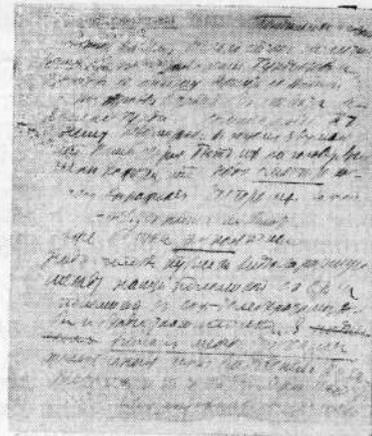
ЗНАЧЕНИЕ РОСТОВСКОЙ СТАЧКИ

Всякий новый шаг, сделанный русским пролетариатом на пути своего политического развития, вызывает в нашей революционной среде новые споры по тактическим вопросам. Это вполне естественно и очень хорошо. Естественно — потому, что новые шаги рабочего движения служат для нас новыми «уроками жизни», а уроки жизни настоятельно требуют своего истолкования. Хорошо — потому, что тактические споры содействуют этому истолкованию и тем избавляют нас, по крайней мере, от некоторых практических ошибок и от тяжелых разочарований, неизбежно следующих за практическими ошибками. «Практика» — великая и ничем не заменимая вещь. Но сама по себе она еще ровно ничему не учит. Чтобы пользоваться ее указаниями, надо уметь замечать и понимать их.

О недавних ростовских событиях много и горячо спорят теперь русские революционеры. Мы от души радуемся этим спорам, но мы позволим себе заметить, что иное дело *судить* о каком-нибудь общественном явлении, а иное дело *судачить* по его поводу. Судаченье бесплодно по самой природе своей. Оно не только ничего не выясняет, но, напротив, затемняет даже и то, что было ясно с самого начала. К сожалению, о ростовских событиях многие именно не *судят*, а *судачат*, и это очень, очень жаль, ибо эти события заслуживают самого серьезного внимания.

Результатом судаченья являются, между прочим, те обвинения, которые выдвигаются против нашего Донского комитета. Эти обвинения подчас поистине комичны. Так, например, один «интеллигент» (как видно, весьма *неинтеллигентный*) публично (т. е. на большом собрании революционеров) упрекал названный комитет в том, что тот не поддержал группы молодых людей, явившихся с революционными *песнями* на одно из первых соб-

Письмо Г. В. Плеханова
В. И. Ленину от 9 февраля
1903 г. о ростовских событиях.

раний стачечников. Перед такими упреками можно не останавливаться. Всякий дельный революционер без труда поймет, что бывают положения, когда агитаторам совсем не до песен. Но есть обвинения, имеющие более серьезную *видимость*.

Некоторые сторонники политической агитации находят, что Донской комитет дурно поступил, не воспользовавшись волнением ростовской рабочей массы для устройства демонстрации. А иные идут так далеко, что приписывают ему, на этом основании, склонность к печальной памяти «экономизму». Перед этим обвинением нельзя не остановиться, так как оно не только несправедливо, но и способно посеять ряд самых опасных тактических недоразумений.

Несправедливость его состоит в том, что оно совершенно неверно изображает дело. Демонстрация в Ростове была, и притом очень величественная и необычайно продолжительная. Она началась в четверг, 7-го ноября, и окончилась только в следующий четверг, т. е. в тот день, когда состоялось последнее *массовое* собрание под открытым небом. Число участников этой величественной и необычайно продолжительной демонстрации, разумеется, не оставалось неизменным, но, несмотря на все колебания, оно было очень велико, временами достигая до 20 и даже до 30 тысяч. Таких демонстраций у нас еще никогда не бывало, и вот почему ростовские события составляют эпоху в истории нашего рабочего движения. Не понимать этого могут только те, которым вообще не-

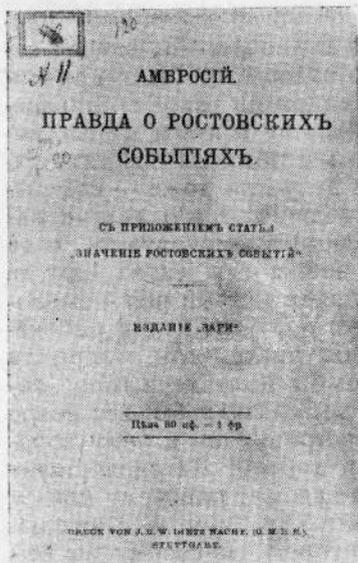
ясны значение и задачи нашей агитации в рабочей массе.

Обвинителей ввела в ошибку внешность явления. Они привыкли думать, что уличное шествие составляет необходимый признак демонстрации, и потому, услышав, что в Ростове уличного шествия не было, они умозаключили, что не было и демонстрации. Но названное шествие вовсе не составляет необходимого признака демонстрации. Его не было во время *демонстрации* перед Казанским собором в 1901 г.¹, его не было и во время демонстрации перед тем же собором в декабре 1876 г.² Скажут ли нам, что тогда не было и демонстраций? Наконец, если бы ростовские народные собрания под открытым небом и не были демонстрациями в собственном смысле этого слова, если бы нам доказали, что их правильнее назвать, например, митингами для выражения народного недовольствия, то мы и в этом не видим беды. Шекспир говорит где-то, что, как бы мы ни назвали розу, она не утратит своего запаха. О ростовских собраниях мы скажем, что какое бы имя мы им ни дали, мы все-таки должны будем признать, что они имели колоссальное влияние на развитие классового самосознания ростовских рабочих. А развитие классового самосознания в рабочем классе и есть та великая цель, которую мы преследуем в своей агитации, и если Донской комитет достиг ее, не прибегая к демонстрации, то от этого не уменьшилась его заслуга. Обвинители говорят, что Донской комитет должен был вести собравшихся «в балке» рабочих в город. Но мы не понимаем, почему это было обязательно. Зачем было идти из «балки» в город, когда весь город шел «в балку»? Почему Магомет непременно должен идти к горе даже в том случае, когда сама гора идет к Магомету? Агитация агитации — рознь. Есть агитация, плодотворная с точки зрения *социал-демократов*, и есть агитация, полезная с точки зрения других партий, например *анархистов*, или так называющих себя *социалистов-революционеров*. Агитацией занимались люди, говорившие политические речи собравшимся «в балке» ростовским рабочим. И агитацией занимались бы люди, которые воспользовались первым загородным собранием рабочих для того, чтобы вести их в город. Но между тем как огромные собрания «в балке» послужили превосходнейшей школой политического воспитания ростовского пролетариата, демонстративное движение в город могло бы закончиться таким столкновением с военной силой, на которое потрапалась

бы вся энергия совершившегося тогда массового движения и которое не только не подвинуло бы вперед самосознания массы, но надолго задержало бы его развитие. С точки зрения социал-демократии такое столкновение было бы вредно. Мы должны не бояться жертв, когда они полезны для дела, но мы обязаны избегать их, когда они не приносят пользы делу или даже — как было в разбираемом случае — отодвигают его далеко назад. Но если бы мы не были социал-демократами, если бы неизменным критерием в наших суждениях нам не служил вопрос о том, как повлияет данный шаг революционеров на развитие классового самосознания рабочего класса, то мы рассуждали бы иначе. Мы твердили бы: надо идти в город. А если бы шествие в город закончилось кровавой неудачей, мы сказали бы: вот новое доказательство того, что демонстрации ни к чему хорошему не ведут. Да здравствует террор! Да здравствует «боевая организация», которая завоеует рабочему классу политическую свободу! (См. опубликованные «Революционной Россией»³ письма Качура⁴.) По-своему мы были бы очень логичны, но наша логика не имела бы ничего общего с логикой освободительного движения пролетариата.

Колоссальные ростовские собрания «в балке» не только представляют в своей совокупности чрезвычайно внушительную *демонстрацию*, но и свидетельствуют о том, что наша политическая агитация может и должна войти теперь в новую необходимую и плодотворную фазу.

До сих пор у нас и в демонстрациях обыкновенно обнаруживалось то разделение и та отчужденность «героев» от «толпы», которые были в одно и то же время и следствием, и причиной слабости нашего революционного движения. «Герои» прохаживались перед «толпой» крича: «Долой самодержавие!», махая красными флагами и, по мере возможности, отбиваясь от полицейских бандитов. «Толпа» прислушивалась к «возмутительным» возгласам «героев», читала надписи на красных флагах, более или менее сильно возмущалась полицейскими зверствами и более или менее громко выражала свое сочувствие демонстрантам. Но дальше этого дело не шло или шло очень редко. Чаще всего «толпа» оставалась сама по себе, а «герои» сами по себе, и именно потому, что эти последние оставались сами по себе, им приходилось со стыдом уступать первому серьезному натиску со стороны полиции. А это приводило их к сомнению в

Титульный лист брошюры А. Мочалова (псевд. *Амвросий*), где была напечатана статья Г. В. Плеханова «Значение ростовской стачки» (подзаголовок в типографии дан неверно).

целесообразности демонстраций как агитационного средства. Они — или, по крайней мере, некоторые из них — говорили себе и другим: «Стоит ли выходить на улицу для того, чтобы после самого непродолжительного сопротивления улепетывать от полицейских кулаков и казацких нагаек? Не лучше ли, не целесообразнее ли давать единоличный отпор наиболее зарвавшимся царским опричникам?» И многим начинало казаться, что поступать так действительно будет лучше и целесообразнее. А раз они приходили к этому убеждению, — они начинали смотреть на так называемый (на самом деле никого не пугающий) террор, как на самое действительное средство революционной борьбы, приписывая демонстрации лишь второстепенное, подчиненное значение. А террор роковым образом привел бы к еще большему отчуждению «героев» от «толпы» и к еще большему ослаблению сил «героев». Таким образом весь ход нашей политической агитации неизбежно привел нас к следующему противоречию: в интересах развития политического самосознания в массе мы должны были прибегать к демонстрациям, а прибегая к демонстрациям, мы, против всякого ожидания, укрепляли то настроение в революционной среде, в результате которого явился бы фактический отказ от непосредственного воздействия на

массу. Разрешить это противоречие можно было только одним путем: путем устранения той причины, которая вызывала слабость сил демонстрантов. А так как эта причина заключалась в том, что демонстрации были делом не «толпы», а одних только «героев», то нужно было, чтобы «герои» перестали существовать в качестве отдельного от «толпы» элемента. Другими словами, необходимо было придать демонстрациям *массовый характер*. На эту необходимость мы указывали еще в № 14 нашего органа⁵.

И вот ростовские события показали, что мысль о слиянии «героев» с «толпой» не имеет в себе ничего несбыточного. В ноябре прошлого года в Ростове-на-Дону не было ни «героев», ни «толпы», а была огромная, многотысячная масса рабочих, неудержимо рвавшихся в новую, сознательную жизнь и готовая самоотверженно бороться со своими угнетателями и усыпителями. «Герои» исчезли в «толпе», «толпа» слилась с «героями». Она сама прониклась героическим самосознанием и потому перестала быть «толпой», превратившись в сознательный отряд сознательной армии международного пролетариата.

И как только состоялось это превращение, сейчас же всем стало ясно, что теперь полицейские бандиты совсем не так сильны и страшны, как были прежде. «Боишься ли мы атамана?» — спросил один из ораторов у рабочих, собравшихся на балке. — «Нет, не боимся!» — дружно отвечали рабочие. «Стало быть, мы будем продолжать наше собрание?» — спросил он опять. «Да, будем продолжать!» — как один человек, отвечала вся огромная масса. И собрание продолжалось на глазах у удивленных и испуганных бандитов полицейского «порядка», которые должны были понять тогда — если они еще не совсем утратили способность понимания, — что на общественную сцену России выступает новая, могучая сила.

Если дело приняло такой счастливый и многозначительный оборот, то этим мы в значительной степени обязаны находчивости, благоразумию и такту нашего Донского комитета, который сумел избежать тактических односторонностей и извлечь из событий наибольшую долю того, что можно было извлечь из них для политического воспитания рабочих. Этим он оказал нашему движению большую услугу. И чем скорее распространится в русской социал-демократической среде сознание важности этой услуги, тем более очевидно станет

для каждого из нас, до какой степени неосновательны нападки*, сыплющиеся на Донской комитет со стороны тех людей или даже целых направлений, у которых очень слаба сила суждения, но зато очень сильна потребность *судачить*.

Да, ростовские события открыли собою новую эпоху, эпоху *массовых демонстраций*. Демонстрации «героев», прохаживающихся перед «толпой», и отжили свое время, и утратили свое значение. Теперь демонстрации должны быть массовыми, или их вовсе не должно быть. Говоря это, мы ни на минуту не забываем о том, что массовые движения не могут быть вызываемы по произволу той или другой революционной организацией. Они подготовляются общим ходом социального развития. Но люди, понимающие ход этого развития, могут способствовать *его ускорению*. В том и состоит отличие социальной демократии от других политических партий, что ее деятельность является сознательным выражением бессознательного общественного процесса, который делает из пролетариата передовую общественную силу. Раз мы убедились в том, что теперь начинается эпоха массовых демонстраций, мы должны сообразно с этим убеждением направить всю свою подготовительную агитационную работу. «Искра» уже указывала на агитацию в студенческой среде, как на такую, которая в известной мере может служить образцом для агитации в среде пролетариата. Студенческим «волнениям» последних лет предшествовала обыкновенно систематическая, подготовительная работа, выяснявшая смысл начинавшейся борьбы и значение выставляемых требований. Известно, что даже и такая систематическая работа не приводила к полному единодушию между студентами. В их среде всегда находились элементы, относившиеся к движению несочувственно или просто равнодушно. Это неудивительно; такие элементы найдутся всегда и везде. Но важно то, что, благодаря систематической подготовке движения, к нему присоединялись все студенты, по своему умственному развитию и по своим нравственным свойствам способные к нему присоединиться. Студенческое движение располагало, вследствие этого, наибольшим числом тех сил, которыми оно могло располагать. И потому с ним так трудно было справиться. А то политическое движение, которое должно увлечь за собою все

* Эта статья была уже набрана, когда мы получили № 15 «Революционной России», дающей замечательные образчики этих неосновательных нападок.

живые элементы пролетариата, до сих пор увлекало только незначительный его слой, между тем как другие его слои оставались неподвижными, несмотря на то что и в них накопился уже немалый запас революционной энергии. До них не достигали политические призывы социальной демократии, и потому они не давали на них никакого отклика. А этим неизбежно обуславливалась слабость нашего политического движения. Чтобы устранить ее, нам нужно подготовить свои демонстрации так же старательно, как подготавливает передовое студенчество свои «волнения» в среде учащейся молодежи. Нам нужно звать на борьбу все те элементы рабочей массы, которые *уже* способны примкнуть к ней. В этом случае нам помогут «возмутительные воззвания», если только мы сумеем — а мы обязаны суметь — придать им действительно массовое распространение. Наконец, нам необходимо способствовать развитию тех элементов пролетариата, которые еще не пробудились от своей политической дремоты. Это наши товарищи будущего времени. Сегодня они еще боятся «политики» и потому неохотно слушают политических агитаторов. Но скоро — может быть, не далее как завтра — они поймут, что «политика» соц.-демократии есть политика их собственных, насущных и осязательных классовых интересов, — и тогда они будут отвечать восторженным «ура!» на наши политические речи. А чтобы им стал понятен смысл нашей «политики», мы, принимаясь за агитацию в их среде, должны исходить именно из насущных и осязательных интересов, всеми силами стараясь в то же время обнаружить противоречие этих интересов с интересами существующего порядка. Ростовские события показали, между прочим, что при умелом ведении дела нас ждет здесь верный и скорый успех. А успех означает в этом случае не более, не менее, как то, что к революционной армии постоянно будут примыкать свежие, все более и более густые, все более и более многочисленные колонны и политическая борьба, начатая «революционной бациллой», все более и более будет становиться массовым движением, борьбой целого класса.

Много тяжелой работы предстоит нам впереди! Но это-то и хорошо! Даром ничто не дается, а наша тяжелая работа быстро приближает нас к нашей великой цели. *Весело жить в такое время!*